

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Аникин Д. А.** Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме: российский опыт 3
- Бугрова Т. И.** Трансформация представлений о пространстве и времени в классической философии и науке 8
- Горчакова С. А.** Проблема аргіогі и гуманитарных наук в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера 12
- Дорошин И. А.** Социально-философская перспектива изучения динамики фундаментализма 16
- Дуплинская Ю. М.** Аналоговое и дигитальное как типы конституирования и деструкции сущего 21
- Катер Р.** Соотношение тела и духа – ключ к определению человеческой идентичности 27
- Косыхин В. Г.** Постсобытийность и субъект отсутствия в объективной феноменологии Алена Бадью 34
- Кузнецова В. В.** София как образ вечной женственности в философии В. С. Соловьева 38
- Лаконин М. В.** Онтологическое значение созерцания в философии Плотина 42
- Орлов М. О.** Межкультурная дискурсивная стратегия: социально-философский анализ взаимодействия России и Китая 46
- Павлова Н. В.** Отрицательные социальные коммуникации 51
- Ручин В. А.** Светский и религиозный аспекты современного образования 55
- Соколова Д. М.** Основные тенденции виртуализации социального в информационную эпоху 61
- Щедрин К. С.** Вечное возвращение текста: от Ницше к постструктурализму 65

Психология

- Беляков А. Е.** Ценностная детерминация копинг-поведения у студентов вуза 69
- Бочарова Е. Е.** Современные подходы в методологии исследования субъективного благополучия личности 73
- Локаткова О. Н.** Влияние потребностно-мотивационной сферы личности старшеклассника на готовность к обучению в вузе 79
- Орлова М. М.** Сравнительный анализ роли социальных представлений в процессе адаптации к ситуации тяжелого, инвалидизирующего соматического заболевания 83
- Пантелеев А. Ф.** Когнитивные стратегии: феноменология 88
- Печерский А. В.** Ценностно-мотивационная детерминация поведения личности 93
- Рягузова Е. В.** Детерминанты саморепрезентаций личности 98
- Самохвалова А. Г.** Функции и дисфункции затрудненного общения на ранних этапах онтогенеза 104

Педагогика

- Бокова Т. Н.** Анализ основных философско-педагогических концепций США в XX веке 110
- Лукашенко Д. А.** Теоретические аспекты подготовки будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников 114
- Поздняков А. Н.** Российская школа рубежа XIX–XX веков в оценках современников 118

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Коссович Леонид Юрьевич
Заместитель главного редактора
Усанов Дмитрий Александрович
Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Захаров Андрей Михайлович
Ивченков Сергей Григорьевич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ**

Главный редактор
Устьянцев Владимир Борисович
Заместитель главного редактора
Белов Владимир Николаевич
Ответственный секретарь
Малкина Светлана Михайловна

Члены редакционного совета

Гобозов Иван Аршакович
Железковская Галина Ивановна
Мартынович Сергей Федорович
Орлов Михаил Олегович
Шамионов Раиль Мунирович

Члены редакционной коллегии

Аксеновская Людмила Николаевна
Афанасьева Вера Владимировна
Беляев Евгений Иванович
Богатырева Елена Николаевна
Капичникова Ольга Борисовна
Листвина Евгения Викторовна
Мокин Борис Иванович
Позднева Светлана Павловна
Рожков Владимир Петрович
Рягузова Елена Владимировна
Турчин Геннадий Демьянович
Фризауф Василий Александрович
Фролова Светлана Владимировна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисунковые подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате TIFF, EPS или JPEG.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Зав. редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Гаврина Марина Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Ковалёва Наталья Владимировна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: arophia@inbox.ru

Подписано в печать 21.06.2013.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41(15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 28.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2013

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Anikin D. A.** The Phenomenon of Forgetting and the Dialogue of Cultures in the Globalizing Society: the Russian Experience 3
- Bugrova T. I.** The Transformation of Concepts about Space and Time in the Classical Philosophy and Science 8
- Gorchakova S. A.** Problem of a Priori and the Humanities in L.Binswanger's Existential Psychoanalysis 12
- Doroshin I. A.** Perspective Study Fundamentalism in Social Philosophy and Species Group Features 16
- Duplinskaya Yu. M.** The Analog and the Digital as the Types of Construction and Destruction of Being 21
- Kather R.** The Relation of Body and Mind – a Fundamental Issue concerning Human Identity 27
- Kosykhin V. G.** Post-Eventuality and the Subject of Absence in the Objective Phenomenology of Alain Badiou 34
- Kuznetsova V. V.** Sofia as an Image of Eternal Feminine in the Philosophy of V. S. Solovyov 38
- Lakhonin M. V.** The Ontological Meaning of the Concept of Contemplation in the Philosophy of Plotinus 42
- Orlov M. O.** Intercultural Discursive Strategy: Socio-Philosophical Analysis of Interaction between Russia and China 46
- Pavlova N. V.** Negative Social Communications 51
- Ruchin V. A.** The Secular and the Religious Aspects in Modern Education 55
- Sokolova D. M.** The Basic trends of Virtualization of the Social in the Information Age 61
- Schedrin K. S.** The Eternal Recurrence of the Text: from Nietzsche to Post-structuralism 65

Psychology

- Belyakov A. E.** Value Determination of Coping-Behaviour Construction the Students of the University 69
- Bocharova E. E.** Modern Approaches in Methodology of Research of Subjective Well-being of the Person 73
- Lokatkova O. N.** Influence by the Needs and the Motivational Sphere of the Identity of the High School Student on Readiness for Training in Higher Education Institution 79
- Orlova M. M.** Comparative Analysis of the Social Concepts Role in Adapting to the Situation of Severe Disabling Somatic Disease 83
- Panteleev A. F.** Cognitive Strategy: Phenomenology 88
- Pechersky A. V.** Value-Motivational Determination of Behaviour of the Individual 93
- Ryaguzova E. V.** Determinants of Self-Representations of the Personality 98
- Samohvalova A. G.** Function and Dysfunction of Difficulties Communicating in the Early Stages of Ontogeny 104

Pedagogics

- Bokova T. N.** Analysis of the Major Philosophical-Pedagogical Concepts in the United States of America in the XX Century 110
- Lukashenko D. A.** Theoretical Aspects of Preparing Future Teachers for Diagnosis of Students' Education Results 114
- Pozdnyakov A. N.** Russian School at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Estimations of Contemporaries 118

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ФЕНОМЕН ЗАБЫВАНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Д. А. Аникин

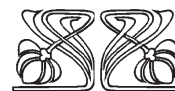
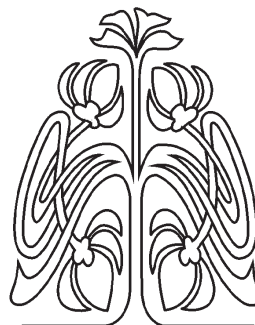
Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена феномену забывания как неотъемлемому элементу диалога культур в глобализирующемся мире. Можно выделить не только способы сохранения исторической памяти, но и типы забывания в контексте резких социальных трансформаций общества. Специфика исторической амнезии в условиях современного российского социума заключается в попытке соотнести феномены живой, коммуникативной памяти с принципиально иной политической символикой. Особую актуальность приобретает обращение к советскому опыту, причем символы советской эпохи подвергаются перекодированию с учетом новых социальных и политических феноменов.

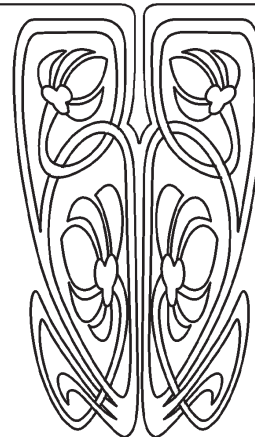
Ключевые слова: социальная память, забывание, глобализация, образы прошлого.

Изучение социальной памяти, как правило, сосредоточивается на выявлении предпосылок процессов сохранения исторической информации, социально значимых образов прошлого. Но у процессов воспоминания и сохранения имеется и обратная сторона, которой является забывание. С психологической точки зрения, один процесс без другого невозможен – закрепление новых фактов в сознании автоматически сопровождается устранением, старые заменяются новыми либо полностью утрачивают свою значимость. Эти явления, свойственные индивидуальному сознанию, протекают и в сознании крупных социальных общностей. Из основоположников изучения социальной памяти следует указать на М. Хальбвакса и П. Рикера, которые с совершенно различных позиций обратились к феномену забывания.

Специфика социальной памяти, по М. Хальбваксу, заключается в том, что она не существует в виде упорядоченного набора фактов, с заранее оговоренными сценариями интерпретации, но постоянно воссоздается в результате изменения интересов социальных групп. В процессе воспоминания единичные факты в целях экономии мышления сворачиваются в определенные стандартизированные мифологемы: тем самым они теряют свою уникальность, но приобретают универсальный характер обязательных для всех членов данного сообщества предписаний, имеющих сакральную окраску. Я. Вансина указывает на то, что механизм перехода индивидуального опыта в достояние коллективной памяти тесно связан с социально-биологическими циклами, важнейшим из которых является смена поколений. Знание о событиях прошлого в процессе передачи воспоминаний от поколения к поколению постепенно лишается уникальных особенностей, свойственных личным воспоминаниям

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

очевидца этих событий, и приобретает универсальный (в смысле значимости не для конкретного индивида, а для всей социальной группы в целом) характер [1, с. 12].

Социальные рамки памяти, существующие в настоящем, определяют тот образ прошлого, который удается удержать коллективу и индивидуальному человеку как его представителю в своем сознании. Смена референциальных рамок ведет за собой и изменение тех фактов, которые удерживаются в социальной памяти, но поскольку само существование подобных рамок не осознается их носителями, то и изменение содержания памяти не фиксируется в сознании представителей социальной группы. Следует сразу оговориться, что это положение Хальбвакса оказывается верным применительно к устной памяти, передающейся в процессе непосредственной коммуникации и не закрепляемой в письменных источниках. Наличие текстов, фиксирующих содержание социальной памяти, позволяет создать «точки отсчета», сравнение которых демонстрирует не только устойчивый характер социальной памяти, но и ее постоянную изменчивость [2, с. 18]. Таким образом, забывание является естественным процессом устранения тех фактов, которые утрачиваются своей социальной функциональностью, лишаются определяющих их «рамок».

В работах П. Рикера представлена феноменологическая трактовка запоминания и забывания. С его точки зрения, *память* представляет собой интенциональную направленность сознания на прошлое, в то время как предметом, конституируемым в результате деятельности памяти, выступает воспоминание как репрезентация конкретной вещи или явления [3, с. 44]. Если термин «память» используется для обозначения целостной и единой способности человека, то воспоминание характеризуется множественностью проявлений и изменчивостью уровней их различения. Рикер выделяет следующие фундаментальные дихотомии, подчеркивающие широкое смысловое поле употребления термина «воспоминание»:

1) *привычка – воспоминание*. Воспоминание представляет собой целенаправленную деятельность человека по сохранению фрагментов прошлого и их воссозданию в настоящем, воспоминание уже одним фактом своего вызывания конституирует ту пропасть (конечно, онтологическую, а не хронологическую), которая имеет место между фактом, совершившимся в прошлом, и фактом обращения к прошлому. Действия же, совершаемые «по привычке», лишены смысла различения, в самой повторяемости кроется «их вечное настоящее», затеняющее временной характер происходящего. Привычка – это, используя терминологию Р. Жирара, «миметическая

память», которая построена на автоматическом подражании устоявшимся образцам поведения и отсутствии рефлексии по поводу собственной деятельности [4, с. 31]. Другим критерием различения этих понятий выступает артикулируемая Бергсоном связь воспоминания с созданием образа, которого не требует привычка, «...чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо обладать способностью отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надо хотеть мечтать» [5, с. 208];

2) *воскрешение в памяти – вызывание в памяти*. Рассматривая эту оппозицию, Рикер возвращается к проблеме, поставленной Гуссерлем, о соотношении преднамеренного воспоминания и непреднамеренной работы памяти. Как уже говорилось, Рикер определяет сходство рефлексивной и нерефлексивной памяти в конечном продукте их деятельности – воспоминании, но видит различие в протекании самих процессов обращения к прошлому. Воскрешение в памяти может быть вызвано ассоциативным мышлением или чувственным восприятием, в то время как вызывание в памяти предполагает целенаправленную деятельность по розыску в прошлом необходимого факта или предмета. Последний вид воспоминания тесно связан с феноменом забывания, поскольку люди «ищут то, что, как опасаются, забыли, – временно или навсегда, не имея при этом возможности на основе обычного опыта провести границу между двумя гипотезами о принципах забвения: идет ли речь об окончательном стирании следов ранее приобретенных знаний или о временном препятствии, мешающем их активации, которое при случае можно проделать» [3, с. 51]. Вызывание в памяти, таким образом, представляет собой разворачивание «свернутого» воспоминания из единичного образа под воздействием страха забвения.

Обращаясь к своему воспоминанию, человек не просто заново «прокручивает» в памяти тот или иной факт, он вынужден достраивать утраченные фрагменты воспоминания с помощью образов, что порождает вопрос о том, насколько образы способны изменять и подменять прошлое. Воспоминание всегда имеет образную природу, что и роднит деятельность таких способностей человеческого сознания, как память и воображение, но их сходство в выборе средств обращения к предмету (память и воображение одинаково прибегают к образам) оказывается пресечено на уровне интенциональной направленности. Предмет, который конституируется памятью, наделяется атрибутом реального существования, а предмет, создаваемый воображением, априори воспринимается как нечто иллюзорное и вымышленное. Феноменологическая трактовка забывания заключается в рассмотрении этого процесса как условия воспоминания, поскольку

реконструкции прошлого предшествует хотя бы временная утрата фактов.

Следует отметить, что в условиях глобализирующегося социума феномен забывания приобретает особую актуальность, что связано с целым рядом факторов. Само понятие глобализации нельзя сводить к экономическим и социальным явлениям последних трех десятилетий XX в. Подобные интеграционные (в первую очередь, коммерческие) тенденции, в XVI столетии сводившиеся к открытию и освоению новых земель, в начале XXI в. наличествуют в виде информационных потоков, смыкающихся в единую информационную сеть. Именно на основе распространения информации, непосредственно определяющей экономический уклад постиндустриального общества, становится возможным создание глобального социального пространства. Если исходные попытки глобализации осуществлялись в рамках деятельности государств, то современная ситуация позволяет констатировать: явление перерастает институциональные рамки, в которых оно зародилось, а сами государства становятся уже второстепенными участниками глобализационных процессов.

Согласно У. Беку глобализация влечет за собой целый ряд изменений на различных уровнях социального пространства:

1) на политическом – ослабление суверенитета отдельных государств и усиление деятельности транснациональных корпораций и межгосударственных структур;

2) на экономическом – переход экономики в стадию денационализованного капитализма, сопровождающегося интенсификацией виртуальных финансовых потоков;

3) на культурном – взаимопроникновение локальных культур и возникновение единого пространства информационного диалога [6, с. 10–15].

Таким образом, в условиях глобализирующегося социума диалог культур становится неотъемлемым атрибутом социальной и политической реальности. При этом ключевым вопросом, возникающим в данном контексте, является поиск оснований для выстраивания диалога, которые обеспечили бы равноправие его участников, их взаимную заинтересованность в формировании и поддержании долговременных отношений. Следует учитывать, что фрагментаризация глобального политического пространства, процессы его дробления и усиления конфликтогенных тенденций ставят перед участниками диалога принципиально новую задачу: не «вспомнить» предысторию своего диалога, а наоборот – устранить травматический опыт взаимодействия, который нуждается не в поддержании, а в забвении.

Английский исследователь П. Коннертон справедливо указывает, что «забывание не всегда является сбоем в работе памяти, а может иметь

осознанный характер» [7, с. 59]. Он предлагает структурированный подход к проблеме забывания, выделяя различные типы этого процесса: репрессивное стирание; предписывающее забывание; забывание, которое является основанием новой идентичности; структурная амнезия; забывание как аннулирование; забывание как запланированное устаревание; забывание как «оскорбленная тишина».

Репрессивное стирание является признаком тоталитарных режимов. Этот вид заключается в нарочитом забвении тех исторических фигур или событий, которые воспринимаются как не соответствующие потребностям общества на современном этапе развития. Зачастую обоснованием репрессивного стирания может служить не только стремление восстановить историческую справедливость, ущемленную из-за каких-то событий, но и намерение к кардинальному обновлению общества, отказу от накопленного культурного и политического багажа. Можно вспомнить хотя бы знаменитый девиз футуристов: «Сбросить Пушкина и Толстого с корабля современности». На современном постсоветском пространстве примерами репрессивного стирания прошлого могут служить факты сознательного отказа от памяти о Великой Отечественной войне в Грузии и Латвии.

Предписывающее забывание, несмотря на внешнее сходство с репрессивным стиранием, отличается от него публичным характером принятия решения о забывании в интересах воссоединения ранее разделенных частей одного общества или восстановления культурных и политических контактов между различными обществами. Неоднократно в мировой истории мирные договоры о прекращении войн (например, Вестфальский договор 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне) содержали обязательное упоминание о забвении тех преступлений, которые были совершены обеими сторонами во время военных действий.

Забывание, которое является основанием новой идентичности, содержит несколько иную апелляцию к молчанию прошлого. Акцент здесь ставится не столько на потере, вызванной неспособностью сохранения определенных фактов, сколько на выгоде, извлекаемой тем, кто знает, как отказаться от воспоминаний, которые не служат никакой реальной цели в создании и управлении текущей идентичностью. Забывание в этом случае становится частью процесса соединения тех наборов исторических образов, которые присущи по отдельности различным обществам, вступающим в межкультурный диалог. Речь идет не об устранении препятствующих воспоминаний, как в предыдущем случае, а о сокращении лишних фактов, не способствующих установлению долгосрочных связей.

Структурная амнезия связана с объективными закономерностями запоминания и забывания информации, когда сохранению, в первую очередь, подвергаются социально значимые факты и события. Например, в обществе с патрилинейной организацией родственных связей сведения о родственниках по женской линии быстро удаляются из памяти, не переходя в статус общезначимых воспоминаний, а оставаясь фактом личной биографии. Данный тип забывания, выделенный П. Коннертоном, имеет универсальный характер, будучи присущим как отдельным индивидам, так и целым сообществам.

Забывание как аннулирование противоположно структурной амнезии, поскольку вызывается не недостатком, а избытком информации. П. Коннертон отмечает, что эпоха модерна стала временем производства не только экономического продукта, но и информации, когда впервые центром власти становятся архивы, содержащие государственные документы [7, с. 65]. Доступ к этим архивам становится залогом успешности политических стратегий. Но с вступлением общества в постмодернистскую стадию развития, сопровождающуюся интенсификацией информационных потоков, насущной проблемой становится не сохранение всей собранной информации, а ее искусная селекция, позволяющая освободиться от устаревших фактов. Теория парадигм Т. Куна подразумевает, что научная революция обязательным образом должна приводить к аннулированию всей предшествующей информации, которая попросту утрачивает свое значение. В глобализирующемся социуме этот аспект забывания приобретает первостепенное значение, поскольку диалог культурных сообществ исходит из актуальных потребностей взаимодействия, в силу чего излишнее сосредоточение на предшествующих формах этого диалога, развивавшихся в совершенно иных социальных и политических контекстах, окажется малоэффективным.

Забывание как запланированное устаревание является элементом, встроенным в логику общества потребления, когда производство вещи необходимым образом сопряжено с учетом продолжительности пользования ею. В стоимость заложено неизбежное устаревание товара, которое, таким образом, оказывается запланировано еще в момент создания. Если переходить от экономического к межкультурному контексту, то аналогом потребительской логики является система международных соглашений, обозначающих срок действия, после которого сама система будет подвергнута забвению либо сможет быть сохранена при соответствующих усилиях обеих сторон.

Забывание как оскорбленная тишина тесно связано с пониманием исторической травмы,

рассматриваемой Й. Рюзенем, когда опыт оказывается настолько непереносим для восприятия, что подвергается выдавливанию в сферу бессознательного нежелания говорить или вспомнить об этом [8]. В качестве примера зачастую приводятся факты бомбардировок Дрездена во время Второй мировой войны, а также этнические чистки на территории бывшей Югославии. Забывание в данном случае соотносится с психологическими закономерностями нежелания обращаться к травматическому опыту.

Говоря о специфике процессов забывания в современном российском обществе, активно выстраивающем межкультурный диалог (в самых различных формах – от подражания до конфликта), следует отметить, что основным объектом, по отношению к которому стратегии забывания активно применяются, является советское прошлое. Несмотря на то, что этот вопрос уже исследовался автором [9, с. 10], в контексте изучения феномена забывания можно отметить несколько принципиальных моментов.

Еще Я. Ассман, отталкиваясь от работ Ю. М. Лотмана, вводит различие культурной и коммуникативной памяти в качестве различных уровней функционирования социальной памяти, тесно связанных между собой. Коммуникативная память – это память, непосредственно передающаяся от одного человека к другому, это память одного или нескольких смежных поколений, память «живая» в том смысле, что живы непосредственные очевидцы описываемых или воссоздаваемых событий, к которым и можно обратиться как к последней инстанции в поисках установления истины. Продолжительность коммуникативной памяти Я. Ассман определяет в 40 лет, после чего начинается переход живых воспоминаний в письменную, фиксированную форму, что связано с постепенным уходом поколения из активной социальной жизни, стремлением сохранить их память для потомков [2, с. 52–54]. Основным источником культурной памяти является уже не очевидец, к которому можно было бы обратиться с уточняющим вопросом, а текст, далеко не беспристрастный, но фиксированный в своих границах, требующий *канонизации* во избежание вольных интерпретаций, делающих невозможным использование данных текстов в механизмах социальной идентификации, канонизации, т.е. уподобления неким архетипическим образцам. Право на сохранение и интерпретацию этих текстов и, соответственно, на сохранение культурной памяти принадлежит не всему обществу, а отдельным группам или социальным институтам. Целью функционирования этих институтов служит осознанное стремление сохранить определенный образ прошлого, подчеркнуть связь настоящего с подобным образом проинтерпретированной историей, следствием чего является понимание

прошлого и его роли в социальной идентичности современного человека.

Поскольку опыт советского прошлого является элементом «живой», коммуникативной памяти, то полное устранение этих образов прошлого невозможно; поэтому вступают в действие более сложные механизмы селекции советского прошлого, устранения отдельных моментов и целых пластов для оправдания психологически естественной ностальгии старшего поколения по времени своей молодости.

О. В. Молчанова рассматривает, опираясь на С. Бойм, в современном российском культурном пространстве две формы ностальгии по советскому прошлому: реставрационную и рефлексированную [10]. Первая форма ностальгии подразумевает возобновление устойчивых стереотипов советского времени, актуализацию символики, которая, при всей своей узнаваемости, наделяется иным значением. «Это позволяет реставрационной ностальгии заново конструировать культурную память с помощью метафор, которые впоследствии стираются, приобретая догматический характер, а символы превращаются в семантически пустые конструкты» [10, с. 58]. Такой способ обращения к прошлому тесно связан с забыванием. Забыванию в данном случае подвергается тот социокультурный контекст и негативные аспекты данных символов, которые мешают их реактуализации, оправданию тоски по утраченному прошлому.

Рефлексированная ностальгия, в отличие от предыдущей, связана с осознанием невозможности восстановления прошлого, поэтому ее способ обращения с советской символикой основан на перекодировании символов, их восприятию в контексте уже принципиально иной эпохи. Орудием в данном случае выступает

ирония, которая позволяет избавиться от излишнего пиетета по отношению к идеологическим стереотипам, некритически воспроизводимым в случае реставрационной ностальгии. При такой форме обращения к прошлому забывание заключается в осознании непроходимости временной дистанции между советским прошлым и постсоветским настоящим, в силу чего оказывается невозможно не только непосредственное возвращение в ту эпоху, но и ментальное «вживание» в реконструируемую символическую систему.

Список литературы

1. Vancina J. *Oral Tradition as History*. L., 1965. 158 p.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 420 с.
3. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. 448 с.
5. Бергсон А. Материя и память : собр. соч. в 4 т. М., 1992. 340 с.
6. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 278 с.
7. Connerton P. Seven types of forgetting : *Memory Studies*. 2008. № 1. P. 59.
8. Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) : Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 8–25.
9. Аникин Д. А. Социальная память как модернизационный ресурс : топосы прошлого в российском политическом ландшафте // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–7.
10. Молчанова О. В. Искусство забывания, или ностальгия по советскому мифу // Вестн. РГГУ. 2011. № 17. С. 57–64.

The Phenomenon of Forgetting and the Dialogue of Cultures in the Globalizing Society: the Russian Experience

D. A. Anikin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The article is devoted to phenomenon of forgetting as an integral element of dialogue of cultures in the being globalized world. It is possible to allocate not only ways of preservation of historical memory, but also types of forgetting in a context of sharp social transformations of society. A specific of historical amnesia in the conditions of modern Russian society consists in an attempt to correlate phenomena of live, communicative memory to essentially other political symbolics. Special relevance is gained by the appeal to the Soviet experience, and symbols of the Soviet era are exposed to code conversion taking into account new social and political phenomena.

Key words: social memory, forgetting, globalization, the images of the past.

References

1. Vancina J. *Oral Tradition as History*. L., 1965. 158 p.
2. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. N.Y., 2011, 296 p. (Russ ed.: Assman Ya. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow, 2004. 420 p.)
3. Ricœur P. *Memory, history, forgetting*. Chicago, 2006,

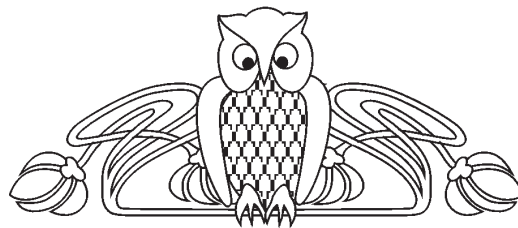
- 624 p. (Russ. ed.: Riker P. *Pamyat, istoriya, zabveniye*. Moscow, 2004. 728 p.)
- Girard R. *Violence and the Sacred*. Baltimore, 1977, 333 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Nasiliye i svyaschennoye*. Moscow, 2000. 448 p.)
 - Bergson A. *Matter and Memory*. N.Y., 2004, 136 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Materiya i pamyat*. Moscow, 1992. 340 p.)
 - Beck U. *What Is Globalization?* Cambridge, 2000, 192 p. (Russ. ed.: Bek U. *Chto takoye globalizatsiya?* Moscow, 1992. 278 p.)
 - Connerton P. Seven types of forgetting. *Memory Studies*, 2008, no.1, pp. 59–71.
 - Rüsen J. Utrachivaya posledovatelnost istorii (Lo(o)sing the order of history). *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoy istorii* (Dialogue with time. Intellectual history review). Vol. 7. Moscow, 2001. Pp. 8–25.
 - Anikin D. A. Sotsialnaya pamyat kak modernizatsionnyy resurs: toposy proshlogo v rossiyskom politicheskom landshafte (Social memory as modernization resource: top wasps of the past in the Russian political landscape). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics), 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 3–7.
 - Molchanova O.V. Iskusstvo zabyvaniya, ili nostalgiiya po sovetskomu mifu (The skill of forgetting or nostalgia for soviet myth). *Vestnik RGGU* (RGGU Bulletin), 2011, no. 17, pp. 57–64.

УДК 111

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Т. И. Бугрова

Бугрова Татьяна Ивановна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: tatyanabugrova@mail.ru

Целью данной работы является выявление особенностей развития представлений о пространстве и времени в философии и науке, что в перспективе позволяет обнаружить принципы трансформации философских категорий в категории научные. В статье проводится анализ содержания категорий пространства и времени в рамках классической философии и науки. Автор рассматривает основные онтологические концепции эпохи Возрождения и Нового Времени, сравнивает и анализирует характеристики моделей пространства и времени. Также уделяется внимание соотношению понимания категорий «пространство» и «время» с другими онтологическими категориями, анализируются особенности их взаимовлияния. Исследование позволяет обнаружить устойчивые тенденции к десакрализации понимания рассматриваемых категорий, их смысловому «расширению», нарастанию релятивизма в пространственно-временных концепциях, а также зависимость от них философского содержания других онтологических категорий, таких как движение, развитие и т.п.

Ключевые слова: пространство, время, движение, пустота, космос, сакральность, релятивизм.

Проводя сравнительный анализ представлений о пространстве и времени, начиная с Античности и до нашего времени, можно обнаружить некоторые устойчивые тенденции изменения понимания данных категорий в пределах классической философии и науки, которые, однако, не имеют значения в рамках неклассического и постнеклассического мировоззрения. Эти тенден-

ции не только демонстрируют развитие научного мировоззрения, но и позволяют в перспективе обнаружить взаимозависимость трансформирования онтологических представлений науки и философии.

Концепция пространства и времени античного мировоззрения отразилась в космологической системе Аристотеля–Птолемея, которая представляла собой замкнутое конечное пространство с Землей в центре. Эта система не только основывалась на обыденном восприятии реальности, но полностью соответствовала антропоцентрическим религиозным представлениям Средневековья, что позволило ей просуществовать в науке и философии довольно долго.

В эпоху Возрождения становится очевидно, что эта модель пространства не отвечает требованиям ни науки, ни философии. Ее статичность, неизменность, конечность постепенно уступают новым характеристикам: динамика, развитие, движение обретают статус важнейших философских категорий. «Абсолютности “естественного” места Аристотеля противостоит абсолютное понимание пространства как объективной реальности, в которой происходит движение» [1, с. 187]. Крах этой модели пространства начинается с работы Н. Коперника «О вращении небесных тел». И, несмотря на первоначальное восприятие

её лишь в качестве удобного механизма для астрономических вычислений, постепенно она обретет статус физической концепции. Здесь следует отметить следующее: во-первых, под ударом оказался не только антропоцентризм, так как модель Коперника была гелиоцентрической, но и основы теологии в целом, во-вторых, наметилась тенденция к расширению пространства космоса.

Тесная связь геоцентризма с теологией предполагает строгое деление космоса на два уровня: сакральный (небесный) и профанный (земной). В системе же Коперника отношения между космическими объектами приобретают сугубо физический характер, подчиняясь единым законам. Космос превращается в конструкцию, которой соответствуют концепция единого, однородного пространства, представление об относительности движения и т.п. И хотя необходимо отметить, что модель Коперника также оказывается замкнутой восьмой сферой с расположенными на ней звездами, уже в его представлениях явно прослеживается желание максимально «расширить» пространство: «...небо неизмеримо велико по сравнению с Землей и представляет бесконечно большую величину; по оценке наших чувств Земля по отношению к небу, как точка к телу, а по величине – как конечное к бесконечному» [2, с. 24].

«Недоработка» Коперника, касающаяся протяженности пространства, вскоре была замечена и исправлена Дж. Бруно, который преодолел ограничения системы Коперника и предложил концепцию множественности миров в бесконечном пространстве: «Я настаиваю на бесконечном пространстве, и сама природа имеет бесконечное пространство не вследствие достоинства своих измерений или телесного объема, но вследствие достоинства самой природы и видов тел; ибо божественное превосходство несравненно лучше представляется в бесчисленных индивидуумах, чем в тех, которые исчислимы и конечны» [3, с. 311–312].

Важным моментом в сравнении представлений о пространстве и времени Античности и Возрождения представляется то, что сам вопрос о пределах космоса, а точнее о том, что находится за этими пределами, для античной философии не существует. Во времена Аристотеля конечный космос, ограниченный сферой неподвижных звезд, не вызывал вопросов о каком бы то ни было пространстве вне этой сферы. В эпоху же Возрождения этот вопрос неизбежно возник. Дж. Бруно именно поэтому утверждает, что конечная, замкнутая какой-либо сферой Вселенная с неизбежностью предполагает наличие пустоты за ней, поэтому он отказывается от ограничивающей космос сферы и присваивает ему атрибут бесконечности. Бруно, таким образом, продолжая тенденцию десакрализации пространства и

времени, лишает космос и какого-либо центра. Гелиоцентрическая система Коперника, несмотря на уничтожение человека вследствие потери им центрального места в мироздании, оставляла его сопричастным, относительно близким к этому центру, сохраняя его сакральный статус. Мир Бруно лишал его и этого: бесконечная Вселенная означает принципиальное отсутствие центра; а провозглашение множественности миров отняло у человека еще и чувство собственной уникальности, значимости.

Вместе с революцией Коперника существенным образом изменилось также понимание вечности. Если ранее деление мира на профанный и сакральный уровни предполагало и деление его на время и вечность (вечность обладала сакральным статусом и была исключительно божественным атрибутом), то теперь вечность превращалась, скорее, в атрибут самого времени. Причем, если в Античности для времени теоретически можно было во внешнем мире найти какую-либо универсальную, эталонную единицу измерения, например, периодичность вращения сферы неподвижных звезд, то в мире, не ограниченном четкими, стабильными, а следовательно, надежными границами, в бесконечной Вселенной подобные попытки теряют всякий смысл. Здесь, как мы видим уже у Бруно, попытки измерения времени оказываются зависимы от наблюдателя, становятся относительными [3, с. 295]. Этот момент явственно продолжает тенденцию к релятивизму в представлениях как о пространстве, так и о времени.

Далее можно наблюдать и развитие тенденции десакрализации пространства и времени. Г. Галилей, открыв спутники Юпитера и Сатурна и обнародовав результаты своих наблюдений, лишает гелиоцентрический мир остатков божественной симметрии. И. Кеплер отказывается от «совершенных» круговых орбит, отдавая предпочтение эллиптическим. Р. Декарт в некоторой степени материализует время в геометрическом выражении, вводя его в систему координат в качестве пространственной оси.

Декарт развивает представления о времени абсолютном, или вечности, и времени относительном, эмпирическом аналоге абсолютного времени, измеряемом посредством наблюдения каких-либо периодических явлений; он продолжает тем самым тенденцию нарастания релятивизма в отношении пространства и времени: «Но одни качества или атрибуты даны в самих вещах, другие же только в нашем мышлении. Так, время, которое мы отличаем от длительности, взятой вообще, и называем числом движения, есть лишь известный способ, каким мы эту длительность мыслим <...> чтобы объять длительность всякой вещи одной мерой, мы обычно пользуемся длительностью известных равномерных движений,

каковы дни и годы, и эту длительность, сравнив ее, таким образом, мы называем временем, хотя в действительности то, что мы так называем, есть не что иное, как способ мыслить истинную длительность вещей» [4, с. 451].

Абсолютные и относительные время и пространство можно наблюдать в более математизированной форме в концепции И. Ньютона. Абсолютное время (оно же истинное, математическое) всегда протекает равномерно, независимо ни от чего внешнего. Это время Ньютон называет длительностью. Абсолютное пространство также безотносительно к чему бы то ни было внешнему, оно всегда неизменно и неподвижно. Абсолютное пространство лишь вмещает материальных объектов. Помимо пространства абсолютного Ньютон выделяет и пространство относительное, которое представляется как протяженность материальных объектов. Последнее является мерой для пространства абсолютного, и Ньютон определяет относительное время: «Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, месяц, год» [5, с. 30]. Таким образом, относительные время и пространство представляют собой эмпирические аналоги абсолютных.

Реляционную концепцию пространства и времени можно увидеть и у Г. Лейбница, она тесно связана с его монадологией, но в отличие от Ньютона Лейбниц отрицает абсолютные пространство и время. С его точки зрения пространство и время принципиально относительны и зависят от восприятия либо каждой отдельной монады, либо совокупности восприятий: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – порядком существования, а время – порядком последовательностей. Ибо пространство с точки зрения возможности означает порядок одновременных вещей...» [6, с. 47].

Своеобразный синтез субстанциональной и реляционной концепций пространства и времени существует у И. Канта. Пространство не является эмпирическим понятием, которое возможно вывести из внешнего опыта. Более того, внешний опыт возможен именно благодаря представлению о пространстве как условии внешних по отношению к сознанию объектов или явлений: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [7, с. 130]. Точно так же, как невыводимое из эмпирического опыта, Кант трактует и время. Оно, как и пространство, является априорным необходимым представлением. Пространство и время у Канта представляют собой

априорные формы созерцания, субъективные и необходимые условия чувственности, что означает их реальность лишь применительно к миру явлений, феноменов. Они не имеют отношения к ноуменам, которые, таким образом, оказываются непознаваемы, внепространственны и вневременны. Для пространственно-временных представлений Канта чрезвычайно важна его первая антиномия: тезис: мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве; антитезис: мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен во времени и пространстве [7, с. 404–405].

С одной стороны, если мы «допустим, что мир не имеет начала во времени, тогда до всякого данного момента времени протекла вечность и, стало быть, прошел бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза» [7, с. 404]. Из чего делается вывод о необходимости существования начала времени. Однако, с другой стороны, существование этого начала также недопустимо, так как «границей мира должны были бы служить пустое время и пустое пространство» [7, с. 407]. Тот факт, что ни одна из предлагаемых в антиномии альтернатив не могла разрешиться положительно, подтверждал убеждение Канта о необъективности представлений о пространстве и времени.

В философских представлениях о времени и пространстве до Г. Гегеля приоритетным в их рассмотрении был абстрактно-математический метод, который состоял в анализе свойств пространства и времени, но не их структуры. Гегель же утверждает, что понимание структуры возможно при рассмотрении пространства и времени как элементов движения материи, структура которых способна меняться в зависимости от изменений природы движения. В движении моменту времени «теперь» соответствует определенный «отрезок» пространства, а не одна точка: «Движение подпадает зеноновской антиномии, которая неразрешима, если изолируются место и время, если первые понимаются как пространственные точки, а второе – как временные точки, и разрешение антиномии, т. е. движения, следует понимать лишь так, что пространство и время непрерывны внутри себя, и движущееся тело одновременно находится и не находится в одном и том же месте, т. е. одновременно находится в другом месте...» [8, с. 179].

Таким образом, подводя итог проведенному анализу представлений о пространстве и времени в рамках классического научно-философского знания, можно отметить следующие тенденции, нарастающие по мере развития философии и науки:

представления о пространстве и времени в своем историческом научно-философском развитии стремились к их «расширению»;

пространство и время неуклонно претерпевали процедуру полной десакрализации, профанации;

происходило постепенное нарастание релятивизма в представлениях как о пространстве, так и о времени;

рассмотрение других категорий мышления (движения, развития, скорости) имеет ярко выраженную зависимость от представлений о пространстве и времени.

Список литературы

1. Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977. 360 с.
2. Коперник Н. О вращении небесных сфер. М., 1964. 646 с.
3. Бруно Дж. Диалоги. М., 1949. 552 с.
4. Декарт Р. Избр. произв. М., 1950. 712 с.
5. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. 688 с.
6. Полемика Г. Лейбница с С. Кларком. Л., 1960. 136 с.
7. Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1963. Т. 3. 799 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М. ; Л., 1934. Т. II. 775 с.

The Transformation of Concepts about Space and Time in the Classical Philosophy and Science

T. I. Bugrova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: tatyanabugrova@mail.ru

The aim of this work is to determine the features of the development of concepts of space and time in philosophy and science that could in the future perspective reveal the principles of transformation of the philosophical categories in the categories of science. In the article is analyzed the content of the categories of space and time in the classical philosophy and science. The author considers the basic ontological concepts of the Renaissance and Early modern period, compares and analyzes the characteristics of the models of space and time. Also the investigation focuses on the relationship of understanding categories of «space» and «time» with other ontological categories, analyzes the features of their interaction. The study reveals stable trends to desacralization of understanding of considered categories, their notional „expansion“, increase of relativism in space-time concepts, and their dependence upon the philosophical content of other ontological categories, such as movement, development, etc.

Key words: space, time, movement, emptiness, universe, sacrality, relativism.

References

1. Gorfunkel A. Kh. *Gumanizm i naturfilosofiya italyanskogo Vozrozhdeniya* (Humanism and the natural philosophy of the Italian Renaissance). Moscow, 1977. 360 p.
2. Copernicus N. *On the revolutions of the celestial spheres*. N.Y., 1976, 328 p. (Russ. ed.: Коперник Н. *O vrashchenii nebesnykh sfer*. Moscow, 1964. 646 p.)
3. Bruno G. *Dialogi* (Dialogues). Moscow, 1949. 552 p.
4. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya* (Selected works). Moscow, 1950. 712 p.
5. Newton I. *The Principia: Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Berkeley, CA, 1999, xviii +1 025 p. (Russ. ed.: Ньютон И. *Matematicheskiye nachala naturalnoy filosofii*. Moscow, 1989. 688 p.)
6. *The Leibniz-Clarke Correspondence: Together with Extracts from Newton's Principia and Opticks*. Manchester, 1998, 256 p. (Russ. ed.: *Polemika G. Leibnitsa s S. Klarkom po voprosam filosofii i estestvoznaniya*. Leningrad, 1960. 136 p.)
7. Kant I. *Sochineniya: V 6 t.* (Works: In 6 vol.). Moscow, 1963. Vol. 3. 799 p.
8. Hegel G. W. F. *Sochineniya: V 14 t.* (Works: In 14 vol.). Moscow; Leningrad, 1934. Vol. 2. 775 p.

УДК 1 (091)

ПРОБЛЕМА APRIORI И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ Л. БИНСВАНГЕРА

С. А. Горчакова

Горчакова Светлана Александровна – аспирант кафедры философии,
Курский государственный университет
E-mail: gorchackova.svet@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению антропологического проекта Л. Бинсвангера. Согласно его концепции, прежде чем обратиться к исследованию патологии того или иного индивида, необходимо понять, что значит быть человеком, а стало быть, психиатрия попадает в поле гуманитарных наук. Бинсвангер предпринимает попытку перенесения фундаментальной онтологии Хайдеггера на почву психоаналитической практики, стремясь преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире, и вводит новое по значению понятие экзистенциально-априорных структур человеческого существования, применив тем самым онтологию Хайдеггера к конкретному человеку.

Ключевые слова: экзистенциальные априори, миропроект, экзистенция, Dasein, смысловая матрица.

Знаменитый швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер в своем экзистенциальном анализе стремился объединить психиатрию и антропологию, что, по его мнению, способствовало бы исследованию больного человека не только в его патологии, но, прежде всего, в аспекте его существования и переживания. Он, хотя и касается проблемы отношения антропологии и онтологии вскользь, приближается непосредственно к «конкретному существованию и его историческому содержанию». Отсюда посредством анализа структур существования Бинсвангер постоянно перемещается от антропологических форм к онтологическим условиям, считая исходным принципом конкретную экзистенцию, в которой возможно проявление действительного предела человеческого бытия и Dasein. При этом швейцарский психиатр избегает априорного различия антропологии и онтологии точно так же, как сама антропология отвергает всякую попытку разграничения психологии и философии. М. Фуко в связи с этим отмечал, что экзистенциальный анализ Бинсвангера бросает вызов традиционным дисциплинарным линиям. Действительно, основной смысл антропологического проекта Бинсвангера заключается в намерении представить такую форму анализа, которая не обязывала бы его быть ни философией, ни психологией в их чистом виде: «форму анализа, который фундаментален по отношению к конкретному, объективному и эмпирическому знанию, форму анализа, наконец, принцип и метод которого определены с самого

начала исключительной и абсолютной привилегией их объекта – человека или, скорее, бытия человека, Menschsein» [1, с. 108]. Последнее является ключевым в мысли Бинсвангера.

Клиническая психиатрия, полагает Бинсвангер, в своем замысле пересекается с замыслом Фрейда в попытке объяснить и понять самого человека с позиций жизни. Тем не менее оба направления основным исходным принципом имеют биологизм, т.е. мыслятся именно как принадлежащие к естественным наукам. Познание у Фрейда есть, прежде всего, естественно-научное познание. В таком случае фрейдовская концепция homo natura являет собой не более чем научный конструкт, возможность построения которого основана на разрушении антропологического опыта – опытного знания человека о самом себе. Данное утверждение, считает Бинсвангер, верно также и в отношении положения дел в клинической психиатрии и психопатологии. Антропология призвана разрушить представления подобного рода, возвратив их в «тотальность человеческого существования», но в то же время полностью антропологический проект является другой крайностью, которая способствовала бы исключению «специализированных концепций о человеке» вообще, что, несомненно, стало бы опасностью как для «специализированных гуманитарных наук, так и для самой антропологии» [2, с. 150]. В этом смысле роль и значение экзистенциального психоанализа очевидна.

Психоаналитические исследования показывают, что сущность человека определяется инстинктивным импульсом, основные свойства которого одинаковы для всех людей и который побуждает человека к удовлетворению определенных примитивных потребностей. В рамках фрейдовской теории прослеживается тенденция к нивелированию и уравниванию отдельных аспектов «необходимого человеческого бытия путем сведения их к уровню всеобщих потребностей или потребностей и психической значимости этих потребностей» [2, с. 143]. И все же, полагает Бинсвангер, нельзя не оценить значимость учения Фрейда, ведь именно классический психоанализ показывает, что человек ограничен, с одной стороны, инстинктом, а с другой – иллюзией.

В результате из напряжения между этими двумя силами возникают миф, религия, искусство. Тем самым Фрейд посредством научного подхода проникает вглубь человека, который есть существо страдающее и разделенное в самом себе. Но вряд ли можно говорить о схватывании человека в его существовании. В этом плане Dasein-анализ в корне отличается от классического психоанализа. Если экзистенциальный анализ занят проблемой изменения в существовании, то Фрейд на первый план выводит зафиксированное в изменении инстинктивное влечение. С точки зрения Бинсвангера, важно сместить исследование как на раскрытие основания в изменении, так и на понимание всей его сложности, что предполагает рассмотрение человека с позиций антропологии, т.е. под углом зрения того, что означает быть человеком. Речь шла, по сути дела, о замещении естествознания антропологией, представления о *homo natura* – идеей существования, поскольку человек – не только механистическая необходимость или организация, но свободное и открытое миру существо. Кроме того, классический психоанализ и «естественно-научная психология», как называет ее Бинсвангер, никак не учитывают «основной антропологический факт», что Dasein как «здесь-бытие» всегда уже отсылает к понятиям «моего», «твоего» или «нашего», а мы сами постоянно соотносимся как с «абстракцией тела», так и с «абстракцией души». В связи с этим антропология не слепо следует за наукой, а рассматривает любую научную деятельность, а также искусство, религию, мораль как различные модусы Dasein, не сводимые друг к другу и невыразимые при помощи понятий, принадлежащих иным сферам существования.

В своем творчестве Бинсвангер осуществляет синтез идей Канта и Хайдеггера, поскольку считает, что тезис последнего о существовании как бытия-в-мире последовательно развивает и расширяет, с одной стороны, теорию Канта об условиях возможности опыта, а с другой – учение Гуссерля о трансцендентальной феноменологии. Именно через обращение к этим вопросам складывается общий контекст экзистенциального психоанализа, который, по мысли Бинсвангера, должен служить основанием для всех наук о человеке.

Если кантовская трансцендентальная философия через эмпирическое приложение априорных способностей в лице антропологии задает саму возможность наук о человеке, то феноменология Гуссерля является логическим введением в гуманитарные науки. Поскольку в каждой эмпирической науке о человеке, а феноменология должна стать подлинным основанием таковых, с необходимостью обнаруживается сущность сознания, Гуссерль путем эйдетики пытается выявить область чистого сознания, в которой содержится бы принцип конституирования дей-

ствительности и которая предшествовала бы всякому познанию об этой действительности. Относительно этого феноменология, с одной стороны, получает значение эйдетической науки, согласующейся с гуманитарными науками, а с другой – она, будучи «первооткрывательницей» гуманитарных наук, располагается в «сердцевине этих наук, в сердцевине фактов, реализуя таким образом истину философии, которая есть высвобождение сущности в само конкретное» [3, с. 59]. Бинсвангер акцентирует внимание на том, что дизайн-аналитический порядок обладает феноменологической природой, в которой выявляется его онтологическая структура, что делает возможным обнаружение конституирующего элемента. В связи с этим он отмечает важное значение аналитики существования Хайдеггера для психиатрии, который в поисках онтологических предпосылок человеческой деятельности делает вывод, что не рассудок, а Dasein конституирует бытие мира при помощи смысловой сетки, раскрывающей мир. Так он приходит к представлению об онтологической априорной структуре человека, названной им «заботой», и подводит под сферу бытия то, что у Канта относилось к сфере объективного знания. Хайдеггер, раскрывая онтологическую структуру Dasein как бытия-в-мире, или трансценденции, «вкладывает в руки психиатра ключ» к пониманию и описанию феноменов исследования в их полном внутреннем контексте и феноменологическом содержании. Согласно Бинсвангеру, это было и важным достижением Гуссерля.

Именно переход от фиксирования и описания психических процессов внутри «субъекта» к выяснению форменных и структурных характеристик «интенционального сознания», считает Бинсвангер, сыграл решающую роль для психопатологического исследования в целом. Гуссерль рассматривает все объекты психических актов, а также все объекты познания как вещи, бытие которых предстает предметом как актуальных, так и потенциальных интенциональных переживаний. Так, согласно Бинсвангеру, опыт видения Девы Марии у душевнобольного, как, впрочем, и другие галлюцинаторные проявления, обладает статусом подлинного опыта (а опыт сам по себе наряду с познанием в экзистенциальном анализе трактуется как один из модусов бытия), но при условии, что мы в самом деле понимаем значение данного опыта для больного.

Описывая историю болезни Лолы Фосс, Бинсвангер пишет: «Иллюзорные восприятия (восприятия враждебных знаков, враждебных намерений, враждебных голосов) тоже ни в коем случае не представляют собой изолированные феномены, и было бы бесполезно понимать их только на сенсорной основе. Их необходимо понимать как частичные феномены особого миропроекта – проекта мира <...> с точки зрения

Угрожающего и враждебного» [4, с. 291]. Поэтому понять мир душевнобольного – означает показать априорно-экзистенциальную структуру феноменов, которые в диагнозе представлены как симптомы психоза. Категория, открывающая путь к пониманию душевнобольного и являющаяся смысловой матрицей, в которой феномены предстают как феномены для пациента, выступает в то же время и в роли способа обнаружения всеобщей онтологической структуры заботы в отдельно взятом человеке по отношению к аспектам его повседневной жизни. По сути экзистенциальные априори Бинсвангера есть перенесенные в конкретное человеческое существование экзистенциалы, определяемые Хайдеггером онтологически. Дж. Нидлман называет эту трансцендентальную категорию экзистенциальным априори, миром пациента, «постольку поскольку экзистенциальное априори конституирует его, есть его проект мира» [5, с. 36].

Таким образом, в экзистенциальном анализе первостепенное значение приобретает вопрос не только «что я познаю?», но также «что я чувствую и желаю?», т.е. «как я существую?» Если кантовские категории представляют собой условия только одного модуса бытия-в-мире среди других – модуса объективного познания, для Бинсвангера важно, какую позицию занимает человек как целое по отношению к конституируемому его же собственным рассудком содержанию. Ошибка психиатров, на взгляд Бинсвангера, как раз и заключается в том, что они слишком большое значение приписывают отклонениям человека от общепринятых норм поведения, вместо того чтобы сфокусировать все внимание на особенности и уникальности своих пациентов. Мир пациента, как, впрочем, и мир любого человека, наследует временные характеристики Dasein. Это одновременно и мир как он есть сейчас, и мир, устремленный в будущее, что делает возможным миропроjekt человека. Проект мира определяет и тот способ, каким сущее доступно Dasein. В миропроекте раскрывается трансценденция не только как собственно проект мира, но и проект себя самого. Все чувства, мимика, жесты имеют свой смысл в рамках миропроекта. При этом большое значение для психопатологии имеет тот факт, что в свете миропроекта все становится понятным, даже феномены, которые, на первый взгляд, проявляются как неадекватные, а потому безумные, в своей неразумности сохраняют ярлык нормальности. Это справедливо в том плане, что любое обращение к миропроекту, прежде всего, должно определить поле его смыслов и значений, т.е. выявить, на основе каких смысловых матриц – экзистенциального априори – базируется данный миропроjekt. Тем самым, говорит Бинсвангер, экзистенциальный психоанализ открывает себе герменевтический доступ к психопатологиче-

ским феноменам. Вместо того чтобы измерять и кодифицировать невротические и психотические симптомы как дефицитные манифестации, их следует наделить положительным смыслом, однако не согласно здравому рассудку, но согласно индивидуальному миропроекту.

То, чем является опыт как таковой, также всецело зависит от экзистенциально-априорных структур, определяющих матрицу возможного опыта; последняя, в свою очередь, задает объекты мира, ибо придает им смысл, тем самым обеспечивая рамки индивидуального значения. Контекст опыта всегда опирается на некий горизонт сознания, составляющий предел всякого возможного опыта. В этом плане конечный предел опыта будет образовывать главный смысловой контекст суть экзистенциальные априори. Предельная смысловая матрица есть универсалия, от которой зависит переживание последовательности. Коль скоро основание интенциональности заключено во временности существования, или в Dasein, то имеет место влияние прошлого на настоящее. Однако связь настоящей жизни индивидуума с его прошлым детерминирована не самим этим прошлым, но горизонтом переживания и прошедшего, и нынешнего, что и представляют собой экзистенциальные априори. При этом априорные структуры не существуют сами по себе, но только в соприкосновении с человеческим опытом. Обладающие допытной природой, они все же неотделимы от мира и немислимы вне существования, но возможны лишь в связи с тем, что ими обусловлено. Эти структуры есть определенные способы бытия-в-мире и производные Dasein, они не выводятся из «Я» или из личности. Скорее, экзистенциальные априори как фундаментальная смысловая структура – это «трансцендентальное условие» для возникновения «Я» и окружающей его действительности вместе с ее значениями. Следовательно, «власть» экзистенциальных априори заключена в самом Dasein, в фактически существующем бытии. Dasein есть экзистенциальные априори конкретного индивидуума, это фон появления индивидуума. Как возможные модусы бытия Dasein экзистенциальные априори указывают на существование, являющееся трансцендентально априорным относительно разделения на «Я» и «не-Я» в опыте. Поэтому основание определения «Я» индивидуума лежит в способе, благодаря которому «Dasein проявляет фундаментальное онтологическое априори заботы» [5, с. 90–91].

Тем самым Бинсвангер адаптирует онтологические структуры Хайдеггера к экзистенциальному анализу и превращает их в экзистенциальные априори, что играет важную роль не только в теоретическом, но и в практическом плане. При этом меняется статус больного – отклонения нельзя оценивать с негативной точки зрения как

ненормальность, ведь они являются новой нормой и новой формой бытия-в-мире. Поскольку экзистенциально-априорная структура определяется Бинсвангером в качестве некоего смыслового контекста, определяющего возможный опыт, постольку то, что в психиатрии необратимо разделено на дискретные реальности областей исследования, т.е. конечное человеческое Dasein, в экзистенциальном анализе представлено в его основном структурном единстве.

Список литературы

1. Foucault M. Einführung zu «Traum und Existenz» von L. Binswanger // Foucault M. Schriften Zur Literatur /

Hg. von Daniel Defert und François Ewald. Frankfurt ; M., 2001. S. 107–174.

2. Бинсвангер Л. Фрейдовская концепция человека в свете антропологии // Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 135–161.
3. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб., 2001. 160 с.
4. Бинсвангер Л. История болезни Лолы Фосс // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 230–292.
5. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 10–132.

Problem of a Priori and the Humanities in L. Binswanger's Existential Psychoanalysis

S. A. Gorchakova

Kursk State University
Ulitsa Radischeva, 33, 305000 Kursk, Russia
E-mail: gorchakova.svet@yandex.ru

The article is devoted to consideration of the anthropological project of L. Binswanger. According to his conception before addressing to the research of pathology of any given individual, it is necessary to understand what it means to be the person. And, it follows that the psychiatry gets into a field of the human sciences. Binswanger makes an attempt to transfer the fundamental ontology of Heidegger on the field of psychoanalytic practice, aspiring to overcome the subject – objective opposition and to investigate perceptual existence of the person in the world. He introduces new concept of existential and aprioristic structures of human existence, thereby having applied Heidegger's ontology to the concrete person.

Key words: existential a priori, world project, existence, Dasein, semantic matrix.

References

1. Foucault M. Einführung zu «Traum und Existenz» von L. Binswanger (Introduction to Binswanger's «Dream and Existence»). Foucault M. *Schriften Zur Literatur* / Hg. von Daniel Defert und François Ewald (Writing on literature / Correspondence from Daniel Defert and François Ewald). Frankfurt; M., 2001. P. 107–174.
2. Binswanger L. Freud's Conception of Man in the Light of Anthropology. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, P. 149–181. (Russ. ed.: Binswanger L. Фрейдовская концепция человека в свете антропологии Бинсвангера Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 135–161).
3. Lyotard J.-F. *Phenomenology*. Albany, N.Y., 1991, vi+147 p. (Russ. ed.: Лиотар Ж.-Ф. *Феноменология*. St. Petersburg, 2001. 160 p.)
4. Binswanger L. The Case of Lola Voss. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, pp. 266–341. (Russ. ed.: Бинсвангер Л. История болезни Лолы Фосс. Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 230–292.)
5. Needleman J. A Critical Introduction to Ludwig Binswanger's Existential Psychoanalysis. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, pp. 1–148. (Russ. ed.: Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 10–132).

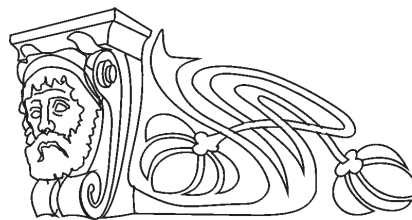

УДК 1:316:2-41

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

И. А. Дорошин

Дорошин Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: ivansar@mail.ru

В статье рассмотрена социально-философская перспектива исследования фундаментализма. Особое внимание уделено дисциплинарной демаркации изучения религиозных общностей в социальной философии, связанной с этим проблеме определения фундаментализма. Для описания динамики изменений необычайно пластичного явления – религиозного фундаментализма – требуется выделение видовых черт подобных групп. Сравнительный анализ приводит нас к эффекту «новых религий» или религиям New Age. Фундаменталистские группы имеют сходные с ними черты, при этом не столь важно, сконструированы ли они как реальный или виртуальный проект, имеют ли они искусственное или социально-естественное происхождение.

Одной из форм фундаментализма является исламизм (не ислам), исследование которого усложнено тем, что социальный образ ислама в достаточной мере демонизировали экстремисты. Исламизм оказывается частью сценариев апокалиптики, тем самым представляет собой одну из идеологий и функционально сравним с подобными системами. Другим существенным моментом в изучении современности является невозможность постижения мусульманской современности с позиций западной ментальной истории. Утверждение светской мусульманской идентичности как одной из многих мусульманских идентичностей до сих пор в значительной степени не исследовано в большинстве работ по исламу.

Ключевые слова: риск, религиозная общность, фундаментализм.

К актуальным неразработанным проблемам исследования риска необходимо отнести риски религиозного поведения. Риск осознается как возможность успеха, поэтому появляется теоретическая перспектива амбивалентности этого явления. Важнейшей характеристикой оказывается контекстуальность риска, связанная с его историей. При этом крайне редко встречаются философские работы, изучающие динамику развития религиозных общностей, институциональную структуру, ход истории, методологию исторических и социальных исследований религиозных групп. Собственное «исповедание» автора, будь то агностицизм, атеизм, конкретная или отвлеченная религиозная принадлежность, задают, как правило, в таких работах некую генеральную линию в поиске «доминирующего фактора», «системообразующего элемента». Это позволяет идентифицировать тексты как бого-

словские, идеологические, в случае социального анализа – как макросоциологические, но никак не философские. Стоит отметить, что конкретное исповедание и принадлежность к религиозной традиции вполне совместимы с философским или критическим отношением к реальности. Также стоит уточнить, что принадлежность к конкретной и традиционной общности, в научном или мировоззренческом планах, означает отсутствие лакун и противоречий в «аксиоматке» познания мира и рождает продуктивную критику. Ценность социально-философского подхода не в догматичности, а напротив – в критическом отношении ко всяким догмам, устоявшимся привычным взглядам и предпосылкам [1]. Сосредоточение на одном факторе как на генеральном будет означать уход в макросоциологию: так поступали исследователи, начиная с А. Р. Ж. Тюрго и А. Смита.

С другой стороны, есть основания для выделения религиозного фактора динамики исторического процесса как важнейшего инструмента выживания человека, согласно У. Уэллсу, Б. Скиннеру – школе бихевиоризма в целом. При этом материал и накопленный опыт анализа процессов принадлежат религиоведческому анализу. Таким образом, комплекс подходов в социально-философском исследовании религиозных общностей в дисциплинарном поле достаточно сложный. Макросоциология призвана вести эмпирические и теоретические исследования, для чего использует стандартные методы, как правило, макрокаузальный анализ, заключающийся в синтезе сравнительно-исторического и гипотетико-дедуктивного подходов [2]. Общность инструментария этих подходов, принципиальность сравнительно-исторического метода создают дополнительную сложность в демаркации социально-философского исследования религии. Остается и некоторая опасность подмены сравнительного анализа реальных феноменов общественного развития отсылкой к авторитетам и квазиморальным тезисам благодаря, с одной стороны, наследию идеологизации философского знания в СССР, с другой – попыткам, предпринятым именно со стороны религиозных общностей, воссоздать единое идеологическое пространство в современной России.

Факторы изменения в динамике развития религиозных общностей, казалось бы, разнаправлены и равнозначны, но невозможно говорить о равной роли факторов изменений, и относительный «вес» факторов меняется от эпохи к эпохе. Факторы тем не менее формируют вполне определенный вид религиозности. Следует отличать, прежде всего, фундаменталистский и традиционалистский типы религиозности, которые смешиваются исследователями. Это происходит в связи с высказываниями самих фундаменталистов, которые претендуют на роль «ортодоксов» в религиозной традиции, хотя, согласно концепции Н. К. Нильсена, они могут претендовать только на роль «защитного кольца», по аналогии со схемой И. Лакатоса для научно-исследовательских программ. На определенное сходство смены «программ» в науке и религии указывает Н. Нильсен, ссылаясь на признание Т. Куна [3]. Подмена ортодоксии фундаменталистскими представлениями ведет к проблемам теории в богословии, социальной практике, а также в исследовании динамики религиозных общностей в социальной философии и неверным оценкам. Речь может идти (заимствуя терминологию Н. С. Розова) о двух типах динамических стратегий. Если же говорить по существу, то фундаментализм можно связать с экстенсивной стратегией колонизации, культурной, социальной и технологической экспансии в зависимых странах, расширением рынков. В то же время колонизацию нельзя вычеркнуть из истории модернизации [1, с. 4]. Таким образом, фундаментализм – это необходимая страница истории модернизации, которой посвящена значительная доля диссертационных исследований в современной России. Можно отметить успех фундаменталистских доктрин в колонизации будущего (используя термин Э. Гидденса [4, с. 107–134]), в том числе и колонизации киберпространства.

Круг основных социально-философских вопросов может выглядеть следующим образом: существуют ли религиозные общности на самом деле или это фикции? В чем ограниченность выделения религиозных общностей и их видов? Каковы факторы изменений и их соотношение, «вес»? Как можно исследовать динамику религиозных общностей и социально-историческую причинность явлений указанного порядка? Идет ли речь об одном типе явлений или нескольких? В каких случаях оправдано использование категорий и понятийного ряда социальной философии, конкретных дисциплин или религиозных традиций? Определенный подход к этим вопросам возможен в рамках статьи, но удовлетворительное для теории разрешение требует масштабов монографического исследования.

Для отслеживания и описания динамики изменений необычайно пластичного явления –

религиозного фундаментализма – требуется выделение видовых черт подобных групп. Сравнительный анализ приводит нас к эффекту «новых религий» или «религиям Нового Века». Фундаменталистские группы имеют сходные черты с «религиями» NewAge, при этом не столь важно, сконструированы ли они как реальный или виртуальный проект, имеют ли искусственное или социально-естественное происхождение. Попробуем выделить сходные черты на основе анализа дискуссии «Социальные перспективы в религиях Нового Века» [5]:

1) личное обращение (спасение) и непосредственный духовный опыт (общения) находятся в центре социального проекта: частное, индивидуальное преобразование должно иметь параллель в преобразовании общества. Таким образом речь идет о социальном действии;

2) фундаменталисты чаще слышат голоса, нежели воспринимают видения; их мистицизм приходит в «одеждах новизны»; риторика новшеств выражается в «текущих» откровениях для принятия повседневных решений;

3) фундаменталисты говорят об исцелениях либо через харизматических проповедников, либо во время массовых молитв. Физическое здоровье является знаком благословения, а также знаком расширения прав и возможностей, поскольку все это обретается в контакте с миром святого. Другой распространенный знак благословения – это материальное благополучие;

4) и фундаменталисты, и представители NewAge, как правило, принимают тексты и откровения буквально (религиозный «материализм»);

5) обе системы имеют популистскую, ориентированную на «волонтеров», не элитарную схему спасения. Действует принцип «сделай сам» спасение.

На этой основе можно определить рискогенность фундаментализма как сочетание социальной напряженности и религиозных идей. Полная социальная ограниченность в практической плоскости в сочетании с абсолютной «свободой» в идейном измерении дает взрыв. В связи с этим интерес представляют работы С. Брюса, который предлагает новый взгляд на протестантский фундаментализм американских политических правых, их влияние на американскую внешнюю и внутреннюю политику. Основные объекты их протеста – аборт, права гомосексуалистов и так называемый «Интеллектуальный Дизайн». Концепция ID («Интеллектуального Дизайна») практически неизвестна в России, поэтому ниже мы остановимся на ней. Исследователь рассматривает основания активности Аль-Каиды, террористов-смертников и «войны с террором», а также борьбу с продолжающимся ростом христианского права в США [6]. На основании со-

психологического анализа он отвергает идею психопатологии поведения в фундаменталистских группах, убедительно демонстрирует важность фундаментализма как симптома быстрых социальных изменений. Он считает, что религиозные идеологии во многих случаях не более чем ширма, но предлагает относиться к религиозным элементам фундаментализма очень серьезно. Практика ставит три наиболее важных вопроса: почему некоторые религии чаще, чем другие, производят на свет фундаменталистские группы и убеждения? Почему эти религии отличаются в своей готовности применить насилие для достижения своих целей? Представляет ли собой фундаментализм серьезный вызов или устойчивую альтернативу светским идеям и либеральной демократии западного общества?

Несколько отвлекаясь от основной темы, следует пояснить, что такое интеллектуальной дизайн. ID, или «теория разумного замысла» как альтернатива фундаментализму предполагает, что некоторые черты вселенной и живых организмов лучше всего объясняются «интеллектуальными» причинами, а не слепыми процессами, такими как естественный отбор [7]. Эта теория представляет собой одну из форм креационизма и современной адаптации традиционных телеологических аргументаций в пользу существования Бога. Идея преподносится сторонниками как научно, а не догматически обоснованная теория о происхождении жизни. Можно также отметить эстетическую сторону подобных идей как произведений «искусства», созданных с помощью выразительного языка науки.

Возвращаясь к основной теме, отметим, что как и в случае «секуляризма», «светскости», понятие «фундаментализм» в средствах массовой информации, а также в некоторых академических дискуссиях обсуждается не как процесс, а как «культурный объект», в антропологическом смысле. Как правило, из виду напрочь упускается динамика явления. Исследователи, исходя из оснований различных академических дисциплин, таких как антропология, социология, история, юриспруденция, политические науки и религиоведение, предлагают дискуссию, которая пытается вскрыть упрощение или даже оксюморон в отношениях между религиозными общностями (как правило, исламскими) и секуляризмом, а также создать новый «способ» или метод разработки вопроса. «Как антрополог, я не очень удивлен, что в центре этой дискуссии не мусульмане, а ислам», – пишет Дж. Марранси, редактор сборника «Мусульманские общности и проблема секуляризации: междисциплинарный подход» [8]. Очевидно, что исламские страны являются особой группой внутри Третьего мира в такой степени, что можно говорить о них, как о «четвертом мире» [9]. Интерпретации, личност-

ные процессы и эмоции, местные и глобальные проблемы – это важные переменные в определении явления. Дискуссия об исламе и секуляризме сводится к обсуждению совместимости «ислама» с «демократией»: «История, казалось, окаменела в безжизненных обычаях “старинных” людей, которые населяют антикварные земли. Или, может быть, культура здесь означает привычку к какой-то инстинктивной деятельности с правилами, которые вписаны в самом начале основополагающих текстов» [8]. Адекватной формой экспликации подобной дестабилизирующей активности является концепт исламизма [10].

Колониализм как существенная часть идейного комплекса исламизма остается влиятельной мифологемой в обществе риска. Впрочем, идейные метания постколониального мира надо рассматривать шире. Западноевропейский мир, спасаясь от обвинений в колониализме со стороны мира исламского, вторит ему, казалось бы, выступая на стороне борцов за свободу. Естественно, обвинения со стороны Запада поступают в адрес России. Речь идет о «колониях» России – очень опасном теоретическом проекте Запада. Примером может служить ресурс Wikipedia, где к теме «Колониализм» находится интерактивная иллюстрация «колониального» роста России. Таким образом, антиколониализм кроме реальной почвы имеет также и мифологическое защитное кольцо, которое в некоторых случаях активизируется. Проблема в том, что бонусы этой игры достанутся не Западу, а скорее Востоку, но не христианскому. Хорошо заметно, что теоретические споры и проекты чужды исламу. Для академических изысканий исламских исследователей этическая борьба между наукой и религией, политики с гражданским обществом, эссенциализма и релятивизма, идеологии и утопии оказывается абсолютно внешней и неинтересной. Даже полемика вокруг взаимоотношений науки и религии, по сути, подменяется апологетикой Корана и исламского образа жизни в трудах Октава Однана (Харуна Яхьи), Мухаммеда Фетхуллага Гюлена и др.

Подобные смещения (науки и религии, утопии и политики) характерны как раз для фундаменталистского мышления. Возможно, из-за отсутствия в академической среде исламского мира серьезного противостояния фундаментализму складывается неверное представление обо всем исламском мире как исламистском. При обсуждении проблематики фундаментализма в большинстве текстов на первом месте, несомненно, стоят исламистские фундаменталистские группы. Так получилось не потому, что подобные им христианские группы играют меньшую роль или исламский мир более склонен к фундаментализму. Скорее, европейские исследователи, как и СМИ, более ориентированы на масштабный

критический анализ, объектом которого оказывается исламизм как ряд политических проектов.

Исследование проблемы восприятия исламистских групп необходимо начать с анализа исламского социального дискурса в странах Запада, но это тема отдельного сложнейшего теоретического изучения. В рамках статьи выполнить эту задачу невозможно. Но тезисы этой работы могут стать отправной точкой различения важнейших социальных дискурсов в обществе риска. Существуют определенные методологические недостатки в исследовании ислама отчасти из-за приверженности европоцентристскому историческому эволюционизму и сравнительному культурному редукционизму [8]. Опорные точки анализа, по существу, можно найти в исследовании общности как «образа жизни», объективации культуры, в исторических событиях, в эсхатологии и, как ни странно, в случае ислама именно в теологии. По сути, речь идет об исследовании цивилизации. В разных регионах мира (как выразился В. В. Путин, «от Филиппин до Косово») формируется зона возрастающей нестабильности (социально-политической, этнополитической, военно-политической) и риска с активной вовлеченностью в дестабилизационные процессы и акции исламских (исламистских) организаций, движений, группировок и режимов [10].

Есть и более глубинные проблемы восприятия исламского социального дискурса, касающиеся методологии: «светское» мнение многих нерелигиозных исследователей о религии как о «заражении» социальности, репликации в ней структуры богословских концепций. Конвенция светскости сегодня является частью доктрины секуляризма. Секуляризм не просто утверждает, что религиозная практика и вера ограничиваются пространством, где они не могут поставить под угрозу политическую стабильность и свободы граждан, но «социальность», как и «естественность» оказываются составляющими секулярной концепции мира [11].

Если быть точным, то изучать следует не конфликт исламского образа жизни (в случае ислама и исламизма) с секулярным. *Modus vivendi* Европы предполагает необходимую адаптацию к социальной среде. В любом случае риски, которым он противопоставлен, остаются. Мусульманам-европейцам придется это учесть. Проблематика, скорее, касается скорости адаптации: предметом изучения должна стать именно динамика адаптации. Если и есть конфликт цивилизаций, то это конфликт одной картины риска с другой. Этот методологический концепт подтверждает практическая богословская полемика Тарика Рамадана и Юсуфа аль-Карадави. Вместо пассивного перенесения социальных норм мы уже наблюдаем болезненное реформирование

ислама. В роли «повивальной бабки» нового ислама оказалась Франция.

Утверждение светской мусульманской идентичности как одной из многих мусульманских идентичностей до сих пор не исследовано в большинстве работ по исламу. Если мы хотим обойти слабые стороны секуляризации, нам необходимо изучить взаимодействие между вариантами благочестивого поведения и государственным регулированием. Необходимо показать сложность и разнообразие, которые существуют в исламском дискурсе. Изучение «светских», адаптированных мусульман почти не осуществляется как на Западе, так и в мусульманском мире. Теологический спор «умма и государство» остается во многих исламистских странах вялотекущим; вряд ли в ближайшее время он выльется в законченные формы. «Демократия» для многих культур – лишь удобный лозунг, а то и «заклинание», направленное против НАТО и чиновников. Действительно, как поясняет Хайфа Джавад (преподаватель направления «Ближний Восток и исламские исследования» колледжа Вестхилл в Бирмингеме), в Коране и Сунне существует очень мало положений об «исламских» структурах мусульманского правления [12]. Другими словами, есть «руководства», но не чертежи. Именно отсутствие четкой формы правления произвело целый комплекс современных внутренних дебатов между мусульманами, которые поддерживают секуляризацию как неизбежный или полезный элемент прогресса, и теми, которые отвергают любые идеи, будь то социальная или политическая свобода, связанная с развитием мусульманской идеи секуляризма.

Другим существенным моментом в изучении современности ислама является невозможность её постижения с позиций западной ментальной истории. Попытка проанализировать несколько историй и несколько исторических траекторий в науке будет воспринята как отклик шизкультуры постмодерна, распадение единства поиска, науки как социального проекта. Интересным компонентом идентичности оказывается «восточный» фольклор, ставший частью европейской педагогической культуры (например, Ходжа Насреддин, особенно для новой турецкой идентичности в Европе, а также арабская сказка). Он позволяет повторно выражать свою этнорелигиозную самобытность в секуляризованной среде, но без ущерба для собственной религиозной принадлежности. Фольклор как отличное социальное противоядие ценится в исламском мире больше, нежели материальное богатство. За неизвестную притчу, несмотря на их обилие в Интернете, можно до сих пор получить драгоценность. Это, возможно, главная опасность для исламского мира – обесценивание знания означает обесце-

нивание традиции. Российский ислам был подготовлен к этому распределительной экономикой и связанным с этой формой хозяйствования обесцениванием традиций и традиционных знаний о социальных закономерностях.

Анализ динамики предельно усложнен ещё и тем, что социальный образ ислама демонизирован экстремистами. Особенно болезненно это сказалось на жизненном пространстве мусульманских общин в «немусульманских» странах, их транснациональном характере. Отход от идеи уммы, общины верующих как монокультурного образования, интерпретируется как измена исламу. И, наоборот, для западного мышления исламизм (политический ислам) оказывается частью сценария апокалиптики, который разыгрывается в политических, в том числе манипулятивных целях. Таким образом, исламизм функционально сравним с идеологическими системами.

Итак, основные перспективы исследования фундаментализма очерчиваются кругом проблем:

дискурсивная и дисциплинарная специфика изучения фундаментализма;

анализ рискогенной среды фундаменталистских общностей в рамках социальной философии; утверждение светской мусульманской/христианской идентичности как одной из многих идентичностей и предмета социальной философии;

анализ исламского социального дискурса в странах Запада в качестве шанса для социальных теорий Европы;

необходимость реинтерпретации «светских» концептов восприятия религии и фундаментализма в научном сообществе;

исследование колониализма (с учетом идеи «колонизации» будущего» [4]) как социально-исторического фактора модернизации религиозных общностей и влиятельной мифологемы в анализе современных фундаменталистских идей.

Список литературы

1. *Розов Н. С.* Социальная философия – это догма или оружие против догмы? URL: www.nsu.ru/filf/rozov (дата обращения: 30.11.2012).
2. *Розов Н. С.* Философия и теория истории. М., 2002. 656 с.
3. *Nielsen N. C.* Fundamentalism, Mythos and World Religions. Albany, 1993. 186 p.
4. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS : Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. 5. Риск, неопределенность, случайность. М., 1994. С. 107–134.
5. Social Perspectives on New Age Religion. URL: http://en.wikibooks.org/wiki/Principles_of_Sociology/New_Agers_and_Fundamentalism (дата обращения: 12.03.2012).
6. *Bruce S.* Fundamentalism. Maldon, 2001. 250 p.
7. *Forrest B. C., Gross P. R.* Evolution and the Wedge of Intelligent Design: The Trojan Horse Strategy. Oxford, 2003. 416 p.
8. Muslim Societies and the Challenge of Secularization: An Interdisciplinary Approach / ed. G. Marranci. N.Y., 2010. 258 p.
9. *Джемаль Г.* Россия и исламский фундаментализм. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/djema1/?-library=967> (дата обращения: 30.06.2012).
10. *Игнатенко А. А.* От Филиппин до Косово : Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html (дата обращения: 30.06.12).
11. *Asad T.* Introduction. Formations of the Secular : Christianity, Islam, Modernity. Stanford, CA, 2003. P. 1–17.
12. *Jawad H.* Islam and Democracy in the Twenty-First Century. Muslim Societies and the Challenge of Secularization : An Interdisciplinary Approach / ed. G. L. Marranci. N.Y., 2010. P. 65–82.

Perspective Study Fundamentalism in Social Philosophy and Species Group Features

I. A. Doroshin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: ivansar@mail.ru

The article is devoted to the specifics of the study of fundamentalism in social philosophy. Particular attention is given to the demarcation of religious communities in social philosophy with respect to this problem of definition of fundamentalism. To describe the dynamics of change - extremely ductile phenomenon – religious fundamentalism – requires selection of species traits groups. Comparative analysis leads us to the effect of «new religions» or «religion of the New Age». Fundamentalist groups have similarities to the «Religion» New Age. It does not really matter: whether they are designed as a real or virtual project, whether they are artificial or socio-natural origin.

One of the most interesting forms of fundamentalism is Islamism (not Islam), the study of which is complicated by the fact that the social image of Islam is sufficiently demonized extremists. Islamism is part of the apocalyptic scenarios. Thus, Islamism is one of ideologies and functionally comparable to similar systems. Another important point in the study is the inability to comprehend the present Muslim modernity from the standpoint of Western mental history. Approval of the secular Muslim identity as one of many Muslim identities, not been studied in most works on Islam.

Key words: risk, religious community, fundamentalism.

References

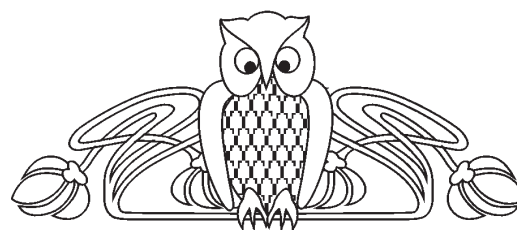
1. Rozov N. S. *Sotsialnaya filosofiya – eto dogma ili oruzhie protiv dogmy?* (Social philosophy – a dogma or a weapon against the dogma?), available at: www.nsu.ru/filf/rozov.
2. Rozov N. S. *Filosofiya i teoriya istorii. Prolegomeny* (Philosophy and theory of history. Prolegomena). Moscow, 2002. Vol. 1. 656 p.
3. Nielsen N. C. *Fundamentalism, Mythos and World Religions*. Albany, 1993. 186 p.
4. Giddens A. Fate, Risk and Security. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991, p. 109–143. (Russ. ed.: Giddens E. Судба, риск и безопасность. *THESIS (Theory and History Economic and Social Institutions and Systems)*, № 5. Moscow, 1994. Pp. 107–134).
5. *Social Perspectives on New Age Religion?* Available at: http://en.wikibooks.org/wiki/Principles_of_Sociology/New_Agers_and_Fundamentalism.
6. Bruce S. *Fundamentalism*. Maldon, 2000. 250 p.
7. Forrest B. C., Gross P. R. *Evolution and the Wedge of Intelligent Design: The Trojan Horse Strategy*. Oxford, 2003. 416 p.
8. *Muslim Societies and the Challenge of Secularization: An Interdisciplinary Approach* / Ed. G. Marranci. L.; N.Y., 2010. Vol. 1. 258 p.
9. Dzhemal G. *Rossiya i islamskiy fundamentalizm* (Russia and Islamic fundamentalism), available at: www.archipelag.ru/authors/djema1/?library=967
10. Ignatenko A. A. *Ot Fillipin do Kosovo: Islamizm kak globalnyy destabiliziruyushchiy faktor* (From the Philippines to Kosovo: Islamism as a global destabilizing factor), available at: www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html
11. Asad T. Introduction. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, CA, 2003. Pp. 1–17.
12. Jawad H. *Islam and Democracy in the Twenty-First Century Muslim Societies and the Challenge of Secularization: An Interdisciplinary Approach* / Ed. by G. Marranci. L.; N.Y., 2010. Pp. 65–82.

УДК 111

АНАЛОГОВОЕ И ДИГИТАЛЬНОЕ КАК ТИПЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ И ДЕСТРУКЦИИ СУЩЕГО

Ю. М. Дуплинская

Дуплинская Юлия Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В аналоговом типе осмысления реальности за исходное начало принимается форма. В дигитальном типе за исходное начало принимаются формула и код. Примером аналогового типа является мышление античности. В античной науке отправным пунктом осмысления является форма, а формула всегда понимается на основе формы. Примером дигитального типа является западноевропейская наука. Здесь переворачивается отношение между формой и формулой. Форма здесь должна осмысляться на основе формулы. Ставится вопрос: исчерпаны ли эвристические возможности аналогового типа осмысления реальности? В биологии аристотелевская концепция «формы как первой сущности» заменяется формулой генетического кода. Но здесь, на наш взгляд, необъяснимо следующее. Генетический механизм передачи информации объясняет лишь то, как одна формула перекодируется в другую формулу. Остается принципиально непонятным, как формула может определять форму организма. Ведь механизм распространения формулы или кода может породить только фрактальные формы. По такому принципу совершается только вегетативный рост. Механизм самокопирования кода приводит к неограниченному фрактальному разрастанию во всех направлениях. Но формы высших организмов – это не фрактальные формы. Какой механизм ограничения препятствует

здесь неограниченному фрактальному разрастанию кода? Доказывается, что это – качественно иной принцип формообразования, который необъясним из логики самокопирования кода. Высказывается гипотеза о существовании дополнительного биологического механизма формообразования, который действует по аналоговому принципу.

Ключевые слова: аналоговое, дигитальное, эйдос, код, форма, формула.

Различие между аналоговым и дигитальным типами мышления введено в психолингвистику школой Г. Бейтсона. А. Дугин поясняет это на примере различия в принципах записи музыки на «виниле» (аналоговый способ) и на компакт-дисках (дигитальный способ). В первом случае напрямую передается непрерывный рисунок волны, во втором непрерывный процесс разделяется на множество атомарных частей, а затем собирается из дискретных элементов: «Итак, мы имеем континуальную (аналоговую) и дисконтинуальную (цифровую) технологии» [1, с. 279–280]. Это мож-

но сравнить также с различием между картиной, написанной красками, и картиной, составленной из кусочков мозаики; со скульптурой, вырезанной из цельного камня, и скульптурой, смонтированной из элементов. Мы предлагаем употребление терминов «аналоговое» и «дигитальное» в расширительном значении *альтернативных способов конституирования реальности*, в самом широком смысле неких общих принципов выстраивания как отвлеченно-теоретических, так и социокультурных миров, а также целого спектра формообразований культуры (живописи, скульптуры, литературы, техники и т.д.). Есть типы культур, в которых преобладают формы как бы «вырезанные» из цельного куска материала, и есть типы культур, в которых все «составляется из мозаики».

Возникает соблазн увидеть в этом дополнительные грани в различии между типами «социокодов». Но в данном случае мы предпочитаем воздержаться от употребления столь модного ныне термина, как «социокод». Дело в том, что само понятие «социокод» привязано, на наш взгляд, только ко второму из упомянутых, а именно – дигитальному способу конституирования реальности, который в современной культуре пришел на смену реальности эйдосов Платона и морфологии Аристотеля. Сравнивая типы трансляции опыта, можно также провести различие между двумя типами самокопирования, или самовоспроизводства культуры. Самокопирование, совершающееся по принципу кода («социокод»), основано на комбинаторике дискретных элементов и как таковое строится по дигитальному принципу. Напротив, самокопирование по принципу отношения платоновского эйдоса («образца») к вещам («копиям») можно уподобить аналоговой технологии.

При всем различии между «платонизмом» и «аристотелизмом», «идеализмом» и «материализмом» все же существует нечто общее, что отличает античную традицию от всякой другой (арабской, еврейской и т.д.). Это – онтология «образцов» (идей-эйдосов), понимаемых как *формы* для копирования (слова «эйдос», «вид», «образ» производны от глагола «эйдос» – вижу, созерцаю). Таким образом, эйдосы – идеи в понимании Платона – неразрывно связаны с созерцаемыми формами). Специфику этого типа конституирования реальности можно пояснить нагляднее всего, если допустить экстраполяцию понятия «матрица» на платоновский эйдос. Если, совершая, конечно, некое насилие над языком, мы сравним платоновские эйдосы с «матрицами», это будут не цифровые матрицы-коды, как в современной компьютерной технике, а матрицы как формы для литья, которые, отпечатываясь на материи, дают начало группам сходных предметов (сравнение эйдосов с матрицами – формами для литья – производится в исследовании В. Г. Вишневого)

[2, с. 47]. Правда, этот момент яснее прописан уже у Аристотеля: «первая сущность вещи», по Аристотелю, – это ее *форма*, или «морфэ» по-гречески. Таким образом, форма здесь считается исходным онтологическим началом, не выводимым ни из какого другого.

Если аналоговый тип конституирования реальности уходит корнями в античную традицию, то дигитальный восходит к традиции авраамических религий и отсылает к знаменитой строке Библии «В начале было Слово...» Отсюда происходит установка на комбинаторику дискретных элементов и слово-код. Эта трактовка характерна для таких традиций, как иудаизм и ислам. Как традиция Каббалы, так и мусульманский мистицизм связаны с комбинаторикой букв. Если аристотелевские «первые сущности» сравнивались с матрицами – формами для литья, то в онтологии кода эти матрицы нужно понимать в смысле цифровых матриц: кода, построенного из букв заданного алфавита. Проекция этих типов конституирования реальности в метафизическое измерение дает разные интерпретации творчества Божьего как прообраза всех прочих созидательных процессов. В первом случае – это Бог Платона, который понимается как «Бог-геометр», начинающий созидание Космоса с творения правильных геометрических форм. Во втором случае – это Бог Каббалы, создающий мир из Слова и запускающий все последующие модификации реальности как комбинацию и перекомбинацию букв изначального алфавита.

Итак, альтернатива между аналоговым и дигитальным типами конституирования реальности находит свое продолжение в различии между «онтологией эйдосов» и «онтологией кодов»; между «*формой*» и «*формулой*» как *исходными принципами осмысления сущего*. Рассмотрение этого различия помимо всего прочего позволит поставить под вопрос многое из того, что мы привыкли некритически принимать за «реальность, как таковую», как она есть «на самом деле». Фактически современное естествознание – это рационализация иудео-христианской трактовки Библии, или онтологии кода, пришедшей на смену онтологии эйдоса.

В аналоговой онтологии эйдоса за исходное онтологическое начало берется *форма*. Инструментарий формальной логики, разработанной Аристотелем, основан, в конечном счете, на геометрической интуиции формы: сравнения понятий и суждений по их «объему»: общие, частные и т.д. В логике Аристотеля можно увидеть вырожденную и истончившуюся до методологии онтологию античных эйдосов. В античной математике в основе понимания числа также лежала геометрическая интуиция как интуиция формы. Основой античной математики была геометрия. Здесь *формула* всегда отсылала к *форме*.

С дигитальной онтологией кода связан иной способ упорядочивания сущего. Основой логики теперь становятся не «*фигуры*» аристотелевских силлогизмов, а *коды* и *матрицы* символической логики – рациональные схемы, родственные приемам построения «слов» из заданного «алфавита». В этой парадигме радикальным образом меняется отношение между формой и формулой. Если в античной математике исходным началом была форма, а формула – производным, то в европейской математике наоборот – форма понимается на основе формулы. Основой математики становится не геометрия, а алгебра – традиция, идущая из мусульманского мира.

Различие между указанными типами осмысления реальности можно проиллюстрировать также, сравнив химию и алхимию. Вещества того же наименования в алхимии включались в контекст радикально иной структуры мышления, нежели в химии. В химии логика химических превращений понимается по тому же принципу, по которому из «букв алфавита» – химических элементов – строятся «слоги» и «части слов» (кислотные остатки, гидроксогруппы, свободные радикалы и т.д.), комбинированием которых затем формируются «слова» – химические вещества (кодовый, или алфавитный принцип). В алхимии же понимание превращений совершалось по принципу «вырезывания» формой некоего аморфного – гилетического начала: как наложение формы на материю (гиле), когда форма вырезает из материи определенные субстанции. Все вещества делились на два класса: мужские и женские. Первые несли в себе источник формообразования, а вторые – источник гилетического начала. Первоначальная дихотомия «мужское – женское» («форма – материя») порождала деление веществ, соответствующее стихиям – «воде», «земле», «огоню», «воздуху», где тоже делался акцент на преобладании либо активного, формирующего, либо пассивного, гилетического начала.

Но наиболее ясным и узнаваемым образом различие между аналоговой онтологией эйдоса и дигитальной онтологией кода можно проиллюстрировать на примере биологии. По Аристотелю, формы, например, собаки, лошади, человека – это неразложимые «первые сущности», и этих «первых сущностей», или форм столько же, сколько биологических видов. В современной же биологии те морфологические различия между видами, которые Аристотель связывал с формой как «первой сущностью», уже рассматриваются как производные из реальности кода – генетического. Генетику фактически можно рассматривать как одну из интерпретаций библейской фразы «В начале было Слово...» Глубокое родство «между генетикой и лингвистикой» констатирует Ж. Бодрийяр, замечая, что «генетический код должен рассматриваться как наиболее фундаментальная

из всех семиотических сетей» [3, с. 128]. Генетический код действует по тому же принципу, как текст строится из комбинации букв заданного алфавита. Роль исходного алфавита здесь играют нуклеотиды. Мир живых организмов иногда сравнивают с «издательством, где идет непрерывное распечатывание и редактирование текстов, их перевод с одного языка на другой и рассылка по разным инстанциям» [4, с. 261].

Теперь, если мы поставим вопрос о том, что более релевантно, с точки зрения современного естествознания, – аналоговый принцип аристотелевской морфологии либо дигитальный принцип кода, то, казалось бы, спорить не о чем. Кажется самоочевидным, что, с точки зрения современного естествознания, второе имеет несомненные преимущества перед первым. Но здесь возникает одна проблема, которая, на наш взгляд, настолько бросается в глаза, что просто удивительно, что ее никто не замечает.

Рассмотрим более детально то, что именно определяется генетическим кодом. Генетический код задает только одно: формулу молекул белка. Кодировается только порядок аминокислот. И больше ничего. Здесь просто идет «перевод» с одного языка на другой: «язык» нуклеотидов (в молекулах ДНК и РНК) переводится на «язык» аминокислот (в молекулах белка). Одна формула перекодирована в другую формулу – и ничего более. Но если то, как из одной формулы вытекает другая формула, понятно, то принципиально непонятно, на наш взгляд, другое: как из какой бы то ни было формулы может проистекать форма? Причем не «вторичная», «третичная», «четверичная» и т.п. формы молекул белка, которые вытекают из его формулы, а форма организма, которая есть нечто совсем иное, нежели «вторичная», «третичная» и т.п. формы молекул белка? И, добавим, не фрактальная форма и не форма динамического паттерна самоорганизации также, которые тоже есть нечто принципиально иное, чем формы высших организмов.

Теми формами, которые напрямую проистекают из формулы, могут быть только фрактальные формы. По такому принципу формообразования совершается вегетативный рост растений, рост колонии простейших или колонии полипов, а также рост раковой опухоли, там, где новой точкой роста может быть любой сегмент. Но ведь формы высших организмов, таких как рыбы, птицы, звери, не говоря уж о человеке, – это нечто принципиально иное, чем фрактальные формы. Возникает вопрос: что здесь мешает коду распространяться во всех направлениях, так, как это бывает при вегетативном росте растений? Можно ли в механизмах распространения какого бы то ни было кода (например, генетического) увидеть те самоограничения, которые препятствовали бы его фрактальному разрастанию во всех направле-

ниях и ставили бы границы бесконечно размножающемуся самоподобию формы? Там, где мы имеем дело с формами высших организмов, как будто действуют некие загадочные ограничения на фрактальное распространение формы. И эти ограничения, на наш взгляд, никак не вытекают и не могут быть поняты из логики кода. Дело здесь не в недостатке конкретно-научных знаний о принципах действия генетического механизма. Любые исследования в области генетики останутся лишь детализацией механизма действия кода, в то время как речь идет не о деталях этого механизма, а о необходимости качественно иного объяснительного принципа. Логика бесконечного разрастания текста всегда будет оставаться чем-то принципиально иным, нежели логика построения форм.

Так, может быть, здесь все-таки будет уместно вспомнить о платоновских эйдосах или об энтелехии Аристотеля? Создается впечатление, что в случае высших организмов действуют два качественно различные принципа формообразования, когда на логику фрактального распространения кода накладывается другая логика: энтелехии, или формы как той «первой сущности», о которой вел речь Аристотель. Причем второе действует по принципу ограничения по отношению к первому.

Рассмотрим, в частности, проблему, которая является камнем преткновения в споре между сторонниками «креационистской» и «эволюционистской» парадигм, а также поводом для разнообразных натурфилософских спекуляций. Это – проблема колоссальности того объема информации, который записан в геноме каждого организма. Например, объем информации, содержащийся в геноме человека, равен 10^{24} – 10^{26} бита. Если это представить наглядно, в виде текста, записанного четырехбуквенным алфавитом, то этот текст будет содержать 3 млрд знаков. «Чтение этого текста со скоростью 1 буква в секунду заняло бы 31 год, если бы продолжалось без перерыва день и ночь, а для его печати стандартным шрифтом потребовалась бы стопка листов высотой с монумент Вашингтона» [5, с. 23]. Эти впечатляющие примеры демонстрируют, насколько огромен объем информации, содержащийся в каждой клетке нашего тела.

Попытка справиться с такого рода сложностями заставляет некоторых исследователей прибегнуть к гипотезе существования биополевых структур. Речь о биополе уже ведется не только в оккультной литературе или в натурфилософских спекуляциях, но и на стыке философии и естествознания. Здесь можно, в частности, сослаться на идеи Н. И. Кобозева и А. К. Манеева (80-е гг. XX в.), которые высказывали предположение, что запись информации о нашем организме «осуществлена на некотором суперустойчивом субстрате полевого типа, непосредственно не вступающем

в обмен веществ <...> вещественные подсистемы (ДНК, клетки, органы, ткани и т.д.) выступают элементами многоуровневой кодовой системы, выражающей информацию организма, фактически заключенную в виде голограммы в его полевой подсистеме» [6, с. 358–359]. Можно сослаться также на концепцию А. А. Силина, который считает, что такой колоссальный объем информации, как тот, который содержится в геноме человека, не может уместиться в двух половых клетках – гаметах. Поэтому нужно предположить, что в гаметах содержится только стартовый объем информации, а остальная информация поступает поэтапно, по мере развития зародыша, из матрицы, записанной на уровне «биоморфного поля» [7].

Но не воспроизводит ли концепция матрицы, записанной на уровне биополя, аналогичную проблему: как (и «кем») столь огромный объем информации оказался там записанным? Более того: даже если мы переадресуем эту проблему в «самую высшую инстанцию», каковой является Бог – создатель мира, – то и это, на наш взгляд, мало что поможет объяснить. Если некоторые биологи считают абсурдным допущение, что такой сложный информационный код, как молекула ДНК, возник в результате слепого случая, то предположение о том, что Бог создавал организмы по цифальному принципу, подбирая в нужном порядке код из нуклеотидов, является немногим менее абсурдным. Наша интуиция сакрального может допустить «Бога-геометра», каковым является Бог Платона, но вопиет против идеи Бога-программиста.

Если уж принимать гипотезу биополя (которая, заметим, высказывается не впервые и высказана не нами), то почему бы не добавить к ней предположение, что существует уровень биополевых образований, где вся эта информация «записана» по аналоговому принципу (наподобие платоновских эйдосов) и только потом переводится в «цифальную» запись? Тогда генетический код может быть понят как результат цифровой реконструкции некоего изначально непрерывного рисунка, подобно тому, как звук, записанный по цифальному принципу на компакт-дисках, представляет собой лишь реконструкцию того, что когда-то было непрерывным рисунком звуковой волны.

В свое время проблема «простоты» и «сложности» живых организмов была поставлена А. Бергсоном. Он считал видимую сложность организма лишь результатом аберрации нашего восприятия, подобной попытке дать мозаичную реконструкцию картины, написанной красками. «Простота в этом случае принадлежит самому предмету, бесконечная сложность – тем точкам зрения на него <...> с помощью которых мы пытаемся искусственно имитировать этот предмет, но с которыми он остается несоизмеримым, ибо

природа его совершенно иная. Гениальный художник нарисовал на полотне человеческое лицо. Мы можем имитировать эту картину при помощи разноцветных квадратиков мозаики <...> Но понадобилось бы бесконечное число бесконечно малых элементов, выражающих бесконечность оттенков, чтобы получить точный эквивалент того лица, которое художник постиг как нечто простое, которое он захотел целиком перенести на полотно и которое тем более совершенно, чем полнее выражает единую неделимую интуицию» [8, с. 112–114]. Это гениальное прозрение А. Бергсона, идеи которого до сих пор остались как бы маргинальными и не востребуемыми в современной биологической науке, может обрести новое дыхание. Идеи Бергсона стоит лишь скорректировать тем, что речь идет не просто об aberrациях нашего восприятия, но о биополевом «этаже» записи информации (по аналоговому принципу), который реконструируется на нижнем «этаже» генетического кода (по дигитальному принципу).

Различия между типами конституирования реальности находят свое продолжение в *различиях между типами разрушительных процессов*. Специфика таковых в современной культуре может быть выражена словами Ж.Бодрийяра: «мы научились справляться с болезнями, имеющими форму, но окажемся бессильными перед патологией формулы» [9, с. 94]. Символами патологии современного общества становятся *рак, СПИД и шизофрения* – заболевания, либо неизвестные вообще, либо не составлявшие сколько-нибудь серьезной проблемы для предыдущих обществ. Что общего между тремя этими заболеваниями и что отличает их от чумы, холеры и прочих инфекционных болезней, бывших в свое время главным бичом традиционных обществ? Дело в том, что в основе каждого из этих трех заболеваний находится «вирулентное», или вирусное начало, понимаемое в широком смысле – как «слипание» и смешение кодов. Этому предшествует развоплощение реальности до «чистых» информационных матриц, освобожденных от телесной оболочки. Если бактерия – это организм («патология формы»), то вирус – это код, матрица в чистом виде («патология формулы»). Речь, конечно, идет не только и не главным образом о заболеваниях в узком – медицинском смысле этого слова. Речь идет о некоем общем типе патогенных процессов, характерном для самых разнообразных сфер культуры, строящейся по дигитальному принципу.

Ж. Бодрийяр обращает внимание на противоречия между «логикой формулы» и «логикой формы». Современная культура вступила в эру «симулякров третьего порядка», основой которых является логика кодов и информационных матриц. Здесь развитие культуры начинает уподобляться вегетативному росту растений или росту раковой опухоли, где «индивидуум представляет теперь

некий раковый метастаз формулы». Это «... кладет конец целостности – конец тела, чей секрет заключался в том, что оно не может быть разделено на клетки, а представляет собой неделимую конфигурацию» [9, с. 186]. Код разрушает эйдетику формы. Тело как некая целостная конфигурация начинает растворяться в сети кодов и информационных матриц. Форма растворяется формулой.

Этот тип разрушительных процессов сравнивается в постструктурализме с шизофреническим бредом культуры. Специфика деструктивных процессов в случае клинической картины шизофрении характеризуется не отлетом от реальности, а фрактальной заполненностью всего психического пространства. В основе такого фрактального роста, как уже было показано, находится экспансия кода, освобожденного от эйдетики тела. Термин «шизопроцесс», введенный философией постструктурализма, применяется для характеристики не только душевной патологии, но и фрактального разрастания «ликвидации посредством переизбытка», в которые вовлечены все сферы современной культуры: наука, искусство, экономика, политика и т.д. Вообще то, что для характеристики разрушительных процессов сегодня используются термины, традиционно применявшиеся для характеристики душевной патологии, является глубоко символическим, если вспомнить, что понятие «душа» в платоно-аристотелевской традиции как раз было связано с такими понятиями, как «эйдос» и «форма». Растворение эйдоса в сетях кодов и информационных матриц означает помимо всего прочего и разрушение того, что в античной культуре было неразрывно связано с понятием «душа». Может ли какой бы то ни было «код», от генетического кода до социокода, заменить эту самую «энтелехию», форму как «первую сущность», которая, согласно Аристотелю, и есть не что иное, как душа?

Разрушение эйдетики образа машинерией кода можно проиллюстрировать литературным сюжетом, созданным фантазией С. Лема. Блестяще остроумная антиутопия С. Лема описывает общество, в совершенстве овладевшее генной инженерией и достигшее полной свободы манипуляции кодом. В результате на смену прежнему виду – «человеку разумному» – приходит новый вид – «самодел разумный», который сам может наделять себя любыми телесными формами. «Самодел разумный» неизбежным образом ставит вопрос: из чего вытекает необходимость именно гуманоидной формы? Разве нельзя усовершенствовать недоработки биоэволюции? «Упразднение естественного человека шло полным ходом <...> Увеличилось число разрешенных полов. Наряду с мужчиной и женщиной появились двужчина, дваба и два вспомогательных пола – уложники и поддержанки <...> Начались конфликты отцов и детей, ибо появились бунтари

под флагом аскезы <...> Молодежь принимала намеренно безобразные формы, на редкость неудобные (жутяги, тошнотелы) <...> Появились так называемые нижние уклонисты, которые множили число конечностей нелегально; а на следующей стадии, когда власть еще более ужесточилась, опять появились языконогти и прочие бунтарские органеллы... Появился манифест, призывающий к созданию головотопа, который ходил бы на голове...» Там, где эйдетика тела развоплощена до кода, «на смену кошмарам прежних ограничений приходит кошмар полного их отсутствия» [10, с. 221–252]. Антиутопия С. Лема иллюстрирует вывод: человеческий образ может быть понят только в рамках онтологии эйдоса и разрушается в рамках онтологии кода. Не ожидает ли нас в обозримом будущем трансформация (или разрушение?) образа человеческого не только в культуре и искусстве, как это совершилось уже, но и в самой реальности? И не только в переносном, но и в самом прямом – морфологическом смысле?

Список литературы

1. Дугин А. Философия традиционализма. М., 2002. 624 с.
2. Вишневецкий В. Г. Разум и разумность (опыт античной и православно-святоотеческой метафизики разума). Саратов, 2002. 168 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
4. Тростников В. Н. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. № 12. С. 257–263.
5. Коллинз Ф. Доказательство Бога. Аргументы ученого. М., 2008. 216 с.
6. Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм. М., 1993. С. 354–366.
7. Силин А. А. Лестница природы // Философские науки. 1997. № 2. С. 137–151.
8. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. 384 с.
9. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. 258 с.
10. Лем С. Звездные дневники Й. Тихого // Лем С. Приключения Йона Тихого. М., 2006. С. 5–344.

The Analog and the Digital as the Types of Construction and Destruction of Being

Yu. M. Duplinskaya

Saratov State Technical University
Ulitsa Politekhnikeskaya, 77, 410054 Saratov, Russia
E-mail: friaufva@inbox.ru

The analog type of thinking reality takes the form as initial point of reflection. The digital type takes as initial points of reflection the formula and the code. Example of analog type of reflection is thinking of antiquity. In antique science starting point of reflection is a form, and the formula is always based on the form. Example of digital type of reflection is Western science. It turns over the relationship between the form and the formula. The form here is understood on basis of the formula. Let's question: does the cognitive capabilities of analog type reflection are exhausted? In biology Aristotle's conception of «form as the first essence» is replaced by the formula of genetic code. But here, in our view, is inexplicable following point. Genetic mechanism of information transference only explains how a formula is converted to another formula. But it remains fundamentally incomprehensible how formula can determine the form of body. This mechanism of multiplication of formula or code may generate only fractal forms. On this principle is only vegetative growth takes place. Mechanism of code's self-replication leads to unrestricted fractal growth in all directions. But forms of superior organisms – are not fractal forms. What mechanism of limitation prevents here unrestricted fractal code spreading? We prove that it is qualitatively different principle of formation, which cannot be explained by logic of the code's self-replication. We advance hypothesis about the existence of additional biofield mechanism of form-creation, which operates on the analog basis.

Key words: analog, digital, eidosis, code, form, formula.

References

1. Dugin A. *Filosofiya traditsionalizma* (The philosophy of traditionalism). Moscow, 2002. 624 p.
2. Vishnevskiy V. G. *Razum i razumnost (opyt antichnoy i pravoslavno-svyatootecheskoy metafiziki razuma)* (The reason and the reasonableness {experience of ancient and Patristic orthodox metaphysics of mind}). Saratov, 2002. 168 p.
3. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death (Theory, Culture & Society)*. L., 1993, 254 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.)
4. Trostnikov V. N. Nauchna li «nauchnaya kartina mira»? (Is scientific the «scientific picture of the world»?) *Novyy mir* (New World), 1989, no. 12, pp. 257 – 263.
5. Collins F. *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*. L., N.Y., 2007, viii, 294 p. (Russ. ed.: Kollinz F. *Dokazatelstvo Boga. Argumenty uchenogo*. Moscow, 2008. 216 p.)
6. Maneev A. K. Gipoteza biopolevoy formatsii kak substrata zhizni i psikhiki cheloveka (Biofield substance hypothesis as the substrate of life and human psyche). *Russkiy kosmizm* (Russian cosmism). Moscow, 1993, pp. 354–366.
7. Silin A. Lestnitsa prirody (Staircase of nature). *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences), no.2, 1997, pp. 137–151.
8. Bergson H. *Creative evolution*. N.Y., 1998, 432 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. Moscow, 1998. 384 p.)
9. Baudrillard J. *The transparency of evil: essays on extreme phenomena*. N.Y., 1993, 174 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Prozrachnost zla*. Moscow, 2000. 258 p.)
10. Lem S. Zvezdnyye dnevniki Yyona Tikhogo (Star diaries of Ijona Pacific). Lem S. *Priklucheniya Yyona Tikhogo* (Adventures Ijona Pacific). Moscow, 2006, pp. 5–344.

УДК 111

СООТНОШЕНИЕ ТЕЛА И ДУХА – КЛЮЧ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Das Verhältnis von Körper und Geist – ein Schlüssel für die Bestimmung der menschlichen Identität)

Р. Катер

Катер Регине – доктор философии, профессор кафедры философии, Университет Фрайбурга/Брейсгау, Германия
E-mail: regine.kather@philosophie.uni-freiburg.de

В статье дается анализ доминирующего в настоящее время одностороннего определения личности через *самосознание*; тело имеет значение только через его биологические функции. В контексте неокантианской философии Э. Кассирера проводится параллель между телом и душой, которая определяется как *символическое отношение*. Посредством тела чувства и намерения могут восприниматься и пониматься, в том числе, исходящие и от Других. Символическое выражение есть условие возможности *интерсубъективности*, которая включает в себя действия, намерения и чувства. Личность должна рассматриваться как единство тела и духа, которое в существенной степени связано с другими личностями и *природой*. Своего рода *этика* должна учитывать и эти аспекты, чтобы защитить целостность и неприкосновенность личностной жизни человека.

Ключевые слова: самосознание, тело, символическое отношение, интерсубъективность, природа, этика.

К истоку дискуссии

В определении человека как личности в настоящее время односторонне доминирует ментально-эмпирическая позиция [1, с. 17–47]. Личность определяется, в продолжение традиции Локка, через самосознание и связанную с ним способность рассматривать свою собственную биографию, выражать личные интересы и ожидания [2, с. 120–124]. Исходя из этого, единство личности простирается лишь на собственное сознание, которое обращается к прошлому и будущему. Эмбрионы и грудные дети, следовательно, столь же мало являются личностями, сколько и люди, находящиеся в необратимой коме. Подобные обстоятельства неосознаваемого самой личностью собственного бытия различны: например, состояния сна и обморока, ибо и то, и другое связано с намерением предстоящего пробуждения и возвращением сознания, а также способностью вспоминать о предшествующих бессознательным состояниям обстоятельствах и привязывать их к существующему в настоящий момент. И поскольку идентификация личности проявляется не в существовании, а только в сознании индивидуума, то она не простирается на весь период жизни: тем самым однозначно проводится различие между существованием человека и существованием

личности. Определение человека как человека, во всяком случае, отражает его принадлежность к определенному биологическому виду. Проблематичность этой мысли не в том, что могли бы быть личности, не являющиеся людьми. Эта мысль не нова. В античные времена и в Средние века и ангелы, и Бог рассматривались как личности, как «отдельные существа наделенной разумом природы». Этически релевантным является то, что не все люди являются личностями, и никто не является ею на всех этапах своей жизни.

Определение личности, привязанное только к сознанию, естественно, не лишено оснований. Исходным посылом здесь является то, что тело вообще проявляется – в продолжение к И. Канту – только как предмет эмпирического мира и, таким образом, интерпретируется как предмет [3, с. 15], полностью поддающийся естественно-научному анализу. В критике телеологической способности суждения сам И. Кант, естественно, исключил применение позаимствованного из физики каузального понятия в отношении организмов, а с ним – и ограничение биологии физикой. Он-то и считается биологической основой сознания. Генетический код остается от начала до конца жизни, от зачатия до смерти в сущности своей идентичным. С одной стороны, он является признаком вида, а с другой – делает человека с биологической точки зрения единственным в своем роде индивидуумом, которого нельзя перепутать ни с каким другим. Благодаря неизменным телесным признакам, как видим, сторонний наблюдатель может распознать человека и тогда, когда тот без сознания и, соответственно, не является личностью.

«Для нас невозможно непосредственно воспринимать извне ментальную внутреннюю жизнь какого-либо другого человека. <...> Мои мысли, чувства и состояния являются в этом смысле личными. Наблюдаемыми же извне являются, напротив, все телесные обстоятельства какой-либо другой личности. Конечно, на основании наблюдаемого поведения мы можем делать выводы относительно ментальных состояний. В простом

случае данная личность сообщает нам посредством общего языка о своих мыслях и чувствах».

«Если принимается во внимание <...> предположение, что спорные условия устойчивости свойств проявляются из биологического понятия человека, то, как ранние стадии развития человеческого эмбриона, так и необратимые фазы вегетативной жизни можно принимать всего лишь как фрагменты существования устойчивого человеческого индивидуума» [4, с. 57; 272–278].

Для определения личности посредством ментальных актов, таким образом, характерной является асимметрия между перспективами рассмотрения духа и тела: в то время как для осознанного переживания интересов решающей является перспектива первого лица, тело определяется с точки зрения перспективы рассмотрения третьего лица, т. е. перспективы стороннего наблюдателя, и воспринимается сугубо через его физиологические функции. В процессе отделения биологической идентичности организма от единства личности сознание становится феноменом соответствующего собственного внутреннего мира. Его присутствие в настоящий момент остается скрытым от глаз других. Воспринимаемым является, прежде всего, только определенное тело в пространстве, которому – по аналогии, приписывается и сознание. А это значит, что изначально с существующим «Я» сталкивается и «Другое», но через тело в перспективе третьего лица, т. е. «Другое», проявляющееся как «Он», «Она» или «Оно».

Непрерывность постоянства биологического организма, которая скрывает в себе имеющиеся гены, может проходить и посредством следования друг за другом нескольких личностей, которые на основании исходных аперсональных состояний разделены друг от друга и ничего не знают друг о друге. Любая личность *обладает* телом, но не живет с ним и в нем. Тело является только средством для реализации собственных интересов. Несомненно, хотя оно и является условием возможности персонального существования, а потому и выступает предметом медицинских операций, однако сама личность определяется только на основании существующего в настоящее время самосознания и выводимых из него соответствующих качеств и способностей.

Из данных антропологии, из описания личности явствуют далеко идущие этико-нормативные выводы: если телесные функции, действительно, можно объяснить только естественно-научным путем, а физический мир, как считают многие ученые, является каузально замкнутым, то человеческий дух вмешиваться в него уже не может [5, с. 18–20]. Тем самым понятия действия, актов говорения были бы замкнутыми в себе, бессмысленными. Действие включает в себя представление цели, материально проявляющееся в

соответствующих ему движениях, направленных в будущее. В процессе действия внутренняя сущность активно переходит посредством тела во внешний мир, чтобы реализовать то, что понимается как исполненное значения. Без возможности действовать этика была бы ограничена внутренним образом мышления и лишена своей практической размерности. Была бы бессмысленной и этика окружающей среды, которая посредством ведомого целью изменения поведения должна оказывать влияние на сбивающиеся с проложенного пути процессы биосферы. По поводу этой апории Г. Брюнtrup пишет: «Вся физическая область подвержена воздействию необходимости, подобной законам. ... Хотя наш организм является также телом в макроскопическом мире, он противоречит, однако, нашему интуитивному видению самого себя – движения нашего тела детерминированы точно так же, как движение падающего предмета. Важное различие состоит в том, что нас могут приводить в движение не только внешние воздействия силы, но мы располагаем и внутренними механизмами контроля. ... Философски интересным является вопрос, является ли внутренний контроль в свою очередь лишь комплексным физическим состоянием, также подвергающимся влиянию детерминистических законов?» [3, с. 17; 18–20]. К тому же никто не смог бы начать движение спонтанно; оно не было бы даже до определенной степени вызвано интересами и взглядами. Поведение было бы каузально детерминировано, а свобода свидетельствовала бы только о чувстве сугубо субъективной релевантности, которое мозг рождает пока по необъяснимым причинам [6, с. 29; 56–82].

Совершенно логично, что представители подобной позиции понимают свободу только как свободу выбора, которая находится на службе ощущаемых преимуществ, а их, в свою очередь, основывают на опыте, который человек накопил в течение своей жизни, опыте, который создал его самого и с которым он, во всяком случае, себя идентифицирует, но ощущая его не как внешнее давление, а как свою внутреннюю необходимость [7, с. 80]. Тем самым, естественно, отрицается та форма свободы, которая обеспечивает возможность, исходя из понимания ценностей, при необходимости взять на себя обязанности и ответственность, в том числе, и вопреки собственным предпочтениям.

С точки зрения исключительно биологического существа, у людей нет к тому же никакой внутренней ценности, никакого достоинства. Одна только идентификация с собственными интересами порождает вместе с персональной идентичностью и осознание притязания на внимание со стороны других. Столь же слабо, как и идентичность, в бытии человека укоренена собственная ценность. Она возникает только через

акт «самоприписывания», посредством которого в качестве ценных рассматриваются собственные интересы, а с ними и собственная жизнь. «Личности способны к высоко оценочной идентификации со своим собственным существованием; на ней основывается значимость их жизни. ... Мучительное или болезненное существование может, тем не менее, рассматриваться как ценное. Так ли это на самом деле, зависит от того, как та или иная личность относится к своему собственному существованию» [4, с. 267; 193]. Без сознания как такового, например, в начале жизни или в необратимой коме люди не способны к этому и, следовательно, не обладают никакими притязаниями на защиту своей жизни. И лишь польза, которую они могут иметь и в этом состоянии для общества, т. е. чисто функциональное понимание, основывающееся на интересах других, предлагает определенную защиту от произвольного намерения – убийства их со стороны отдельных представителей рода человеческого [2, с. 245]. Таким образом, ценности основываются только на актах согласия, на индивидуальном «самоприписывании» и общественном консенсусе. Вместе с ними изменяются и законные принципы отношения к человеческой жизни, действующие на практике.

К вопросу о различии функционально-физического и одухотворенного тела и его неразрывных связях

Решающим для чисто ментального понимания личности и выводимых из этого этических связей является в соответствии с этим определение тела исключительно эмпирически естественно-научным методом. Как раз против этого положения существует серьезное возражение, которое было разработано столь различными авторами как Э. Штайн, Э. Кассирер, Х. Плеснер, М. Мерло-Понти и Г. Йонас. Оно основывается на проведении различия между физическим телом и телом-плотью, одухотворенным телом. Обзор по критике ментального понятия личности представляет Р. Кипке [1].

Собственно тело – это гораздо большее, чем биологическая основа сознания и послушный инструмент воли. В отличие от всех других материальных объектов, от него никогда нельзя дистанцироваться полностью: оно всегда ощущается и внутренне. И хотя собственно тело подчиняется законам физики, при касании тела решающим для настроения по отношению к другому становится не физически расчетная передача энергии, а качество ощущения и связанное с ним значение для дальнейшего жизненного действия. Ощущение тела – не локализуемо, оно пронизывает всю плоть целиком. Среди всех тел, которые мы знаем, только собственное тело проявляется в соответствии с этим одновременно и как часть физического мира, и как среда качественной формы ощущения

себя самого и мира. Быть личностью, как метко говорит Х. Плеснер, означает существовать «как тело в теле» [8, с. 70]. Если это рассматривать как собственность человеческого духа, чтобы иметь интересы и определять значения, то тогда это не будет устойчивым аспектом – не замечать ощущения тела в его специфическом качестве и рассматривать его как продукт работы мозга. Недостаточно анализировать тело только как объект извне с естественно-научной точки зрения в перспективе третьего лица: в качестве одухотворенного тела оно должно рассматриваться в перспективе первого лица.

То, что человеку вообще доступны обе перспективы, основывается на структуре его сознания, говоря языком того же Х. Плеснера, – его эксцентричности. Хотя люди переживают, как и животные, свои физические потребности, ощущения и чувства непосредственно, однако в отличие от последних они могут одновременно в виде их отражения от них дистанцироваться. Только благодаря этому возникает возможность рассматривать переживаемое тело и как тело извне и анализировать его в объективирующем аспекте. Поэтому только существо, обладающее самосознанием, может снова опознать себя в зеркальном отражении, дистанцируясь и в измененной перспективе усмотрения. То, что человек может, естественно, рассматривать не только какое-либо тело, но и *свое* извне, предпосылает изначальное, дорефлексивное познание собственных движений. Только когда они ощущаются внутренне, их можно соотносить с картинкой зеркального отражения [9].

И все же качественное ощущение собственного тела не ограничивается только внутренним переживанием. В существенной части оно относится к живому выражению своей состоятельности жестами, мимикой, взглядами и звуками. В то время как действие физических сил по определению [per definitionem] бесцельно, тело движет себя целенаправленно [10, с. 292]. Уже простые движения содержат направленность к чему-либо или отход от чего-либо. Все движения тела, содержащие какое-либо направленное экспрессивное поведение, можно понимать, соответственно, только через «изначальную целенаправленность <...> Мы выполняем свои движения не в “пустом”, безотносительном к ним пространстве, а в пространстве, находящемся в совершенно определенных отношениях к ним <...> Двигать своим телом всегда означает стремиться посредством него к каким-либо вещам, заставлять его соответствовать какому-либо требованию» [11, с. 166–168]. Поэтому интенциональность здесь означает не только осознанный акт знания, желания и суждения, но в более общем виде – любую форму целенаправленного поведения. Через тело осуществляется движение по направлению

к миру, который со своей стороны становится опорой движения. Абстрактному познанию мира предшествует переживание мира посредством тела. Тем самым все, что происходит, обретает специфическое значение, определяющее отношение к Другому.

Однако не только настроения, намерения и идеи, существующие на данный момент, выражаются посредством тела; в него вписывается вся история жизни. Несомненно, что на душевное расположение влияют химические субстанции; но точно так же значение какого-либо события оставляет свои следы на состоянии тела [12]. Поэтому в любом духовном акте, в любом намерении и любом представлении участвует и тело. Очевидно, что совмещаются физические и душевно-духовные процессы, физиологические функции и пережитые смыслы. Поэтому неповторим не только дух, но неповторимо и тело, тело конкретной личности. «В единстве тела и души обосновано, что создание души и создание тела происходят воедино. ...Тело личности: это тело, ...которое может быть сформировано через свободный образ действия самого 'Я'» [13, с. 110–112]. В то время как генетический код скрывает в себе лишь биологическую идентичность, тело свидетельствует о биографической неповторимости конкретной личности для *Других* даже тогда, когда она сама не осознает их [14, с. 238].

Наряду со способностью выражать внутреннее состояние непосредственно через целенаправленные движения, через звуки и мимику, которая встречается и у всех животных более высокой степени развития, люди используют несущие в себе значение смысловые знаки, символы. Типы настроения и чувства могут выражаться и посредством исторически развившейся и, соответственно, изменяющейся кодировки. Определенные движения или звуки становятся знаком для чего-либо другого. Они несут определенное значение. Эти символы случайны по отношению к внутреннему переживанию как к биологически унаследованным схемам поведения [11, с. 224].

Например, формы приветствия варьируются в пределах всего мира, и только тому, кто связан с определенной культурой, раскрывается смысл какого-либо жеста. Только в этом случае он может вести себя соответствующим образом. Только в том случае, когда само физическое тело обретает структуру интенциональности, понятие действия, а с ним и понятие акта говорения становятся осмысленными. Только через телесно-физическое выражение какой-либо мысли или идеи они могут выводиться в своем значении из внутреннего пространства собственного духа во внешний мир и действовать в нем. Только приблизительно так «музыкальное значение жеста» может «отразиться в определенном месте <...> (так) что органист, полностью отдавшись музыке,

нажимает как раз тот регистр и педаль, которые могут его реализовать» [11, с. 176].

Символы как «живое тело мышления» [11, с. 216] являются в той же мере основой языка, письма, искусства, религиозных обрядов и науки. С их помощью создаются формы, которые существуют определенное время и смысл которых можно раскрывать через столетия. Когда знание, вне зависимости от своего носителя, может передаваться от поколения к поколению, возникает собственная сфера культуры, жизнь. Она, в свою очередь, постоянно образует новые вопросы и потребности и тем самым изменяет по принципу обратного действия смысл пережитого и формы своего символического выражения.

Когда движение тела становится жестом, несущим значение, а звук – словом, несущим смысл, тело становится посредником не только между внутренним и внешним, но и между природой и культурой. Оно образует шарнир, на котором требования окружающего мира и собственных физических основ трансформируются в осмысленные действия. В обратном смысле и физические потребности проявляются во всей полноте уже не непосредственно, а будучи интерпретированными в контексте данной культуры и облаченными в формы, сообщенные интерсубъективно. Уже простая биологическая необходимость принимать пищу обретает признаки культуры. Только таким образом уже витальные потребности могут становиться предметом этической рефлексии. Исходя из этого, посредством символического выражения тела люди, будучи природными существами, всегда являются и частью культуры.

Категория выражения, которая используется, чтобы понять язык тела, очевидно, не является естественно-научной. Естественные науки абстрагируются от этого к перспективе рассмотрения первого лица, к субъективности сознания и тем самым обращаются к качествам, целям, смыслам и ценностям. Только так можно достичь идеала объективности, не зависящей от наблюдателя. При помощи систематических, технически передаваемых и принципиально произвольно репродуцируемых экспериментов определяются качества вещей вне зависимости от состояния на настоящий момент и биографии отдельных людей. Эксперименты вызывают не только расширение области восприятия, но и, прежде всего, ее трансформацию: качества переводятся в количественные ступени. Измерению поддается не сам желтый цвет, а лишь длина его волн. Путем редукции мира чувств до измеримых и доводимых до математического выражения свойств тело человека становится бесцельной взаимосвязью функций, не обладающей значениями. Физическое тело методически ограничивается и объясняется при помощи понятийного аппарата физики.

Поэтому до сего времени, несмотря на все усилия, в том числе и в области современных исследований мозга, не удалось чувственные восприятия, переживаемые духом, причинно вывести из нейрофизиологических процессов. Не выяснено также, как нейрофизиологические процессы могут порождать символы, позволяющие людям понимать друг друга, вести разговор с другими и заниматься творчеством в области культуры. Квалифицированные внутренние состояния нельзя ни отрицать, ни причинно вывести их из процессов, происходящих на уровне нейронов. Поэтому и ученые, занимающиеся областью процессов познания, осторожно высказываются о своего рода параллелизме и корреляции телесно-физических и ментальных процессов. «Очевидно, что мозг и дух находятся в тесной взаимосвязи. То есть, на основании всех имеющихся знаний благоразумно исходить из *строгой параллельности* между ментальным и нейронным, находящейся в рамках экспериментальной возможности перепроверки. Параллельность еще ничего не говорит о своих *причинах*» [15, с. 255]. Если же не обращаться к метафизически обоснованному параллелизму, как его разработали Спиноза и Лейбниц, то говорение и процесс действия должны оставаться необъяснимыми. В рамках естественно-научного метода взаимодействие целей и значений с функционально физическими процессами тела не определено. Недостаточно также характеризовать дух и тело как систему, составляющую одно целое, если, как однозначно подчеркивает Х. Матурана, рассматривать системную теорию как обязанную своим существованием объективирующему методу естественных наук. В том числе и здесь внутренняя переработка раздражителей объясняется только через каузально индуцированный процесс обратной связи, но не через намерения и смыслы, поэтому понятие понимания в этом контексте бессмысленно: нет «никакой передачи мыслей от говорящего к собеседнику» [16, с. 59]. С антропологической точки зрения, солипсизм неизбежен.

Сама схема тела, которую анализирует нейрофизиология, содержит, во всяком случае, условные пропорции тела в мозге, которые обеспечивают вступление во взаимосвязь с внешним миром в степени, определенной в отношении пространственного соотношения. «Я понимаю, напротив, под *схемой тела* центральную репрезентацию тела, обеспечивающую нам произвольную, имплицитную ориентацию относительно позы, положения и движения нашего физического тела и наших членов. Эта невидимая сеть пространственной ориентации не ограничена только телом, но и всегда включает в себя его отношение к окружению и его обхождение с вещами <...> Наконец, понятие *образа тела*

(*Körperbild / body image*) соответствует привычному визуально-пространственному представлению о собственном теле, его внешнем виде и его свойствах, т.е. теле при его рассматривании извне», – пишет G. Böhme [10, с. 57].

Чтобы понять, что интенции как намерения присутствуют не только в духе, но и в теле, должны быть, как и следует далее, исключены две попытки объяснения. Во-первых, нельзя каузальным образом вывести из биологических функций и объяснить естественно-научно язык тела, значение мимики и жестов; и, во-вторых, смысловые значения не существуют только как субъективно пережитые ступени качества в сфере собственного сознания. Поэтому нельзя определить взаимосвязь тела и духа посредством теории каузальности, которая лежит в основе естественных наук. Вопрос, *где* точно дух воздействует на тело, или *как* нейронные процессы мозга порождают значение и смысл, поставлен неверно [13, с. 112]. Несмотря на все несомненные достижения естественных наук, они могут вывести лишь ограниченные перспективы, так как в отношении определенных наблюдений на основании своего метода они не могут разработать подобающую систему понятий. Вывод из этого, что они несущественны, сузил бы понятие опыта до такой степени, что стали бы непонятны существенные черты человеческого отношения к самому себе и к миру. «Ограничение субъективных ступеней качества характерно для общего движения науки. Наука ограничивает их объективность, однако она не может устранить их реальность. Ибо всякий признак нашего опыта и нашего переживания обладает притязанием на реальность» [17, с. 124], [18, 19].

Однако неверным было бы не только ограничение тела до объясняемого с естественно-научной точки зрения тела как такового; столь же односторонним было бы понимание способа выражения только через качество и значение переживаемого. Естественно-научную перспективу невозможно переместить в жизненном мире простой коренной сменой взаимосвязи обоснований. И не только потому, что обе формы знания основываются на различных познавательных-теоретических принципах, а науки расширяют горизонт познаваемого далеко за пределы, доступные для жизненного мира. Сам жизненный мир предполагает, со своей стороны, действительность взаимосвязей законов природы. Только тело, способное к физиологическому функционированию, становится выражением намеренности. Исходя из этого, на конкретном примере тела видно, что есть феномены, в отношении которых нужно устранить разделение естественно-научной перспективы и перспективы жизненного мира. При этом речь идет не о чисто теоретической проблеме, а о ничуть не меньшем, как понима-

нии условий для возможности самой реализации жизни. «Действительное совпадение внутренней и внешней сущности в теле принуждает два принципа знания определять их соотношение, исходя из другой точки зрения, а не с точки зрения отдельно находящихся предметов. И здесь, действительно, необходима другая точка зрения, отличная от дополнительного описания одного и того же предмета с “разных сторон”, и которая не вызывала бы вопрос, как в самом бытии могут быть конкретно взаимосвязаны эти абстрактные аспекты. Как раз живое тело, организм, представляет такое самотрансцендирование по обеим сторонам <...> Тело должно описываться в качестве как растянутого и инертного, так и чувствующего и желающего – но ни одно из этих двух описаний не может быть доведено до конца, не нарушая границ другого и не предвосхищая и уничтожая его» [20, с. 37–39].

Чтобы, по меньшей мере, в приближении понять связь тела и души, можно привлечь аналогию из области языка: у слова акустически воспринимаемый звук становится носителем какого-либо значения; у письменного знака воспринимаемая в семантическом отношении линия представляет определенный смысл. Тело столь же сложно отделить от его душевного выражения, сколь сложно выяснить смысл звука. Ни тело не является лишь бессмысленным физическим механизмом, ни смысл не является лишь чисто духовным феноменом. В своем чувственном проявлении тело становится носителем смысла. Исходя из этого, в символическом выражении чувственное и духовное неразделимо связаны друг с другом. Тело и душа, как метко говорит Э. Кассирер, образуют «символическое отношение»: «При соотношении души и тела изначально нет ни внутреннего, ни внешнего, воздействующего или поддающегося воздействию; здесь царит сопряжение, которое не нужно составлять из отдельных элементов, но которое первично является целым, исполненным смысла» [21, с. 117].

Таким образом, сознание «всегда воплощено в тело»: оно обрело человеческий образ. Следуя этому, идентификация человека с телом была бы столь же неверна, как и идентификация с чистым духом. Если бы собственно идентичность, как считал Декарт, основывалась только на духе, то чувственный опыт был бы несущественным; если бы она, напротив, определялась только телом, то было бы невозможно отчуждение от него. Говорить, что человек есть дух, *обладающий* телом, было бы столь же неполно, что и утверждать, что человек *есть* его тело. Речь идет о двух моментах целого, которые входят друг в друга, не будучи идентичными. Исходя из этого, понятие личности может основываться не только на ментальных актах и генетическом коде как их

эмпирическом базисе. Как медиум выражения тело есть внешнее внутреннего, которое проявляется через него. В нем находится личность в своем осознанном и неосознанном состоянии. Поэтому личность ни в коем случае не ограничена до-рациональной формой выражения. К ее идентичности относится и своего рода способ «осознания тела» («Leibbewusstsein»).

Перевод с немецкого Л. И. Тетюева

Список литературы

1. Kipke R. Mensch und Person. Der Begriff der Person in der Bioethik und die Frage nach dem Lebensrecht aller Menschen. Berlin, 2001. 118 s.
2. Singer P. Praktische Ethik. Stuttgart, 1994. 487 s.
3. Brüntrup G. Das Leib-Seele-Problem. Stuttgart, 1996. 160 s.
4. Quante M. Personales Leben und menschlicher Tod. Personale Identität als Prinzip biomedizinischer Ethik. Frankfurt/M, 2002. 371 s.
5. Mutschler H.-D. Naturphilosophie. Stuttgart, 2002. 205 s.
6. Schaub H. Künstliche Seelen. – Die Modellierung psychischer Prozesse. Widerspruch. 1996. № 29. S. 56–82.
7. Pauen M. Illusion Freiheit? Mögliche und unmögliche Konsequenzen der Hirnforschung. Frankfurt/M, 2004. 272 s.
8. Plessner H. Mit anderen Augen. Aspekte einer philosophischen Anthropologie. Stuttgart, 1982. 214 s.
9. Wils J.-P. Person und Leib // J. Hoff – J. in der Schmitzen (Hg.). Wann ist der Mensch tot? Organverpflanzung und, Hirntod? – Kriterium. Reinbek, 1994. S. 119–141.
10. Böhme G. Leibsein als Aufgabe. Leibphilosophie in pragmatischer Hinsicht. Zug. 2003. 214 s.
11. Merleau-Ponty M. Phänomenologie der Wahrnehmung. Berlin, 1966. 535 s.
12. Bauer J. Das Gedächtnis des Körpers. Wie Beziehungen und Lebensstile unsere Gene steuern. Zürich, 2005. 265 s.
13. Stein E. Der Aufbau der menschlichen Person / Freiburg. i. Br., 1994. 172 s.
14. Allende I. Paula. Frankfurt/M, 1995. 487 s.
15. Roth G. Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen. Frankfurt/M, 1994. 383 s.
16. Maturana H. Biologie der Realität. Frankfurt/M, 1998. 390 s.
17. Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Frankfurt/M, 1990.
18. Kather R. Person. Die Begründung menschlicher Identität. Darmstadt, 2007. 240 s.
19. Kather R. Die Wiederentdeckung der Natur. Naturphilosophie im Zeichen der ökologischen Krise. Darmstadt, 2012. 283 s.
20. Jonas H. Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie. Frankfurt/M ; Leipzig, 1994. 407 s.
21. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. III. Darmstadt, 1990. 598 s.

The Relation of Body and Mind – a Fundamental Issue concerning Human Identity

R. Kather

Universität Freiburg i.Br., Deutschland
 Werthmannplatz, 3, 79085 Freiburg, Germany
 E-mail: regine.kather@philosophie.uni-freiburg.de

The actual debate on human identity is dominated by a one-sided definition of person: It focuses on rationality, language and consciousness of time, in brief on self-consciousness. The relevance of the body is constrained to its physiological functions. Yet as lived body it is also an expression of the inner life, of feelings, emotions and mental acts. As expression of the variety of intentional acts the relation of body and mind can be defined as a symbolic relation, as Ernst Cassirer, an important representative of neo-Kantianism, argues. By means of the bodily expression the inner life can be observed by fellow humans and the higher animals who can respond to its meaning by their own actions. Therefore the bodily expression of intentional acts is the necessary condition of intersubjectivity which embraces concrete actions, speech and emotions. The lived body is not the means of communication but its medium. Due to the bodily expression of intentional acts humans are not only essentially related to fellow humans, the relation to nature changes, too. As unity of body and mind persons are related essentially to fellow humans and to the whole range of nature. If human integrity has to be preserved, ethics must also deal with these relations.

Key words: self-consciousness, body and especially lived body, symbolic relation, intersubjectivity, nature, ethics.

References

1. Kipke R. *Mensch und Person. Der Begriff der Person in der Bioethik und die Frage nach dem Lebensrecht aller Menschen* (Humans and Person. The Concept of Person in Bioethics and the Right to Live of all Humans). Berlin, 2001. 118 p.
2. Singer P. *Praktische Ethik* (Practical Ethics). Stuttgart, 1994. 487 p.
3. Brüntrup G. *Das Leib-Seele-Problem* (The Problem of Body and Mind). Stuttgart, 1996, 160 p.
4. Quante M. *Personales Leben und menschlicher Tod. Personale Identität als Prinzip biomedizinischer Ethik* (The Life of the Person and the Death of Humans. Personal Identity as Principle of Bioethics). Frankfurt/M, 2002. 371 p.
5. Mutschler H.-D. *Naturphilosophie* (Philosophy of Nature). Stuttgart, 2002. 205 p.
6. Schaub H. Künstliche Seelen. Die Modellierung psychischer Prozesse (Artificial Souls. The Technical Simulation of Psychic Processes). *Widerspruch*, 1996, no. 29, pp. 56–82.
7. Pauen M. *Illusion Freiheit? Mögliche und unmögliche Konsequenzen der Hirnforschung*. (Freedom as an Illusion? Possible and Impossible Implications of Neuroscience). Frankfurt/M, 2004. 272 p.
8. Plessner H. *Mit anderen Augen. Aspekte einer philosophischen Anthropologie* (A Change of the viewpoint. Aspects of a Philosophical Anthropology). Stuttgart, 1982. 214 p.
9. Wils J.-P. Person und Leib (Person and the Lived Body). J. Hoff – J. in der Schmitten (Hg.). *Wann ist der Mensch tot? Organverpflanzung und ‚Hirntod‘- Kriterium* (The Definition of Human Death. Organ Transplant and the Criterion of the Brain Death). Reinbek, 1994. Pp. 119–141p.
10. Böhme G. *Leibsein als Aufgabe. Leibphilosophie in pragmatischer Hinsicht* (The Lived Body as challenge. Philosophy of the Lived Body in pragmatistical Respect). Zug, 2003. 402 p.
11. Merleau-Ponty M. *Phänomenologie der Wahrnehmung* (Phenomenology of Perception). Berlin, 1966. 535 p.
12. Bauer J. *Das Gedächtnis des Körpers. Wie Beziehungen und Lebensstile unsere Gene steuern* (The Memory of the Body. How Relations and Lifestyle steer our Genes). Zürich, 2005. 265 p.
13. Stein E. *Der Aufbau der menschlichen Person* (The Constitution of the Human Person) Freiburg. i. Br., 1994. 172 p.
14. Allende I. *Paula*. Frankfurt/M, 1995. 487 p.
15. Roth G. *Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen* (The Brain and its Reality. Cognitive Neurobiology and its Philosophical Implications). Frankfurt/M, 1994. 383 p.
16. Maturana H. *Biologie der Realität* (Biology of Reality). Frankfurt/M, 1998. 390 p.
17. Cassirer E. *Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur* (An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture). Frankfurt/M, 1990. 381 p.
18. Kather R. *Person. Die Begründung menschlicher Identität* (Person. The Foundation of Human Identity). Darmstadt, 2007. 240 p.
19. Kather R. *Die Wiederentdeckung der Natur. Naturphilosophie im Zeichen der ökologischen Krise* (The Rediscovery of Nature. Philosophy of Nature and the Ecological Crisis). Darmstadt, 2012. 283 p.
20. Jonas H. *Das Prinzip Leben. Ansätze zu einer philosophischen Biologie* (The Phenomenon of Life. Toward a Philosophical Biology). Frankfurt/M; Leipzig, 1994. 407 p.
21. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen* (The Philosophy of Symbolic Forms). Darmstadt, 1990. Bd. III. 598 p.

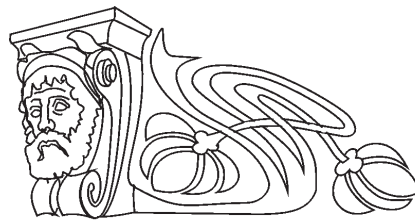

УДК 111+929 Бадью

ПОСТСОБЫТИЙНОСТЬ И СУБЪЕКТ ОТСУТСТВИЯ В ОБЪЕКТИВНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ АЛЕНА БАДЬЮ

В. Г. Косыхин

Косыхин Виталий Георгиевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологического значения концепции объективной феноменологии Алена Бадью, представленной в его работах «Логика миров» и «Второй манифест философии». Автор сравнивает феноменологию Бадью с феноменологическими проектами Гуссерля и Хайдеггера, отмечая ее бессубъектный характер. Растворение онтологического субъекта в связанных с реакцией на события многообразных стратегиях субъективности осуществляется в объективной феноменологии Бадью за счет отказа от инстанции созерцания в пользу этической и политической практики. Особое внимание уделяется проблеме отношения онтологии и математики, а также анализу понятий субъекта и постсобытийности в контексте традиционных для онтологии категорий единого и многого. Делается вывод, что в современной онтологической теории происходит переход от анализа обособленной сущности феномена к анализу совокупности единого–многого.

Ключевые слова: онтология, феноменология, Бадью, постсобытийность, субъект отсутствия, единое, многое.

Завершение постмодернистского проекта философии вследствие угасания его «жизненного порыва» поставило вопрос об иных возможностях и горизонтах движения мышления в современную эпоху. Хорошим примером поисков этих новых горизонтов является объективная феноменология Алена Бадью, представленная в его «Логиках миров» (2006) и «Втором манифесте философии» (2009).

Концепция объективной феноменологии у Бадью, являясь дальнейшим развитием его критики хайдеггеровской и постмодернистской онтологической перспектив, расширяет рамки того платоновского жеста или поворота философии, о котором Бадью говорил еще двадцать лет назад. Она также, на наш взгляд, вполне может служить в качестве пролегоменов к новому мышлению философии, наподобие того как «Алкивиад» Платона или первый трактат «Эннеад» Плотина служат введением в начало платонизма.

Отчетливо ощущаемый в наши дни в онтологии процесс расставания с хайдеггеровской мыслью может принимать самые разнообразные формы. Однако, пожалуй, наиболее концентрированная позиция отхода от предложенной Хайдеггером онтологической перспективы (связанной, в первую очередь, с требованиями преодоления

всей предыдущей «метафизической традиции» посредством категориального различения бытия и сущего и последующего углубленного онто-исторического осмысления сущности нигилизма) сегодня находит свое выражение в осознанной необходимости «платоновского жеста» или поворота философии, о котором говорит А. Бадью. Этот поворот для него означает встречу онтологии и математики, сама возможность которой тщательно игнорируется, если вообще не исключается «сущностно-исторической» хайдеггеровской интерпретацией бытия. В том же направлении двигалась и мысль Алексея Григорьевича Чернякова, который в одной из своих последних работ с весьма примечательным названием «Онтология как математика: Бадью, Гуссерль, Плотин» отмечал, что «если бы философия поняла работу в основаниях математики как часть своей собственной, исконной деятельности, она невероятно бы изменилась и, возможно, нашла бы возможность не оплакивать свою собственную смерть, а продолжить свою историю, сделать еще один, следующий шаг» [1, с. 420].

Исследованию возможностей такого шага в свое время был посвящен фундаментальный труд А. Бадью «Бытие и событие», блестяще, кстати, проанализированный А. Г. Черняковым [1, с. 421; 424–425; 430]. Второй том «Бытия и события», вышедший через восемнадцать лет после первого тома и озаглавленный автором «Логика миров», представляет собой дальнейшее развитие и конкретизацию мысли Бадью. Как он отмечает в предисловии к «Логике миров»: «“Логика миров” занимает по отношению к “Бытию и событию” положение аналогичное положению гегелевской “Феноменологии духа” по отношению к его “Науке логики”, хотя хронологический порядок здесь и обратный» [2, с. 8].

В этом процессе конкретизации мышления ключевая роль, на наш взгляд, отводится концепции «объективной феноменологии». Для понимания её места и значения в системе «Логики миров» вначале необходимо представить контекст проводимой Бадью ретроспективной феноменологической конвертации, которая вы-

полняет функцию в чем-то схожую с процедурой феноменологической редукции у Гуссерля, особенно в том, что касается устранения предрасудков историзма. Если у Гуссерля феноменологическая редукция является условием доступа к анализу феноменов и структур сознания «как они есть» и возвращает сознание «к самим вещам», то у Бадью феноменологическое возвращение означает доступ в область онтологии, где о бытии самих вещей нам говорит математика на языке онтологически переосмысленной теории множеств. Чтобы это возвращение стало возможным, феноменология должна стать объективной, т.е. она не должна удостоверяться, в первую очередь, интроспекцией субъекта, будь то созерцание феноменов у Гуссерля или бытие-присутствие у Хайдеггера. Поэтому гуссерлианская критика историзма принимает у Бадью форму критики онтологического историзма как затрудняющего доступ к подлинной онтологии, с которой имеет дело именно математика. Отсюда вытекает необходимость процесса, названного нами «ретроспективной феноменологической конвертацией». В рамках данного процесса хайдеггеровское понимание феноменологии обратно конвертируется в гуссерлевское, а последнее (в силу своей связи с математически понимаемой объективностью и универсальностью истины) объективируется и онтологизируется в платоновско-математическом ключе, разве что с последующей заменой у самого Бадью идеализма на материализм, а феноменологии – на онтологическую диалектику.

Своеобразие антигегельянской материалистической диалектики Бадью, противостоящей более широким контекстам современных материализма и идеализма, состоит, как мы полагаем, прежде всего, в том, что вместо гегелевского триадического развития мысли от тезиса через анти-тезис к спекулятивному синтезу у Бадью происходит фиксирующее противопоставление тезиса анти-тезису, сохраняющее обе стороны в соотношении друг с другом (единое – многое, онтология – философия и т.п.). Конечно, можно видеть определенную диалектику в том, что многое есть единое, при условии, что единое отсутствует, что онтология есть философия, при условии, что философия отсутствует (ее заменяет математика). Однако подобная диалектика, безусловно, антигегелевская, поскольку не допускает перехода противоположностей друг в друга. Гегель говорил о сущности, которая является, и о явлении, которое существенно. Бадью отнюдь не подразумевает, что онтология философична, а философия онтологична, в этом смысле он всегда предпочитает оставаться скорее формалистом, чем диалектиком. Эта фиксация отношений сторон у Бадью, более математическая, чем собственно диалектическая, выполняет

роль движения от абстрактного к конкретному в классической диалектике. В чем-то это напоминает (в плане «исключения третьего» – этапа синтеза) проект негативной диалектики Адорно, но разница между Бадью и Адорно обнаруживается в трех моментах. Во-первых, у Бадью нет преимущества негативного над утвердительным, обе стороны скорее равноправны, и даже за положительным можно признать определенный приоритет. Во-вторых, синтетическое единство у Бадью все же сохраняется, но в своеобразном, «подвешенном» между сторонами виде, не присутствуя ни в одной из сторон, а скорее даже равно отсутствуя, выступая как некий горизонт мышления или же как некая возможность, осуществляющаяся в форме промежуточных, никогда не окончательных проявлений или решений. Б. Смит, комментируя известное положение «Бытия и события» о том, что единое не относится к бытию, поскольку бытие множественно, а единое нет, отмечает: «Единое для Бадью должно оставаться процессом и, следовательно, само единое в контексте данной операции приписывания условно единого не может быть представлено, будучи всего лишь структурным моментом. Оно показывает то, как представляется множество, но не то, чем это множество является» [3, с. 74]. Этот вопрос о подвешенности единого в силу его принципиального значения для онтологии и феноменологии Бадью будет обсуждаться нами далее.

И в-третьих, это, конечно, отношение к историзму и субъективизму, находящееся под сильным и не всегда признаваемым Бадью влиянием феноменологии Гуссерля периода «Логических исследований». В конце концов, чем еще являются неизменные онто-математические истины Бадью как не еще одной разновидностью гуссерлевской *philosophia perennis*?

В контексте вышесказанного разберем концепцию «объективной феноменологии» более подробно. Она начинается в третьей книге «Логики миров», где Бадью говорит о введении им нового понятия объекта, утверждая, что «главная новизна предлагаемого подхода состоит в его полном отделении от субъекта» [2, с. 193]. Подобную конструкцию объекта «как он есть» Бадью называет бессубъектной и связывает ее не с субъективностью, но с единицей, что подводит нас к понятию математизации онтологического статуса объекта, или, на языке «Бытия и события», к онтологии чистой множественности. Отметим, что анализу субъекта как безотносительного к объекту формального набора страт и слоев Бадью посвятил всю вторую книгу своей работы. Однако при этом речь не касалась феноменологии, обладающей у Бадью радикально десубъективированным статусом, который, собственно, и отличает ее от гегелевской, гуссерлевской или хайдеггеровской версий феноменологии.

Сам субъект является, согласно Бадью, своеобразным аналогом единицы или единства, отсутствующего в том смысле, что он не присутствует как нечто субстанциально единое. Еще в завершении «Бытия и события» субъект у Бадью, пройдя долгий путь к собственной истине, исчезает, чтобы вновь возникнуть в маллармеанском замке чистоты и отсутствия. Поддерживая лакановскую интерпретацию субъекта, Бадью утверждал: «то, что всегда следует иметь в виду, так это то, что субъекта не существует, что теперь больше нет субъектов» [4, с. 434]. Конечно, речь здесь в первую очередь шла об исчезновении с карты современности картезианского субъекта, шаткость и неустойчивость позиций которого была обнаружена помимо структуралистов еще Хайдеггером. И влияние последнего на Бадью, несмотря на принципиальные разногласия между ними, вряд ли имеет смысл отрицать.

Хайдеггерское *Dasein* возникает там, где исчезает картезианский субъект, и вышеприведенная фраза Бадью вполне уместно звучит в контексте размышлений о *Dasein* позднего Хайдеггера. Например, в Цолликонеровских семинарах 1965 г. Хайдеггер говорит: «Таким образом, аналитика *Da-sein* не имеет ничего общего с солипсизмом или субъективизмом <...> преодолевая идею человеческого существа как субъективности сознания» [5, с. 84].

Главным парадоксом, но одновременно наиболее логически последовательно обосновывающим тезисом аналитики *Dasein* является вывод, делаемый на основе изменения понимания самого понятия «бытие»: человеческое существо, понимаемое как *Dasein* в рамках «нового» понимания бытия, принципиально десубъективизировано. Таким образом, перед нами возникает некая предыстория «несуществования субъекта» Бадью, поясняющая, насколько обоснованы периодически возникающие критические упреки последнего в «антигуманизме».

Но вернемся к тому добавочному по сравнению с «Бытием и событием» измерению субъекта или, вернее, его новому истолкованию, которое возникает у Бадью в «Логике миров» и продолжается во «Втором манифесте». Объективная феноменология предполагает полное исключение (вернее, как всегда у Бадью, подвешивание в актуальном не-присутствии) единого или субстанциального субъекта, который, однако, не исчезает полностью, но рассматривается с точки зрения формальных условий возможности своего действия, т.е. политик субъективации. Вместе с тем, на наш взгляд, все-таки можно утверждать, что, исчезая из онтологической и феноменологической областей, субъект у Бадью возникает в областях этики и политики, которыми, по сути дела, и ограничивается, говоря в терминах позднего Гуссерля, его «жизненный мир».

Кантовский трансцендентальный мотив в «Логике миров» проявляется, прежде всего, в формальном понимании субъекта. Бадью предлагает следующее его определение: «Это способ, в согласии с которым тело вступает в отношение субъективного формализма к производству присутствия» [2, с. 594], где субъективный формализм означает четыре возможные реакции (подчинение, отрицание, стирание и наследование) на современность с ее постсобытийным характером отношения к истине.

Три вида субъективного формализма – верный событию, реакционный и обскурантистский – определяют три типа субъектов и три типа политик субъективации, ориентирующих «постсобытийное тело» в современном мире. Они возникают как реакции на события, например, революции. Эти три типа расшифровываются Бадью как психологические предрасположенности, которым соответствуют политические позиции: энтузиазму – революционная (коммунизм), реакционному безразличию – консерватизм или либерализм и враждебному обскурантизму – фашизм. Естественно, что данные типы реакций могут относиться не только к политике, но и к другим областям, таким как область научных открытий или человеческого поведения. Важным же здесь является то, что они, будучи только постсобытийными, не конструктивны (в смысле гуссерлевского *Stiftung*), но реактивны и в этом смысле исключают созерцание как путь к истине субъекта.

Итак, новое понимание объекта приводит Бадью к новому пониманию феномена. Оно базируется на проводимом французским философом принципиальном различии двух видов, или планов бытия: бытия-в-мире, которое есть бытие-множественность, эмпирическая данность, подлежащая изучению в рамках философии, и трансцендентного бытия, т.е. бытия не данного налично-эмпирически, существующего в форме устойчивых математических сущностей или единств, подлежащих изучению со стороны онтологии. Исходя из этого различия, выводящего дискурс онтологии за пределы философии и сопрягающего его с математикой, Бадью устанавливает понятия феномена как результата индексирования или соотнесения любого бытия-в-мире (объекта, представляющего в многообразии различий) с трансцендентным бытием (этого объекта, являющего свою сущность в виде онтологически и математически значимого тождества). Бадью имеет в виду «эффективную связь между бытием-множеством и трансцендентальной схемой его явленности, или его существованием» [2, с. 195].

Следует отметить, что само понятие существования конституируется у Бадью как следствие наличия единства во множественности. Например, утверждая, что этот стул существует, мы

утверждаем наличие его единства как объекта во множестве его качеств и характеристик. Проще говоря, вопрос о самоидентификации объекта есть вопрос привнесения единства его сущности из сферы трансцендентной (онтолого-математической) в сферу эмпирическую. Собственно, феномен есть некое единое-многое в неразрывной взаимосвязи двух его сторон. Он представляет собой цельность, доступную и для философского, и для онтологического анализа как многое в едином и единое во многом. Можно сказать, что такой феномен абсолютно объективен как со стороны своей множественности, так и со стороны единства. Вот как это описывает сам Бадью: «В целом, индексирование является функцией, связывающей любое различие, имманентное множеству, с интенсивностью его проявления в мире. Формальная экспозиция этого проста и понятна: если x и y являются двумя элементами существования A , а T есть искомое трансцендентальное мира, индексирование есть функция тождества $Id(x, y)$, которая измеряет в T степень «явленного» тождества между x и y . Результатом такого трансцендентального анализа различий и является феномен. Отметим, что внутри такого пространства феноменальности становится возможным со всей полнотой исследовать вопрос о существовании как полностью отличающийся от вопроса о бытии» [2, с. 194]. Последнее добавление Бадью, явно противопоставляющее себя онто-герменевтическому способу вопрошания бытия, вовсе не выглядит случайным в свете дальнейшей экспозиции объективной феноменологии с выделением в ней трех степеней, или интенсивностей (максимальной, средней и минимальной) существования объекта. Здесь мы имеем дело с конструированием «трансцендентального функтора» объекта, который «приписывает к каждой трансцендентальной степени группу элементов объекта, общей характеристикой которых является то, что их существование измеряется этой степенью» [2, с. 278]. Иными словами, в рамках объективной феноменологии мы можем говорить о степени полноты выраженности существования объекта в мире – от его возникновения, через пик бытия к угасанию. Это, в свою очередь, делает возможным более детальный анализ феноменов как единых множеств.

Онтология как математика со времен Платона предполагает эйдетико-диалектическое созерцание подобных форм единств, подразумеваемая невозможность рассмотрения бытия как отдельного от бытия-знания. В этом, по сути дела, и состояла роковая ошибка хайдеггеровского онтологического проекта, подвергнутая критике, но так и не исправленная до конца деконструкцией Деррида, содержащей в себе и критику герменевтического историзма, и

пересмотр отношения к метафизике. Бадью совершает следующий шаг, двумя платоновскими жестами возвращая онтологию и философию к до-хайдеггеровской проблематике. Хотя это возвращение во многом не последовательно и формально, тем не менее оно содержит в себе возможность дальнейшего движения к идущему от Платона к Гегелю и Гуссерлю пониманию субъекта как места становления и пребывания знания. Однако эта возможность, вполне просматриваемая и из перспективы систематической философии Бадью, оказывается для нее лишь неким недостижимым, постоянно откладываемым в будущее горизонтом мышления, поскольку субъект, как и единое, располагается в сфере недоступной созерцающему познанию.

Нам представляется, что можно констатировать наличие общего направления движения мысли А. Г. Чернякова и А. Бадью, в рамках которого современная онтологическая теория переходит от анализа $\tau\acute{o}\ \tau\acute{o}\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$, обособленной сущности, к анализу $\tau\acute{o}\ \eta\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ – совокупности единого-многого. Онтологическое рассмотрение $\tau\acute{o}\ \eta\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ может принимать форму единичного-множественного, как, например, у Ж.-Л. Нанси, критически продолжающего традицию Хайдеггера и Деррида, или же возникать в математизированной материалистической диалектике Бадью, двигаясь в направлении, в чем-то параллельном «Пармениду» Платона. Переход от обособленности всех форм единичной свойственности (*Eigentlichkeit*) и событийности, на которых фокусировали свое внимание феноменологии гуссерлевского или хайдеггеровского типа (корректирующей критикой которых и выступает в «Логике миров» объективная феноменология), к формам единств, характерным для метафизической традиции, возвращает онтологическую мысль к ее платоновским истокам. Неслучайно, что Бадью говорит о метафизике как о необходимой составляющей части современной диалектики, а не как о том, что этой диалектике противостоит. На этом пути феноменология как способ усмотрения сущего становится объективной, а онтология математической, поскольку математика, если говорить об изначальном пифагорейском значении этого понятия, – не что иное, как исчисляющее познание отнюдь не чуждого и противоположащего нам бытия.

Платоновский жест или, в контексте уже «Второго манифеста», жесты Бадью не имеют в виду реституцию единого, речь, скорее, идет о его подвешивании в некоем пространстве коррелятивной дуальности. Это предполагает разделение или освобождение онтологии от философии (проект «Бытия и события»), а феноменологии от субъекта («Логика миров»). Вместе с тем Бадью говорит об освобождении субъекта в развертывании новых политик субъективности.

Феномен или объект у Бадью, выступая как единое-многое в себе, не является τὸ ἕνμενον платонизма, так как подвешивает единое, принципиально исключая из теории инстанцию созерцания и заменяя ее инстанцией праксиса. Вместо этого в случае Бадью мы можем говорить о бесконечном стремлении субъекта от множественности к единству, что собственно и выступает в качестве ориентира для возможных практических политик субъективности, организуя их многообразие вокруг несуществующего предела или отсутствующего центра субъекта, вокруг того, что онтологически отсутствует.

Список литературы

1. Черняков А. Г. Онтология как математика : Бадью, Гуссерль, Плотин // Сущность и слово. СПб., 2009. С. 415–436.
2. Badiou A. Logic of worlds : Being and event II. N.Y., 2009. 617 p.
3. Smith B. The Limits of the Subject in Badiou's Being and Event // The Praxis of Alain Badiou. Melbourne, 2006. P. 71–101.
4. Badiou A. Being and Event. N.Y., 2005. 526 p.
5. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. М., 1992. № 3. С. 82–97.

Post-Eventuality and the Subject of Absence in the Objective Phenomenology of Alain Badiou

V. G. Kosykhin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

The article considers the ontological significance of the objective phenomenology of Alain Badiou, as it is presented in his works «Logic of worlds» and «Second manifesto for philosophy». The author compares Badiou's phenomenology with the phenomenological projects of Husserl and Heidegger, noting its subjectless character. The dissolution of the ontological subject in related reaction to the events by diverse strategies implemented in the subjectivity is performed in the objective phenomenology of Badiou by eliminating of the instance of contemplation in favor of ethical and political practice. Special attention is paid to the relationship of ontology and mathematics, as well as to the analysis of the concepts of the subject and post-eventuality in the context of traditional ontological categories of the one and the multiple. The conclusion is that in the modern ontological theory of the transition from the analysis of isolated nature of the phenomenon to the analysis of a single set—much.

Key words: ontology, phenomenology, Badiou, post-eventuality, subject of absence, one, multiple.

References

1. Chernyakov A. G. Ontologiyakakmatematika: Badyu, Gusserl, Plotin (Ontology as mathematics: Badiou, Husserl, Plotinus). *Sushchnostislovo* (Essence and a word). Moscow, 2009. Pp. 415–436.
2. Badiou A. *Logic of worlds: Being and event II*, N.Y., 2009. 617 p.

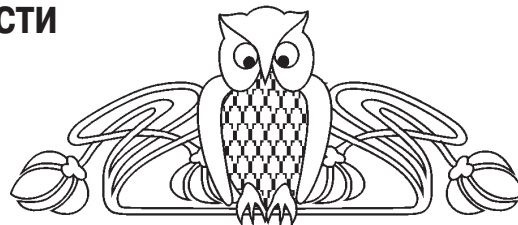
3. Smith B. The Limits of the Subject in Badiou's Being and Event. *The Praxis of Alain Badiou*. Melbourne, 2006. Pp. 71–101.
4. Badiou A. *Being and Event*. N.Y., 2005. 526 p.
5. Heidegger M. Zollikon Seminars. Protocols-Conversations-Letters. Evanston, IL, 2001, 360 p. (Khaydegger M. Tsollikoneroskiye seminary. *Logos*. Moscow, 1992, № 3, pp. 82–97.).

УДК 130.3

СОФИЯ КАК ОБРАЗ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

В. В. Кузнецова

Кузнецова Виктория Викторовна – аспирант кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: virinea19@rambler.ru

В статье разбирается образ Софии как вечной женственности в концепции В. С. Соловьева, анализируются предпосылки возникновения этого образа, а также исследуется роль женственности в контексте развития русской религиозной философии. София может существовать в двух основных формах – тварной

и нетварной, в силу чего ключевой проблемой анализа философских взглядов Соловьева становится понимание того, что обе формы Софии имеют отношение исключительно к миру, отделенному от Бога. При этом нетварная София является образом божественного единства, а тварная София воплощает

стремление множественности к соединению с Богом. В совокупности эти формы и образуют положительное всеединство. Софиология представляет собой отдельную область религиозно-философских знаний, нацеленную на выяснение способа обретения единства в множественности.

Ключевые слова: русская философия, женственность, мудрость, абсолютное бытие.

Вся история русской философско-богословской мысли насыщена необычайно сложной по содержанию темой, раскрывающей образ Софии – Премудрости Божией. Когда бытие Абсолютного не подвергается сомнению, возникает иной вопрос – об образе его бытия. Для человеческого познание Абсолютное познаваемо до того предела, до которого Его можно распознать в конечном бытии. Соответственно, вопрос о существовании Абсолютного можно задать по-другому: как соотносится условное и безусловное, конечное и бесконечное?

В философской практике выработано несколько версий трактовки Абсолютного начала по отношению к конечному бытию: теизм, пантеизм и идея посредничества как разрешенная дихотомия «мир–Абсолют». Теизм утверждает принцип совершенной трансцендентности Абсолюта миру, пантеизм говорит об их имманентности, софиология выражает идеи посредничества.

Ключевая идея многих работ отечественных мыслителей заключается в мирооправдании. В христианском богословии оправдание мира возможно лишь через сопричастность Божеству, т.е. через путь обожения, в связи с чем, с одной стороны, христианский креационизм нуждался в коррективе, но, с другой – пантеистический эманационизм был недопустим. В подобной форме пантеизма мир не автономен, невозможно говорить об индивидуальной свободе и, более того, Бог в силу своей сопричастности миру оказывается ответственным за существующее в нем зло, что самим фактом лишает его статуса Божества. Таким образом, должно существовать некое начало, выступающее посредником между Творцом и творением, связывающее их, но при этом не смешивающее. Искомым началом выступила София – Премудрость Божия.

Образ Софии идейной нитью сплетает русскую философскую мысль с мировой культурой в лице греческого и христианского мира, с восточными цивилизациями. По сути, являясь архетипом женского образа Премудрости, Устроительницы, Защитницы, Покровительницы, он присутствует в разнообразных мифологических и религиозных вариациях в мировой культуре и являет собой образ «вечной женственности», женского начала в Божестве. Концепция Софии в рамках неоплатонизма выступает связующим элементом между понятием Единого и разнородной множественностью мира феноменального.

Изначальное смысловое наполнение понятия Софии как мудрости преобразуется в понятие «мировой души», выражая конкретное содержание идеи Всеединства. В этом отношении интересно осмысление данной идеи в русской философской традиции, ярким представителем которой выступает В. Соловьев. Дело, начатое философом, продолжали С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Шестов, Н. Бердяев.

В основе софиологии присутствует попытка согласовать две тенденции, лежащие в основе христианского гносиса: тезис о трансцендентности Бога и участии Абсолюта в жизни мира как Творца. Согласно первой посылке атрибуты Абсолюта самодостаточны и безотносительны к тварному бытию: о Нем невозможны адекватные положительные высказывания. Однако данная трактовка не соответствует понятию Бога, принятому в христианской культуре.

Вопрос о Софии в русской философии, по мнению многих исследователей, неоднозначен и не прояснен в полной мере. В частности, такая неоднозначность присутствует в философской системе В. Соловьева. Несмотря на многочисленные обращения мыслителя к софиологической проблематике, его софиология так и не выделилась в стройную, законченную систему, впитав в себя попытки то сведения в один образ противоречивых характеристик женского Божественного начала, то их дихотомии, включавшей мировую душу и Божественную Премудрость. В дальнейшем было осуществлено множество попыток разрешить противоречия идеи софийности в работах философов и богословов, среди которых А. Ф. Лосев, В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков, К. Мочульский, Е. Н. Трубецкой и др., однако однозначных ответов дано не было ни в одной из систем философствования.

Обозначим некоторые противоречия, связанные с Софией как ключевой категорией в софиологическом учении, понимаемой как Премудрость Божия. Данное понятие несет в себе большое количество смысловых значений: оно и личный и безличный Бог, и не Бог, и сущность Троицы, и тварь в ее чистоте и непорочности, и ее Ангел Хранитель и не тварь. София помимо этого еще и «идея Бога», «Царство», «Сила и Слава Бога», «истинный нелжеименный гносис», «истинность истин». Помимо указанных смыслов, согласно Новозаветной традиции, Бог сотворил мир посредством второй Божественной Ипостаси, Сына Божия (Премудрости Божией), а в Божественной сущности невозможно посредство твари.

Следует иметь в виду, что в святоотеческой традиции Премудрость Божия означает отличное от тех значений, которые приняты в русской софиологии: София в патристике понимается как сам Бог, т.е. Его Ипостасная Премудрость. Одна-

ко софиологи, апеллируя к библейским неканоническим текстам и иконографии Софии, говорят о том, что она обладает и божественной, и тварной природой, и не есть Сам Бог (книги «Премудрости Иисуса, Сына Сираха», «Премудрости Соломона»). В этом моменте есть противоречие с догматическими положениями веры, поскольку в софиологической модели действие Божие, акт творения не относимо только к Божеству. Таким образом, под сомнение ставится догмат о непосредственности акта творения Божьего, поскольку София выступает посредствующим началом между бытием и Богом.

Идея Софии в контексте понимания ее русскими софиологами противоречит ортодоксальной идее творения, поскольку отождествление Софии Божественной и Софии тварной неизбежно ведет к признанию единственности Творца и твари. Несмотря на это, христианские мыслители и богословы обращаются к идее Софии, создавая оригинальные софиологические системы, сознавая, как невероятно трудно вписать их в русло церковного Предания.

Особый статус идеи софиологии приобретают в русской религиозной философии Всеединства; и В. Соловьев впервые концепцию Софии включает в свою систему в ее философско-мистической цельности, где она обретает несколько иное смысловое наполнение, по сравнению с античной неоплатонической традицией и христианской средневековой мистикой, в новом онтологическом контексте. София в философии В. Соловьева представляет собой мистический философско-теоретический концепт в рамках системы «положительного Всеединства». В этом отношении значим момент ее осуществления в материи, аспект конкретной воплощенности, в отличие от Плотина и неоплатоников, для которых София носит предельно абстрактный и умопостижимый характер. София, отражая идею «положительного Всеединства», включает в себя проблему соотношения Единого и многого в составе едино-троичного абсолютно-сущего. Здесь выражены ключевые концептуальные мотивы Всеединства, среди которых: иерархия и взаимообусловленность сущностей, соотношение божественного и человеческого, универсальность и индивидуальность.

В «Чтениях о Богочеловечестве» В. Соловьев дает толкование тринитарному догмату, отличая Бога как абсолютно-сущего от Его содержания, представленного в лице Бога-Сына (Логос). Воплощение идеи, согласно трактовке философа, реализуется в мировой душе (Софии) – в третьей Божественной ипостаси. София представлена философом как «тело Божие», «материя божества», которое, с одной стороны, обладая общеисторической направленностью, выступает носителем пробраза Богочелове-

чества, а с другой – способна к воплощению в реальную личность, тем самым становясь объектом не только рационально-логического мышления, но и субъективного переживания. Соответственно, в Боге действует двоякое единство: деятельное – посредством мировой души и произведенное – Его органическое тело. Во Христе это единство представлено как действующая в нем сила Бога-Отца и как «произведенное единство, которому мы дали мистическое имя Софии, есть начало человечества, есть идеальный или нормальный человек» [1, с. 113].

Согласно В. Соловьеву, София существует в двух первичных воплощениях: нетварная и тварная. В первом она представляет материально-телесное выражение Абсолюта и неотделима от него. В форме Божественной Премудрости она равна Богу и является «первичным» Христом. Как тварная она творится и существует в инобытии как сотворенный космос и человечество, где Христос воплощен как Богочеловек. На основе этого построен мотив третьего воплощения Софии как Богочеловеческой, отличной и от предвечно-несотворенной, и от вещественно-идеальной.

Софиология являет собой метафизику Всеединства, что полагается философом как цель мирового процесса, реализуемая стремлением и активностью Богочеловечества. И в данном процессе София объединяет человечество на пути достижения этой высокой цели. София есть Мировая Душа, которая «содержит в единстве все элементы мира» [1, с. 131], является «потенцией <...> абсолютного единства» [1, с. 138]. Согласно П. Флоренскому, «София есть Великий Корень Целокупной твари» [2, с. 326]. Понимаемая как Церковь, София олицетворяет мечту о единении всей твари в Боге [2, с. 390].

Мысль о Богочеловечестве являет собой попытку осмыслить вторую Божественную ипостась. Если рационально истолковать христианский догмат воплощения, то можно сделать вывод об изначальном присутствии идеального человечества в самом Божестве. Таким образом, софиологические идеи мыслителя, связанные с концепцией Богочеловечества, – это не эмпирическая данность конкретного человека, а «всечеловеческий организм», человечество в божественном замысле как вечная идея, идеальный образ – София, заключенная в Божестве. Диалектичность софийной «вечной женственности» обладает как чертами сохранения: покоем, равновесием, восприимчивостью (женскими качествами), так и началом креативным: творчеством, разумностью, активностью (мужскими качествами), поэтому следует сделать вывод об андрогинном характере Софии.

То, что дает возможность усмотреть феминные черты в Софии, относимо к пониманию ее

как посредницы между миром и Богом. В данном ракурсе она выступает началом соединяюще-разъединяющим. В «Чтениях...» философ выдвигает тезис о том, что София есть существо двойственное [1, с. 131]. София является посредником между множественностью всего живого в тварном бытии и безусловным единством Божества, понимаемого как высшее идеальное духовное начало, выступающее нормой существования этой жизни. Н. Бердяев, анализируя позицию В. Соловьева, говорит о том, что «учение о Софии утверждает начало божественной премудрости в тварном мире, в космосе и человечестве, оно не допускает абсолютного разрыва между Творцом и творением» [3, с. 197].

Становится очевидно, что, исходя из данного истолкования, София заключает в себе разнообразные функции Богоматери и Премудрости, благодаря чему она выступает покровительницей, заступницей, «ангелом-хранителем мира, накрывшим своими крылами все создания» [4, с. 341]. Таким образом, лик Софии в трудах русских софиологов показан как «Божественный покров над миром» [5, с. 358], «ангел-хранитель твари» [6, с. 228].

Феминность Софии прослеживается в ней как «предвечный замысел Божий о творении» [7, с. 193], что перекликается с трактовкой цели исторического процесса В. Соловьева, необходимо включающей этап соединения божественного начала с душой мира (Софией), причем Божество определяется как «действующий, определяющий, образующий или оплодотворяющий элемент», а душа мира – «силой пассивною, которая воспринимает идеальное начало и воспринятому сообщает материю для его развития» [1, с. 136]. Соответственно, Мировая Душа есть «неопределенная пассивная возможность (потенция) всеединства» [1, с. 137]. В этом значении понимаемая как вечный образ творения, как Мировая Душа София заключает в себе характеристики потенциальности, пассивности и женственности, благодаря которым она способна исполнить волю Божию.

Между различными уровнями Софии – от тварного до тварного всечеловеческого – должна быть, по мысли В. Соловьева, установлена взаимосвязь, которая отличается от традиционной иерархии нисхождения от Единого до многого, поскольку София тварная в образе единого человечества может реализоваться на нетварном «уровне», принимая форму Богочеловечества, тем самым воплощая смысл предвечного Божественного замысла.

София, таким образом, несмотря на свою двойственность, полагается В. Соловьевым в основу теокосмического процесса. С одной стороны, она предстает как вечно женственное на-

чало Божества, являющее собой тело Христово, Мировую Душу и идею Богочеловечества. Она есть «истинная причина творения и его цель <...> принцип (“начало”), в котором Бог создавал небо и землю» [4, с. 347]. В своей нетварной форме она есть действующая Божественная сила – Святой Дух. С другой стороны, София представляет собой объединяющее начало мира тварного, выступая живой душой всех единичных существ: «Представляя собою реализацию Божественного начала, будучи его образом и подобием, первообразное человечество, или душа мира, есть вместе и единое, и все; она занимает посредствующее место между множественностью живых существ <...> и безусловным единством Божества <...> Как живое средоточие или душа всех тварей и вместе с тем реальная форма Божества – сущий субъект тварного бытия и сущий объект божественного действия <...> все единое человечество, или душа мира, есть существо двойственное; заключая в себе и божественное начало и тварное бытие, она не определяется исключительно ни тем ни другим и, следовательно, пребывает свободною» [1, с. 131]. Как свободное существо София способна определять вектор своего стремления: сохранение единства с Абсолютом или отпадение, утверждение себя вне Бога. София, единая с Логосом, объединяет все сущее.

Идея Софии в рамках философии всеединства В. Соловьева концептуально очерчивает основные идеи данного вектора философствования. Именно у В. Соловьева София приобретает черты, которые не были характерны для более ранних вариантов софиологии, таких как неоплатонизм и гностицизм, становясь самостоятельным предметом не только теологии, но и антропологии, историософии, этики, эстетики, и даже – социальной философии.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве : соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. 412 с.
2. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины : соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. 384 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре : Философы русского после октябрьского зарубежья. М., 1990. С. 190–234.
4. Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь / пер. с фр. Г. А. Рачинского. М., 1991. 362 с.
5. Булгаков С. Н. Из «Дневника» // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 343–370.
6. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994. 276 с.
7. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. 202 с.

Sofia as an Image of Eternal Feminine in the Philosophy of V. S. Solovyov

V. V. Kuznetsova

Saratov State University
Uliitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: virineia19@rambler.ru

The paper understands the image of Sophia as the eternal feminine in the concept of V. S. Solovyov, analyzes the preconditions for emergence of the image, and also examines the role of femininity in the context of development of Russian religious philosophy. Sophia can exist in two main forms, the created and the uncreated that makes the key issue in analysis of Solovyov's philosophical views the understanding that both forms of Sofia are relevant only to the world, separated from God. In this way the uncreated Sophia is the image of divine unity, and the created Sophia embodies the desire of multiplicity to union with God. Together, these forms make a positive unity. Sophiology is a separate area of religious and philosophical knowledge, aimed at clarifying the process of finding unity in multiplicity.

Key words: Russian philosophy, femininity, wisdom, absolute being.

References

1. Solovyov V. S. *Chteniya o Bogochelovechestve* (Reading of God-manhood). *Sochineniya: V 2 t.* (Works: In 2 vol). Moscow, 1989. Vol. 2. 412 p.
2. Florensky P. *The Pillar and Ground of the Truth*. Princeton, 2004. 620 p. (Russ. ed.: Florenskiy P. *Stolp i utverzhdeniye istiny. Sochineniya: V 2 t.* {Works: In 2 vol}. Moscow, 1990. Vol. 1. 384 p.)
3. Berdyaev N. A. *The Russian Idea*. N.Y., 1979, 255 p. (Russ. ed.: Berdyaev N. *Russkaya ideya. O Rossii i russkoy filosofskoy kulture* {About Russia and Russian philosophical culture}. Moscow, 1990. Pp. 190–234.)
4. Solovyov V. S. *Russia and the Universal Church*. L., 1948, 214 p. (Russ. ed.: Solovyev V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov*. Moscow, 1991. 362 p.)
5. Bulgakov S. N. *Iz «Dnevnik» (From «Diary»)*. Bulgakov S.N. *Tikhiye dumy* (Quiet thoughts). Moscow, 1996. Pp. 343–370.
6. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy* (Light which does not fade). Moscow, 1994. 276 p.
7. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* (The meaning of life). Moscow, 1994. 202 p.

УДК 111+929 Плотин

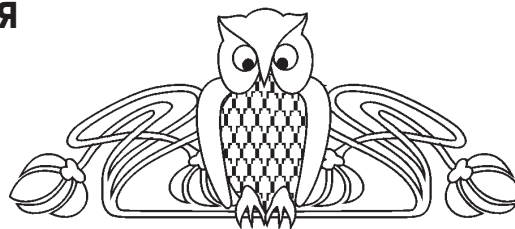
ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЗЕРЦАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА

М. В. Лахонин

Лахонин Михаил Владимирович – аспирант кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: sindino@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологического статуса понятия созерцания в философии Плотина. Автор выявляет сущность и методологические основания общего подхода Плотина к анализу созерцания, его связь с телеологическим видением Блага в платонизме. Исследуется структура созерцания в контексте соотношения различных уровней природного бытия. Особое внимание уделяется проблеме соотношения созерцания с такими ключевыми для Плотина понятиями, как душа, ум и единое. По сути дела, в неоплатонизме Плотина созерцание выступает как способ развертывания или эманации различных уровней сущего. Созерцание единого становится созерцанием ума, а затем переходит в созерцание души, через которое в платонизме происходит природное творение всего, что наличествует в мире. Связь различных уровней созерцания между собой обеспечивает единство онтологического и гносеологического подходов в философии Плотина.

Ключевые слова: онтология, созерцание, эйдос, Плотин, душа, природа, Благо.

Вопрос о природе созерцания занимает центральное место в онтологии Плотина, поскольку именно созерцание открывает в платонизме структуру и истинную сущность реальности. У Плотина в восьмом трактате третьей «Эннеады», озаглавленном «О природе, созерцании и едином», мы встречаем парадоксальное, с точки зрения современной философии, утверждение, что «все вещи произошли из созерцания и что созерцание – главная и конечная цель их бытия, причем речь здесь идет не только о тех, кто видимо наделен разумом, но и о тех, в ком он не проявлен, ибо оформляющие логосы действуют и в последних, нижайших вещах этого мира, каждая из которых в меру своих возможностей – возможностей ли истинной сущности, или возможностей подражательного образа – стремится к этой цели» [1, с. 95].

Созерцание у Платона предстает не столько как гносеологическое, но, как показывает данный фрагмент, в первую очередь, как онтологическое понятие. Оформляющие логосы или эйдосы пронизывают все природное бытие, поскольку в платонизме сама природа является одновременно идеальной и материальной, обладая жизненной потенциальностью, энергией, которая и порождает движение и изменение материи. При этом то, что порождает движение, а именно – включенный в понятие природы оформляющий смысловой логос – выступает как разумное начало, чьей энергией создаются чувственные вещи нашей вселенной. В то же время начало пребывает целостным и недвижимым. Внутри него Платон различает два принципа – изначальный и производный: ум, к природе которого принадлежит мышление и душа, находящаяся в зависимости от него. В силу этой зависимости душа рассматривается Платоном также как мыслящее начало, хотя и не в такой степени, как ум. Выше этих принципов находится верховное начало, Единое, выступающее как первое мыслимое, но не мыслящее.

Здесь возникает первая проблема: как сочетать неподвижность оформляющего логоса с природным принципом, осуществляющим творение посредством движения? Ответом на этот вопрос является целостность природы, включающей в себя и оформляющие логосы. По сути дела, природа и движется, и является неподвижной, она движется, что находит отражение в движении материи, и она неподвижна, поскольку неподвижны оформляющие ее логосы. Если же рассматривать природу с точки зрения сущности, то ею является в целом эйдос, оформляющий подчиненную его действию материю. В процессе этого оформления и «возникают всевозможные качества, привносимые в материю извне: материя становится огнем не потому, что приближается к огню, но потому, что оформляется эйдосом огня» [1, с. 96].

Согласно Платону, логосы являются творящими принципами не только для человеческого, но и для растительного и животного миров. Природа при этом выступает в качестве первичного логоса, который воспроизводит в материи вторичные, частные логосы, порождающие все видимые вещи.

Итак, природа, интегрируя в себе разумный принцип, участвует в творении. Но как эта разумность связана с созерцанием? Платон отвечает на этот вопрос так: «Прежде всего, разумный принцип в процессе созидания пребывает целостным и неподвижным, и, таким образом, по своей сущности сам и есть созерцательный акт. Деятельность же лишь совершается согласно своей идее, но сама по себе этой идеей не является. Значит, разумный принцип, направляя и

упорядочивая творческий процесс, не есть, в то же время, этот самый процесс. Но, если он, участвуя в творении, не есть деятельность, но только смысловая оформленность этой деятельности, то, следовательно, он – созерцание» [1, с. 97].

Что интересно, Платон по аналогии с первичными и вторичными оформляющими логосами природы вводит первичное и вторичное созерцание, когда высший логос созерцает себя в низших, выступая в последнем случае уже как объект созерцания. Созерцание является неотъемлемым или субстанциональным признаком логоса, который, будучи включенным в понятие природы, распространяет на нее действие созерцания. Более того, природа или природный принцип, в целом является следствием созерцания.

В этом случае вполне закономерно возникает вопрос о характере природного созерцания. Имеем ли мы здесь дело с самосозерцанием или же существует иное, высшее по отношению к природе, самостоятельное созерцающее начало? Платон склоняется к первому варианту, поскольку понимаемая так разумная природа изначально содержит в себе все необходимое для творения, включая и жизнь, и энергию, и смысл. Созерцание не является следствием разумной деятельности вне природного принципа. Созерцание и самосозерцание выступают формами природного бытия. Как отмечает Платон: «Будучи же логосом, она одновременно является и объектом созерцания, и созерцающим субъектом. Другими словами, благодаря тому, что она одновременно созерцание, созерцаемое и логос, она и творит. Таким образом, творческий акт природы – это ее созерцание, которое порождает все сотворенное именно потому, что оно – созерцание» [1, с. 98].

Таким образом, природа в пределах своей субстанции у Платона обладает душой и жизнью, которые, в свою очередь, являются продуктом ее самосозерцания. Ей также присуще и то, что в позднейшей европейской философии называется самосознанием, которое распространяется и на принадлежащие ей вещи в той мере, в какой они способны к восприятию. Конечно же, когда в платонизме говорится о самосознании или восприятии применительно к природе в целом, то подразумеваются более широкие понятия, чем человеческие или присущие высшим животным сознание и восприятие, понимаемые как вторичные.

Созерцание, присущее природе, обладает способностью природного интуитивного сосредоточения и производит объекты собственного созерцания – в парадигмальном платоновском смысле – отношения идей и вещей.

В созерцании не обладающая своей формой душа (и мировая, и индивидуальная) со-

единяется и составляет одно с объектом своей устремленности. Таковым ее телеологическим объектом, является, по Плотину, Благо – высшая «идея идей» платонизма. С одной стороны, душа становится Благом, но с другой – Благо уже является ее первоосновой. Как отмечает французский исследователь творчества Плотина П. Адо, «душа, отбросив всякую форму и даже собственную форму, становится этой не имеющей формы реальностью, этим чистым присутствием, составляющим центр души, как и центр всего сущего <...> как если бы Благо в своем чистом присутствии было невыразимым наслаждением, и душа, становясь Благом, проникалась также, вся целиком, восхищением, с каким Благо созерцает себя» [2, с. 63–64]. В присутствии Блага душа отворачивается от созерцания окружающих вещей и стремится уподобиться Благому, и в ходе этого уподобления душа обнаруживает прекращение привычной двойственности восприятия, составляя с Благом нечто одно, переживая экстатическую целостность этого состояния.

Итак, мы показали, как Плотин понимает возникновение из созерцания природных вещей чувственного мира. Теперь взглянем на то, каким образом участвует в этом процессе душа. Ее интуитивное созерцание направленно на знание, которое содержится в более высокой инстанции – уме. Душе свойственно испытывать собственную неполноту, всматриваясь в разумную сущность ума, результатом чего становится проекция умственно оформленного космоса на чистую потенциальность материи, что и порождает, в конечном счете, привычный нам образ чувственно воспринимаемого мира. Следует при этом иметь в виду, что, согласно Плотину, все вещи, воспринимаемые душой с помощью чувств, являются лишь более слабым и тусклым отражением первоисточника.

Высшая, онтологически первичная часть души (и мировой, и индивидуальной) пребывает среди высших сущностей умственного мира и в силу причастности к эйдетической реальности общается к ней и свою вторичную часть. В платонизме это интерпретируется как жизнь, возникающая от жизни. Жизненные энергии мировой души пронизывают все мироздание в равной степени, но вторичная индивидуальная душа уже не может сохранять их в полной мере. Эти энергии представляют собой созерцательные действия души. Каждая из частей души сохраняет способность к созерцанию, правда, вторичное созерцание уступает по силе первичному. В платонизме то, что порождено, всегда является более ослабленным и несовершенным подобием породившего его. Это очень четко выражено не только у Плотина, но и у другого платоника, Прокла. Вот, что пишет он применительно к уму:

«В самом деле, более высокие используют большие потенции, будучи более едины по виду, чем вторичные; более же низкие, умножаясь больше, уменьшают потенции, которые они имеют. Ведь более сродное единому, количественно сжатое, по потенции превышает следующее за ним; а то, что отстоит дальше от единого, – наоборот. Поэтому более высокие умы, предустанавливающие большую потенцию (а множество – меньшее), производят большее благодаря своей потенции через меньшее количество форм <...> Отсюда получается, что порождаемое более высокими [умами] по одной форме производится вторичными [умами] разделено по большему числу идей» [3, с. 127]. Это очень напоминает анализ Плотинином действия души, производящей своим созерцанием природный принцип, который также обладает вторичной, т.е. ослабленной способностью к созерцанию и порождению частных природных вещей.

Созерцание порождает другое созерцание, которое слабее первичного. А через созерцание души происходит природное творение всего, что наличествует в мире. Поскольку онтологический статус души отмечен нехваткой подлинного бытия, которое является в платонизме исключительно разумным, она, стремясь заполнить нехватку и обрести желаемое, порождает созерцание или, говоря точнее, высвобождает свою внутреннюю потенцию к созерцанию. Вся деятельность души, и направленная вовнутрь, и направленная вовне, осуществляется ради созерцания.

Но смыслом созерцания является не просто осознание душой эйдетической сферы, но приобщение ее к высшему Благому или Единому. Душа, постепенно соединяясь в интеллектуальном созерцании с идеями и логосами, обнаруживает, что они и ранее в скрытом виде пребывали в ней. Как отмечает А. Ф. Лосев, «Душа совпадает с Умом в сфере созерцания и знания предшествующих форм. Но Душа ищет Ума и предшествующих форм, она есть лишь “мыслительное” (поегон), а не “мыслимое” (поетон). Душа занята также и собой и видит, что следует за ней. Видя это, она организует, правит и управляет им. Она действует как провидение. Душа существенно занята не только созерцанием, но творением и управлением мира природы. Ум созерцает Единое и творит Душу. Душа созерцает Ум и творит материю. При таком совпадении Души с Умом в сфере созерцания ясно, что часть души, занятая созерцанием, едва ли может рассматриваться как логос ума. Нужно понять логос в целом души и ее творения» [4, с. 493].

Душа вовсе не является самодостаточной и нуждается в том, что определяет ее и предшествует ей. Хотя созерцание души более полно, чем созерцание природы, она пытается созерцать созерцающий ее ум, посредством которого она

может слиться с высшим экстатическим созерцанием Единого. Собственно, с Единого созерцание начинается, и им оно должно заканчиваться. Как участвующее в созерцании первоначало Единое ослабляет силу созерцания на более низких уровнях своей эманации, какими являются ум и душа. Все начинается с чистого единства, но не сохраняет его в усилении разнообразия и дифференциации. Ум, будучи разумным началом всего, уже не сохраняет принцип нерушимого единства. Ум содержит числа и идеи, а значит, сохраняя свое единство, он все же множественен. Множественность происходит от Единого и поэтому вторична.

Единое как первично созерцающее предполагает созерцаемое, каким выступает у Плотина

ум. В свою очередь, созерцанием ума порождается жизнь души, дающая существование частным вещам. Итак, в философии Плотина мы видим, что созерцание является бытийным творящим принципом, обеспечивающим сложный процесс эманации всех форм мирового сущего.

Список литературы

1. Плотин. Эннеады. Киев, 1996. 392 с.
2. Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М., 1991. 142 с.
3. Прокл. Первоосновы теологии. М., 1991. 376 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 6. Поздний эллинизм. М., 2000. 960 с.

The Ontological Meaning of the Concept of Contemplation in the Philosophy of Plotinus

M. V. Lakhonin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: sindino@rambler.ru

The article deals with the ontological status of the concept of contemplation in the philosophy of Plotinus. The author reveals the nature and methodological foundations of Plotinus' general approach to analysis of the contemplation and its relationship with the teleological vision of the Good in Platonism. The structure of contemplation is investigated in the context of the relationship of various levels of natural existence. Special attention is paid to the relationship of contemplation with the key concepts for Plotinus like the soul, the mind, and the one. In essence, in Neo-Platonism of Plotinus contemplation serves as a way of expansion or emanation of the different levels of existence. The contemplation of the one becomes the contemplation of the mind, and then it goes into the contemplation of the soul, through which in Platonism is performed a natural creation of all that is in the world. Relationship between different levels of contemplation provides a unity of ontological and epistemological approaches in the philosophy of Plotinus.

Key words: ontology, contemplation, eidos, Plotinus, soul, nature, Good.

References

1. Plotinus. *The Enneads*. L., 1917-1930 (Russ. ed.: Plotin. *Enneady*. Kiev, 1996. 392 p.).
2. Hadot P. *Plotinus or the Simplicity of Vision*. Chicago, 1998, 145 p. (Russ. ed.: Адо П. *Плотин, или простота взгляда*). Moscow, 1991. 142 p.
3. Proclus. *The Elements of theology*. Oxford, N.Y., 1992, 348 p. (Russ. ed.: *Первоосновы теологии*. Moscow, 1991. 376 p.).
4. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki: V 8 t. T.6. Pozdny ellinizm* (The History of Ancient Aesthetics: In 8 vol. Vol. 6. Late Hellenism). Moscow, 2000. 960 p.

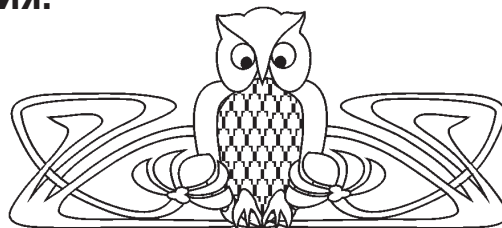

УДК 140.4

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ

М. О. Орлов

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Одной из важнейших задач современности является необходимость выработки новых концептуальных основ осуществления, интерпретации и прогнозирования взаимодействия России и Китая в контексте современного межкультурного дискурса. Выбор стратегий межкультурного взаимодействия носителей русской и китайской культуры объективно задается системой координат культуры в пределах сферы реализации стратегий управления. Исследование опыта российско-китайского взаимодействия создает научную базу, необходимую для анализа и прогнозирования процессов успешного международного диалога. Залогом успешного решения этих задач является создание образовательного, межкультурного и медийного пространств. Современные социальные условия приводят к формированию новых дискурсивных принципов государственных взаимодействий. Это связано с тем, что неоднозначные социальные, культурные, политические и экономические процессы требуют не только адекватного осмысления, но и поиска отвечающих им коммуникационных технологий. Одним из факторов, ставящих перед гуманитарной наукой новые задачи, является большое влияние мировых глобализационных процессов на локальные культуры, а также на поведенческие модели и картины мира каждого человека.

Ключевые слова: этика дискурса, социализация, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения, диалог, социальная философия, коммуникация.

На сегодняшний день в рамках активного развития интернациональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в условиях интенсивного расширения коммуникативно-образовательного базиса ее гуманитарного пространства как никогда актуален социально-философский анализ новейших коммуникативных практик в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия, поскольку современная Россия нуждается в укреплении политических, экономических и культурных позиций на Дальнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Средней Азии на базе ШОС. Перспективность расширения дальневосточной политики России определена геополитическим охватом ШОС, объединяющей государства с населением около полутора миллиардов человек – четверть мирового населения. Для решения задач политического, экономического и социально-культур-

ного взаимодействия стран ШОС необходимо единое гуманитарное пространство, которое требует качественно новой системы координат, заданной лингвокультурным и межкультурным дискурсом этой организации, выстроенной иначе, нежели её аналоги европейской модели. Сегодня – это область практического применения отечественной гуманитарной науки, ее важная стратегическая задача как разработчика концепции выверенных межкультурных технологий и механизмов коммуникаций, в том числе в рамках ШОС. В частности, исследование опыта российско-китайского взаимодействия создает научно-техническую базу, необходимую для анализа и прогнозирования динамики и векторов коммуникативных процессов, моделирования методологических принципов эффективного российско-китайского диалога. Залогом успешного решения этих задач является создание специфически структурированных образовательных пространств: лингвокультурного и межкультурного, медийного, которые бы позволили реализовывать управленческие стратегии и коммуникативные технологии на всех уровнях: от технологического до идеационального. Мировая историческая конъюнктура XXI в. вынуждает сформировать качественно новые дискурсивные принципы государственных взаимодействий, поскольку неоднозначные социокультурные, социально-политические и социально-экономические процессы требуют не только адекватного осмысления, но и поиска отвечающих им коммуникационных технологий.

Одним из факторов, ставящих перед гуманитарной наукой новые – синтезировать накопленные лингвокультурные знания о различных этносах и выработать новую теоретическую базу для их изучения с целью формирования сбалансированных стратегий и тактик межкультурного диалога, – является беспрецедентное влияние мировых глобализационных процессов на локальные культуры, поведенческие модели и картины мира отдельного человека.

С этой точки зрения, дискурсивный подход позволит атрибутировать процессы межкультурных взаимодействий в иных критериях и выявить совокупность факторов, доминантно определяющих принципы межкультурного диалога. Для выявления механизмов, управляющих результативностью межкультурных взаимодействий, необходимо всестороннее исследование границ понимания, обусловленных разницей в системах мировосприятия, культурно-исторического опыта и картинах мира, что возможно лишь в рамках дискурсивного подхода.

Коммуникативный менеджмент межкультурного общения напрямую зависит от доминирования смыслов, их комбинаций и трансформаций в дискурсивной структуре. В российско-китайских взаимоотношениях, в частности, именно межкультурный дискурс определяет моделирование индивидуальных и коллективных поведенческих сценариев взаимодействия носителей разных культур.

На сегодняшний день ведущие направления изучения российско-китайских отношений определяются рядом факторов, из которых можно выделить несколько наиболее значимых:

1) современные реалии развития глобализации ставят задачи не только переосмысления с учетом региональной специфики социокультурных, социально-экономических и социально-политических процессов, но и поиска новых коммуникационных стратегий, адекватно приспособленных к практике российско-китайских взаимоотношений;

2) феномен быстрого экономического, политического и социокультурного развития Китая и резкого усиления его международного веса;

3) рост экономического и политического рейтингов России и Китая в условиях мирового финансово-экономического кризиса, возникновение новых, антикризисных форм диалога, включенных в мировой полилог, общая работа по поиску эффективных инноваций по всем направлениям взаимодействий: от культурного до военного, а также выработка новых имиджевых форм российско-китайских взаимодействий для остальных государств и сообществ, принадлежащих сфере общих стратегических интересов Китая и России.

Исторически можно выделить три линии российско-китайских межкультурных коммуникаций: 1920-е и 1950-е гг., рубеж XX–XXI вв. и два «отлива» между этими этапами, представляющие собой отдельные дискурсы, задающие новую систему координат и способы интерпретации информации в конкретном историко-культурном контексте.

Анализируя исторический опыт российско-китайских коммуникаций, можно выявить объективные и субъективные причины, опреде-

лившие доминирование Советского Союза в построении дискурса прошлого столетия. К первым можно отнести экономический, политический и военный престиж СССР на мировой арене; значительное развитие его экономических, социально-политических и идеологических институтов; степень заинтересованности в налаживании новых интернациональных контактов; совпадение основополагающих ментальных установок. Ко второй группе можно отнести значительно более выраженные установки на внедрение в инокультурное пространство с целью формирования положительного образа своей культуры и государственности в общественном сознании адресата и, как следствие, создание располагающего эмоционального фона, обеспечивающего комфортную и безболезненную рецепцию адресатом ценностей и достижений иной культуры.

Анализ исторической ретроспективы позволяет предположить, что любые социокультурные изменения в той или иной степени связаны с взаимодействием мышления и языка, поскольку развитие любого индивида является, по сути, развитием языковой, интерактивной компетенций, встроенных в контекст определенных поведенческих наборов. Таким образом, выстраивание личностных характеристик напрямую связано с системой запретов и ограничений по отношению к объективности природы, в том числе с нормативно-правовой общественной базой и языковой системой. Особую роль здесь играет лингвистическая система, поскольку именно язык формирует взаимоотношения между человеком и окружающим миром. В этом контексте социальная динамика является следствием коммуникации.

Присутствие социального и психологического элементов, определяющих процессы социального развития, дает возможность применить к области социально-культурной истории логику морального развития. Культура не является статичной, это специфически атрибутированная система явлений в их историческом развитии, подчиняющаяся логике морального и законам социокультурного исторического развития, обновляемая каждым грядущим поколением. Таким образом, культура коррелирует с общей динамикой индивидуального развития. Однако процесс социализации каждого нового поколения, формирующий его моральность, обусловлен рамками имеющихся культурных традиций гораздо больше, нежели влиянием индивидуальной логики развития. Осознание системы моральных норм конкретным индивидом напрямую зависит от уже существующего высшего морального сознания, сформированного в данной культурной традиции.

Эта гипотеза, несмотря на её спекулятивный характер, без каких-либо серьезных про-

блем вписывается в рамки учения европейской философии прошлого столетия о переходе традиционных обществ к современным. В этическом контексте изучение и развитие данной сферы акцентирует смену конвенциональной морали на постконвенциональную. Встраивание современного этапа в соответствующий филогенетический этап общественного развития позволяет говорить об исторической логике социокультурной динамики общества от менее к более развитым формам. Одной из базовых теорий, изучающих историко-культурную эволюцию обществ, является теория осевого времени мировых религий Ясперса. Он делает попытку зафиксировать момент открытия культурами «трансцендентного» или, говоря иначе, принципа постконвенциональной морали. Появление «трансцендентного» становится точкой отсчета «подросткового кризиса» культур, который выявляется в ритмической смене трансгрессий и регрессий, но имеющего тем не менее внутренний потенциал, помогающий преодолеть критическое состояние. В этом контексте актуально использование коммуникативных элементов этических принципов, что обеспечит достижение конструктивного диалога между различными культурами. С. Ф. Мартынович отмечает: «Общение людей, основанное на их практическом бытии, предполагает диалог, который ведет к тем или иным видам и уровням понимания и взаимопонимания» [1, с. 3]. Контекст диалога культур так или иначе поднимает актуальную и, несомненно, злободневную проблему нежелания и неготовности Запада к диалогу с не-Западом, который включает конфуцианские, индо-буддийские и мусульманские миры, на условиях равноправного партнерства. Для Запада имеют ценность лишь этические и гуманистические принципы, базирующиеся на нормах европейской культуры и ее стандартах, и в процессе диалога Запад не желает принимать культурные, экономические и политические реалии Востока, основанные на иных принципах. Подобные жесткие универсализирующие схемы приводят к унификации и, как следствие, категорическому неприятию инокультурных форм мышления. Провозглашенные Европой так называемые общечеловеческие ценности на деле оказались ценностями стратегической рациональности. Демократический порядок, навязанный извне, все равно является признаком тоталитаризма. Принуждение всегда вызывает протест – открытый или латентный. Этот факт подтверждает возникающее недовольство (чаще всего стран азиатского региона) по поводу Декларации прав человека, которая практически не учитывает традиционные культурные ценности той или иной нации. Это обусловило неприятие большинством азиатских стран, в числе которых

Малайзия, Сингапур, Китай, западной интерпретации прав человека и ориентацию европейской культуры на личностно-эгоистическую систему ценностей, в отличие от которой азиатские традиции приоритетными считают коллектив и его интересы. Этот факт еще раз подчеркивает важность правильной оценки культурных различий.

Условием формирования конструктивного диалога между восточными и европейскими культурами, способствующего складыванию принципов социальной этики и социального управления, являются не только юридические, социополитические, экономические и культурно-психологические основания, но и выработка адекватных философских оснований, способных конкретизировать проблемы и обозначить пути их разрешения. Следует отметить характерные особенности этической рациональности Китая, которые на сегодняшний день определяют социальную динамику. В последнее десятилетие прошлого века европейская политико-философская мысль в контексте обсуждения прав человека способствовала вниманию к конфуцианству и его принципам. Немецкий политик К. Кинкель жестко разграничивает понимание прав человека в рамках западной и конфуцианской культуры, что дало толчок развитию культурно-релятивистского понимания этого процесса. Тем не менее европейской наукой отмечен значительный потенциал классической базы конфуцианства, которая, по мнению многих европейских экспертов, вполне может стать рациональным основанием для универсализации этических законов.

Задача гуманитарной науки, в частности востоковедения и компаративной философии, – выработать основания для осмысления данной проблематики в этом направлении, в том числе предельные основания подобной макроэтической модели. Возможные пути исследования – сравнительный анализ этических учений разных культур и поиск в них точек соприкосновения и пересечения, в данном случае – изучение западно-европейской и буддийско-конфуцианской цивилизаций.

Итогом этой работы стала выведенная макроэтическая формула, делающая попытку формирования «западно-восточного синтеза». Такой синтез обладает определенными перспективами, поскольку именно они, как было замечено выше, оказались по разные стороны выраженной границы различия. По большому счету, «западно-восточный синтез» – проект сведения воедино аристотелевской и конфуцианской этики. В 1989 г. разработка этого направления вошла в стадию глубокого кризиса, спровоцированного выступлениями ряда методологов макроэтического направления, которые провозгласили мысль о принципиальной несоизмеримости западных и восточных ценностей. Например, утвержда-

лось, что всякая более или менее значительная моральная теория – производная культурного контекста, которым она была порождена, и вне этого контекста теория морали не работает [2, с. 105–106]. Тем не менее несмотря на категоричность этого утверждения, разработка такого направления все же остается перспективной и обладает значительным потенциалом, потому что в случае успешной попытки синтеза столь разнящихся культурокомплексов, как античная философия и конфуцианство, проблема диалога близких по духу культур сведется к решению незначительных коммуникативных проблем.

Что касается социокультурного аспекта российско-китайских коммуникативных практик, то на современном этапе наиболее актуален дискурсивный подход к его изучению и моделированию новых коммуникативных систем. При этом самым значимым является изучение российско-китайского межкультурного диалога, в первую очередь, как специфически структурированного дискурса, а уже потом – как системы единичных коммуникативных актов. Причина этого заложена в необходимости системного теоретического осмысления специфики развития современного российско-китайского межкультурного взаимодействия для поиска ведущих тенденций его формирования, динамики, системообразующих векторов и структурных особенностей. Дискурсивный подход в изучении практик взаимоотношений позволяет определить действительных субъектов дискурса, которые явно или неявно выраженными интересами формируют и направляют межкультурные взаимодействия, а также выявить типизацию и способы формирования того или иного коммуникативного пространства. В этом контексте межкультурный дискурс – это семиотический процесс построения и реализации практических стратегий межкультурного диалога с целью встраивания в символную систему той или иной ситуации и формирования когнитивного пространства межкультурного взаимодействия. Межкультурный дискурс можно реализовать в различных дискурсивных практиках.

Сравнение картин мира китайской и российской культур осуществляется на двух уровнях: общекультурном и индивидуально-личностном. Это выявляет не только универсальные этнокультурные факторы, определяющие формирование межкультурного дискурса, но и атрибутирует самые важные ментальные оппозиции, отражающиеся в методах реализации российско-китайского межкультурного взаимодействия на разных уровнях. К таким оппозициям главным образом относятся: мужское – женское; свое – чужое; профанное – сакральное; абстрактное – конкретное; движущееся – покоящееся и т.п. Эти оппозиции объективируются и транслируются в процессе

инкультурации/аккультурации при помощи традиций, поведенческих моделей и ценностных ориентаций и формируют семиотическую «сеть» культуры. Они являются ключевыми и определяют модели, сценарии, стратегии межкультурных взаимодействий, обладая универсальной значимостью по своему наполнению, что обуславливает построение адекватного межкультурного дискурса, базирующегося на эффективном семиотическом обмене – основе продуктивного диалога. Однако наличие разных пониманий данных оппозиций в разных культурах продуцирует дискурсивное напряжение, провоцирующее потенциально конфликтные ситуации и диалоговые пространства дискретного типа.

В рамках нашего исследования стратегия межкультурной коммуникации предстает как способ целенаправленного использования вербальных и невербальных коммуникативных средств в диалоге с носителями этнической, социальной, духовной или какой-либо другой культуры. Межкультурная дискурсивная стратегия – способ организации познавательной деятельности субъектов межкультурного взаимодействия, определяющий систему приоритетов, сформированных в результате дискурсивных практик, формирующих осевые алгоритмы обработки информации, анализа, прогнозирования и выбора поведенческих моделей. Применительно к сравнению российской и китайской культур допустимо предположить в качестве доминирующих структурных элементов диалога, помимо выявленных ментальных оппозиций, следующие символические «пространства», наиболее существенные для развития межкультурного диалога: «война и мир», «игра и карнавализация», «мир детства». Их значение обусловлено в первую очередь тем, что они отражают в знаково-символической системе представления о наиболее важных в рамках межкультурных контактов параметрах взаимодействий: о критериях понятий «друг», «враг», потенциально конфликтных ситуациях и способах их разрешения либо продуцирования; об образе «иного»; о принципе доминирования, о смеховых формах диалога, в том числе о целях, способах, границах, субъектах и объектах осмеяния (комического отрицания); о границах дозволенного в иронии и сформированных ею подтекстах; об игровых формах коммуникаций как способах сближения и когнитивной интенсификации; о способах творчески-игрового восполнения коммуникативного дефицита и разрешения ситуаций напряженности; о методах переозначивания контекстов коммуникации через их «карнавализацию»; об ожидаемых и объективных характеристиках субъектов коммуникативных взаимодействий; о хронотопических особенностях межкультурного диалога и т.п.

Современные модели коммуникаций, реализуемые в российско-китайском межкультурном пространстве, определены спецификой межкультурного дискурса, испытывающего воздействие политического и социально-экономических факторов в рамках глобального полилога культур и цивилизаций. Выбор коммуникационных стратегий и технологий между носителями русской и китайской культур не является произвольным, но объективно задается системой культурных координат в рамках реализации управленческих стратегий. Стратегии межкультурной коммуникации не тождественны в целях и ведущих сценариях реализации. Применение гендерного подхода в изучении этнолингвистических различий, отражающих специфику мировосприятия коммуникантов из России и Китая, предоставляет возможность максимально точного определения и интерпретации наиболее значимых ментальных оппозиций, определяющих методы реализации современных российско-китайских взаимоотношений, обуславливающих их специфику и основные тенденции развития. Информационные процессы, фактически мо-

делирующие глобальное мировое сообщество, выдвигают коммуникации как системообразующий элемент социальной динамики. Высокий уровень коммуникаций – на сегодняшний день залог успешного развития мирового полилога и приоритет для всех существующих режимов постиндустриальной стадии общественного развития, где дискурсы становятся определяющим вектором социальной динамики.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» № 12-33-09003а).

Список литературы

1. Мартынович С. Ф. Понимание и диалог в бытии философии и научного познания // Человек, диалог, понимание : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. С. 3–15.
2. Чэн Чжуньин. Теория конфуцианской личности : самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6. С. 105–106.

Intercultural Discursive Strategy: Socio-Philosophical Analysis of Interaction between Russia and China

M. O. Orlov

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: orok-saratov@mail.ru

One of the major challenges of our time is to create a new conceptual framework for implementation, interpretation and prediction of interaction between Russia and China in the area of contemporary intercultural discourse. The choice of strategies of intercultural interaction of Russian and Chinese culture bearers is objectively defined by culture coordinate system in the range of the implementation of management strategies. Examining Russian and Chinese interaction experience creates science base necessary for analyzing and forecasting the processes of successful international dialogue. Insurance of effective solution to the problems is creation of educational, intercultural and media environment. Modern social conditions lead to forming new discursive principles of interaction at the nationwide level, which is related to controversial social, political and economic processes demanding both accurate understanding and searching for suitable communication practices. Humanitarian science faces new challenges being posed by enormous influence of the world globalization processes on local cultures as well as on each individual's behavioral pattern and world view.

Key words: ethics of discourse, socialization, globalization, social dynamics, socio-cultural changes, dialogue, social philosophy, communication.

References

1. Martynovich S.F. Ponimaniye i dialog v bytii filosofii i nauchnogo poznaniya (Understanding and dialogue in being of philosophy and scientific knowledge). *Chelovek, dialog, ponimaniye: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* (Person, dialogue, knowledge: Interuniversity collection of scientific works). Saratov, 1996. Pp. 3–15.
2. Chung-ying C. Teoriya konfutsianskoy lichnosti: samosovershenstvovaniye i svobodnaya volya v konfutsianskoy filosofii (Theory of the Confucian selfhood: self-improvement and free will in Confucian philosophy). *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of Far East), 1995, no. 6, pp. 105–106.

УДК 116;1241

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Павлова

Павлова Наталия Владимировна – ст. преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский государственный университет
E-mail: pavlova_saratov@mail.ru

В статье обсуждаются социальные коммуникации в контексте их отрицательного воздействия на человека. Вводится представление о социальных неадекватных коммуникациях: в эпоху постсовременности взаимодействие личности и социума осложнено избыточным количеством коммуникаций, вследствие чего они лишаются положительных функций, приобретая отрицательный характер. Раскрывается сложный феномен отрицательных социальных коммуникаций, последовательно анализируются социальные коммуникационные потоки, выступающие в качестве объектов отрицательного влияния социума на индивида, механизмы этого влияния и последствия. Особое внимание уделено анализу и классификации объектов отрицательного влияния социума на человека, составляющих основу неадекватных коммуникаций. В заключение делается вывод, что процесс неадекватных коммуникаций, участниками которого являются социум и личность, оказывается пагубным для личности и ведет к нарушению ее целостности.

Ключевые слова: коммуникация, социум, социальные потоки, отрицательные социальные коммуникации.

Коммуникации выступают основанием социальности, позволяющей индивидам и группам обмениваться любыми видами информации, общаться, взаимодействовать. Известно, что социально-философское осмысление коммуникаций началось вместе с интенсивным развитием современных средств связи с работ по лингвистическому анализу Л. Витгенштейна [1, 2], с «философии диалога» (М. Бубер [3], Э. Левинас [4], М. Библер [5] и др.), с философии дискурса. В настоящее время разработаны линейные (Г. Лассуэл [6]), системные (Т. Парсонс [7], Н. Луман [8]), структурные (К. Леви-Стросс [9]) и другие модели социальных коммуникаций, в той или иной степени отражающие сложность, направленность и динамичность коммуникационных процессов. Если говорить о субъектах коммуникации, то выделяют межличностные, межгрупповые, межкультурные, межэтнические коммуникации и многие другие.

Не вызывает сомнения тот факт, что представления о множественных коммуникациях лежат в основании постнеклассической социально-философской парадигмы, осмысляющей социум именно как динамичную систему коммуникаций, связей, взаимодействий, определяющую и социальную структуру, и форму социального пространства. В самом широком смысле под

коммуникацией сегодня понимают любое межличностное и социальное взаимодействие.

В этой работе мы коснемся одного, на наш взгляд, важного аспекта социальных коммуникаций: их отрицательного воздействия на индивида. Остановимся на этом подробнее: традиционно межличностные коммуникации интерпретируются как благо, как то, что позволяет развиваться не только личности, но и социуму в целом. Однако в современном обществе, как бы оно ни называлось (постиндустриальным, информационным, обществом постмодерна, риска и т.п.), объем и интенсивность коммуникаций становятся настолько значительными, что следует говорить о коммуникационных потоках, а влияние коммуникаций на человека нередко можно оценить как избыточное, «захлестывающее», т.е. отрицательное. В этой связи имеет смысл говорить не только об отрицательном влиянии коммуникаций на человека и социальные группы, но и о существовании отрицательных коммуникаций. Отметим, что, несмотря на очевидную значимость, эта проблема сравнительно мало исследована в социальной философии, в связи с чем социально-философский анализ отрицательного влияния коммуникаций на человека представляется весьма актуальным.

Итак, мы будем называть отрицательными социальными коммуникациями, или **неадекватными коммуникациями**, все отрицательно влияющие на сознание, физическое и психическое здоровье, личностное развитие, независимое восприятие и свободу человека. Разумеется, оценка отрицательного влияния предполагает существование некоторых критериев, но они могут быть разработаны в социальной психологии, социологии, медицине, мы же в этой работе рассмотрим только принципиальные аспекты проблемы.

Поскольку современный человек активно коммуницирует не только с другими людьми, но и с социальными группами, общественными институтами, сетевыми сообществами, специально созданными высокотехнологичными системами (в том числе телевизионными и компьютерными), то структура возникающего при этом коммуникационного поля часто определяется разного рода коллективными отношениями: группа – персона, многие – один, объект – субъект. И тогда в

контексте анализа коммуникаций имеет смысл говорить не только о субъекте, но и о коллективном субъекте и полагать, что в современном обществе доминируют не межличностные, а **социально-личные коммуникации** как взаимодействие личности и коллективного социального субъекта.

В этой работе мы анализируем и классифицируем негакоммуникации современного социума и человека. В качестве принципов систематизации могут выступать либо объекты отрицательного воздействия социума на человека, либо механизмы этого воздействия, либо их последствия. Выделяя объекты отрицательного воздействия социума на человека, мы будем говорить о **социальных коммуникационных потоках**, в которых вольно или невольно оказывается каждый; к ним относятся: информационные, создаваемые средствами массовой информации; идеологические; потоки рекламы; экономические; культурные; транспортные; «потоки» социального ландшафта. В современном социуме коммуникационные потоки динамичны, подвижны, быстро меняются в пространстве и во времени.

Анализируя механизмы отрицательного воздействий социальных коммуникаций на человека, можно говорить о зрительных, звуковых (в том числе, и вербальных), тактильных отрицательных социальных воздействиях, о воздействиях посредством запахов, образов и т.д.

Исследуя последствия отрицательного влияния социума на человека, можно говорить о **психологических или психических и физических** негакоммуникациях. В первом случае коммуникации социума и человека, прежде всего, отрицательно влияют на психологическое состояние или даже психическое здоровье последнего, во втором – на физическое, хотя деление это условно.

Рассмотрим отрицательное влияние социальных коммуникационных потоков на человека. Во-первых, это отрицательные коммуникации человека и информационных потоков.

В социуме различные информационные потоки обрушиваются на человека во всех сферах его деятельности, в них входят информационные, создаваемые СМИ, динамикой социального пространства, непосредственным общением с другими людьми, телевидением, компьютерными сетями, телефонной связью. Количество получаемой таким образом информации превосходит возможности человеческого восприятия, вредит психологическому и физическому здоровью, приводит к депрессиям, стрессам, неврозам, психосоматическим заболеваниям. Важным свойством современных информационных потоков является их неистинность: количество неверной информации существенно превышает количество верной. В таком случае результатом

отрицательного воздействия будут не нарушения психологического или физического здоровья, а заблуждения, опасные для духовного и нравственного здоровья. Информационные потоки создают информационные шумы, разрушающие привычный порядок, мешающие думать, приводящие к дезинтеграции сознания, губительной для человека.

Во-вторых, это – отрицательные коммуникации человека и потоков рекламы. Хотя рекламные потоки и являются частью информационных, мы выделяем их как отдельные, так как если информационные потоки в целом есть совокупный, но не целенаправленный результат процессов производства обществом самой разной информации, то потоки рекламы создаются с помощью специальных технологий и направлены именно на человеческое сознание. И если информационные потоки можно сравнить с шумами, то рекламные уподобляются сильным сигналам, которые активно и упорядоченно воздействуют на человека. Кроме того, реклама производит особый продукт, определенным образом действующий на человеческое сознание: создает множество симулякров [10], перегружающих социальную реальность, делающих ее гораздо более сложной и «вязкой». Множество образов, не имеющих воплощения в действительности, специально организованные потоки слов создают мощное психологическое воздействие, захватывают сознание и дробят его, в результате сознание становится **мозаичным, фрагментарным**.

Подобно рекламным потокам, целенаправленно и мощно действуют идеологические потоки, создающие эффективные и долгоживущие симулякры, политизирующие не только социальную, но и личную жизнь каждого, вторгаясь в личное пространство, лишая человеческую жизнь столь необходимой ей приватности, заменяя подлинные интересы навязанными. Такая чрезмерная идеологизация личности как результат отрицательных коммуникаций социума и человека печально известна в истории и в некоторых странах существует по сей день.

В-третьих, осуществляются отрицательные экономические коммуникации. Современный человек постоянно находится в системе многочисленных экономических отношений. В них он вступает реально и виртуально, совершая сделки, покупки, заключая соглашения и контракты. С определенного времени экономические отношения также приобретают характер потоков, благодаря их высокой интенсивности, частоте и плотности. Отрицательное воздействие экономических потоков на человека проявляется в появлении множества экономических рисков, экономических и материальных утрат, в его дезориентации в экономическом пространстве, в экономических «заблуждениях». Безусловно

отрицательно влияют на человека такие экономические явления, как финансовые пирамиды; многочисленные кредиты, превышающие реальные экономические возможности персоны и обуславливающие материальную зависимость; превращение экономики в массовую «игру» (в том числе биржевую) и многое другое. Конечно, экономические негативные коммуникации существовали во все времена, однако интенсивность современных экономических потоков лавинообразно увеличивает число самих экономических коммуникаций, а изменение характера экономики, появление ее значительной виртуальной составляющей приводит к резкому росту вероятности отрицательных коммуникаций.

В-четвертых, происходят отрицательные культурные коммуникации. Современный человек, как правило, активно взаимодействует не с одной, а с несколькими культурами, иногда – с их множеством. Вопрос исследования влияния на человека разнообразных и множественных культурных потоков представляется нам столь значительным, что предполагает отдельное подробное исследование, невозможное в рамках этой работы. Скажем лишь, что именно множественность культурных потоков, воздействующих на человека, зачастую обуславливает отрицательный характер культурных коммуникаций.

В-пятых, возможны отрицательные коммуникации человека и транспортных потоков. Современный человек, особенно горожанин или житель пригорода – это «кочевник», по меткому определению Ж. Делеза – номадическая сингулярность [11]. Значительная часть человеческой жизни сегодня так или иначе связана с транспортом, и именно тут он получает существенную часть отрицательных социальных коммуникаций. Перегруженные транспортные магистрали и уличная толпа, бессмысленное вынужденное нахождение в транспортных заторах, личные неприятные взаимодействия с другими пассажирами атакуют сознание, создают ощущение хаотичности и бессмысленности происходящего, невозможности изменить неприятную ситуацию. Весьма болезненным оказывается и само пребывание человека в транспорте: тут нарушаются границы личного пространства, необходимые для психологического здоровья. Оказавшись в непосредственной близости с другими, психика человека испытывает непрерывное давление, нарушаются законы проксемики, человек пытается подавить неизбежно возникающую агрессию, но не всегда с этим справляется.

В-шестых, могут быть отрицательные коммуникации человека и социального ландшафта. Последний представлен как архитектурой, так и социализированной географической средой. Существуют определенные части социального ландшафта, представленные, в первую очередь,

в городских пространствах, неблагоприятно влияющие на здоровье и сознание человека, мы будем называть их **отрицательными социальными локусами**. К ним относятся: овраги, свалки, пустыри, замороженные строительные объекты, останки городских сооружений, эклектичные, слишком «плотные» участки застройки. Можно говорить даже о целых городах или географических районах как об отрицательных социальных локусах: это, например, заброшенные соцгорода или города-призраки, такие как некогда процветавший ультрасовременный мегаполис, центр американского автопрома – Детройт. Необходимо отметить, что отрицательный локус, или **отрицательный ландшафт** – понятие, которое поддается градации, и можно говорить об интенсивности негативного влияния ландшафта на человека. В этой связи можно предположить, что наиболее деструктивным воздействием обладают географические места с высокой степенью руинизации, возникшей вследствие глобальных экологических, техногенных катастроф и военных конфликтов. Примерами могут служить печально известные Чернобыль и Припять из недавнего прошлого, обезображенные города Ближнего Востока – свидетели вооруженной борьбы за природные ресурсы и передел мира.

Если отдельно говорить об отрицательном воздействии на человека архитектуры как части социального ландшафта, то в качестве отрицательных факторов следует отметить изменчивость и плотность современных архитектурных ансамблей. Разумеется, любое архитектурное пространство пластично, подвержено изменениям, но современная архитектурная динамика имеет слишком большие темпы. В результате социальный ландшафт постоянно меняется, и человек теряет необходимое ему ощущение порядка и устойчивости среды, в которой он обитает. Динамика архитектурного пространства становится столь быстрой и благодаря экспансии в архитектурное пространство обширной рекламы, иногда неузнаваемо меняющей ландшафт. Помимо утраты ощущения стабильности и порядка архитектурные изменения связываются с утратой социальной памяти и внедрением безвкусицы. Именно так действует, например, разрушение не подлежащих восстановлению сотен старинных зданий столицы, которые заменили строения в «лужковском» стиле.

Источником негативной коммуникации может стать и реставрация памятников прошлого. Если исходить из целостности замысла архитектора и воспринимать архитектурное сооружение как некий знак, то утрата или замена его элементов может привести к искажению первоначальной идеи. Элементы декора либо другие структурные элементы здания могут свидетельствовать о принадлежности к опреде-

ленному стилю, их разрушение меняет цельный образ и ведет к хаотичности восприятия. Сознание регистрирует поток образов, которые из-за потери смыслообразующих элементов невозможно соотнести с эпохой или стилем, Нарушение целостности ведет к искажению кода и, в конечном итоге, к потере смысла.

Остановимся теперь на **механизмах воздействия** отрицательных социальных коммуникаций. Конечно, самое значительное количество информации человек потребляет зрительно, и зрительный механизм воздействия отрицательных коммуникаций оказывается одним из самых значимых, но современный социум переполнен и огромным количеством разнообразнейших звуков и запахов, и человек не может оградить себя от их восприятия. Назойливые звуки непрерывно движущегося транспорта, со всех сторон атакующей музыки и вербальной рекламы, звонки и мелодии сотовых телефонов, громкие разговоры сливаются в перманентно звучащую агрессивную какофонию. Она заставляет человека «выключать» сознание или, напротив, работать в режиме «постоянной генерации», непрерывно поглощая и осмысляя услышанное, и вновь ведет к дезинтеграции сознания. Не может изолировать себя человек и от назойливых неприятных социальных запахов. Являясь неотъемлемой частью современного социума, запахи атакуют не меньше зрительных образов или звуков, запах оказывается постоянным раздражителем, требует непрерывной реакции. Наиболее губительными в этом смысле оказываются социальные локусы, где расположены вредные производства и транспортные потоки, с существованием которых связаны целые пространства неприятных и внеприродных запахов. И если от зрительных образов человек может избавиться, закрыв глаза, то заткнуть уши или нос возможно далеко не всегда.

Отметим, что коммуникации всегда бинаправлены, поэтому не только современный со-

циум может отрицательно влиять на человека, но и человек на него. Например, следствием неутолимой человеческой жажды обогащения или славы являются некоторые чудовищные социальные проекты, но отрицательные воздействия человека на социум мы оставляем для наших дальнейших исследований.

Итак, современный социум часто является источником отрицательного воздействия на человека, вступая с ним в процесс неадекватной коммуникации. Отрицательные социальные коммуникации наносят существенный вред здоровью и жизни человека и нуждаются в серьезном исследовании, в первую очередь, социально-философском.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2009. 133 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы : в 2 ч. М., 1994. Ч. I. 612 с.
3. *Бубер М.* Я и Ты. Квинтэссенция : Филос. альманах / под ред. В. И. Мудрагея. М., 1992. С. 294–370.
4. *Левинас Э.* Путь к Другому. СПб., 2007. 240 с.
5. *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // *Вопр. философии.* 1989. № 6. С. 31–42.
6. *Lasswell G. D., Smith B. L., Casey R. D.* Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946. 435 с.
7. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // *Американская социологическая мысль.* М., 1996. С. 462–525.
8. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // *Социологический журн.* 1995. № 3. С. 114–125.
9. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985. 399 с.
10. *Baudrillard J.* Simulacra and Simulation. Ann Arbor, 1994. 164 p.
11. *Делёз Ж.* Логика смысла. М. ; Екатеринбург, 1998. 480 с.

Negative Social Communications

N. V. Pavlova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: pavlova_saratov@mail.ru

The article discusses the process of social communication in terms of its negative effect on human existence. The author conceptualizes the idea of negative social communication in the context of postmodernism and claims that an increased number of social interactions in postmodern society can be harmful for the nature of communication. The author believes that postmodern society should be considered as a system of social flows, unlike the previous paradigm (i.e. modernity). To explore the complex phenomenon of negative social communication the author analyzes social flows functioning as the social objects of negative communication, their mechanisms and effects. It is shown that among the factors which contribute to the process of negative communication in postmodern reality, the social objects of communication seem to be the most significant; so these objects of negative influence are divided into categories and analyzed in details. The author concludes with reference to the damaging impact of negative social communication on a person who is involved in this process.

Key words: communication, society, social flows, negative social communication.

References

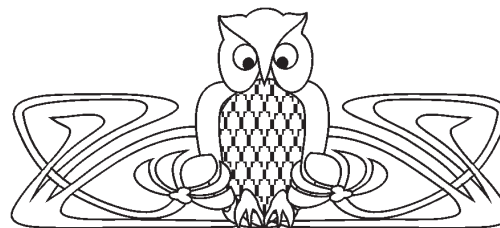
1. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. L., N.Y., 1963, 166 p. (Russ. ed.: Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskiy traktat*. Moscow, 2009. 133 p.).
2. Wittgenstein L. *Filosofskiy raboty: V 2 ch.* (Philosophical Works: In 2 vol.). Moscow, 1994. Vol. 1. 612 p.
3. Buber M. *I and Thou*. L., 2004, 112 p. (Russ. ed.: Buber M. *Ya i ty. Kvintessentsiya: Filosofskiy almanakh* {The quintessence: The Philosophical Miscellany}, 1992, pp. 294–370).
4. Emmanuel Levinas: *Put k drugomu* (Emmanuel Lévinas: The Path to the Other). St.-Petersburg, 2007. 240 p.
5. Bibler V. Kultura. Dialog kultur (Culture. The Dialogue of Cultures). *Voprosy filosofii* (Issues of philosophy), 1989, no. 6, pp. 31–42.
6. Lasswell G.D., Smith B. L., Casey R. D. *Propaganda, Communication and Public Order*. Princeton, 1946.
7. Parsons T. Sistema koordinat deystviya i obshchaya teoriya sistem deystviya. Funktsionalnaya teoriya izmeneniya. Ponyatiye obshchestva (The action frame of reference and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems. Social change. The concept of society). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl* (American sociological thought), Moscow, 1996. Pp. 462–525.
8. Luhmann N. What is Communication? *Communication Theory*. 1992, vol. 2, iss. 3, pp. 251–259. (Russ. ed.: Luman N. Chto takoe kommunikatsiya? *Sotsiologicheskii zhurnal* {The Journal of Sociology}, 1995, no. 3, pp. 114–125).
9. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. L., 1968, 410 p. (Russ. ed.: Levi-Stros K. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, 1985. 399 p.).
10. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, 1994. 164 p.
11. Deleuze G. *The Logic of Sense*. L., 1990, 393 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Moscow, 1998. 480 p.).

УДК 1:316.4

СВЕТСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. Ручин

Ручин Владимир Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет
E-mail: r-vl@yandex.ru

Современный процесс глобализации отражает господство информационных технологий и массовость коммуникации, основанной на универсализации культурных ценностей. Культурный диалог как согласование ценностей сменяется партнерством, осуществляемым посредством отказа от традиций. Формируется общество нового типа, в фундаменте которого первостепенную роль начинает играть образование как фактор достижения материального успеха, что порождает трансформацию духовно-нравственных ценностей и деформацию сферы образования: из формального подхода к образованию возникают светскость как псевдорелигиозность и религиозность как фундаментализм. Сохранение целостности общества состоит в гармонизации социокультурных перемен и ориентации на духовность. С эпохи Просвещения ориентир на духовность как нравственное начало, объединяющее общество, дает возможность сохранить современную цивилизацию. Статья посвящена образованию как фактору, способствующему объединению общества.

Ключевые слова: глобализация, специфика современных социокультурных перемен, сфера образования, ценности, светский и религиозный аспекты.

Современные геополитические условия определяют новый этап мирового развития, характеризующийся рецидивами цивилизационного противостояния, маркируемого ценностными

различиями либеральных и традиционных ценностей. Перманентность такого противостояния сегодня активизируется информационной революцией, в ходе которой границы государств, обществ и даже границы внутренней жизни личности легко преодолеваются извне, в том числе тотальным влиянием транснациональных компаний, интернет-сообществ и сетевых дипломатий. Динамика социально-экономических трансформаций оформляется в новую тенденцию, анализ которой позволяет сделать вывод о мировой тенденции – мобильности человеческих ресурсов в мировом пространстве и концентрации интеллектуального потенциала преимущественно на Западе.

В итоге, господство информационных технологий рождает принципиально новое общество, в фундаменте которого первостепенное значение приобретает институциональное образование как часть социокультурной системы, как способ достижения материального благополучия и как средство борьбы за выживание цивилизации. Общество знаний – это не только своеобразный символ современного западного мира, не толь-

ко мощный фактор вторичной социализации, который при помощи интернета «выигрывает конкуренцию у институтов, реализующих первичную социализацию» [1, с. 43], но и источник распространения западных «социально-культурных, поведенческих и потребительских образцов» [2, с. 54].

Качественная характеристика современного этапа мирового развития – утверждение приоритета знаний, в том числе, над системой культурных ценностей. Западная цивилизация в борьбе за цивилизационное превосходство пересматривает свое отношение к сложившимся культурным ценностям, теряющим сакральность и обретающим статус преходящего знания, объекта «модернизации». Такая модернизация достигается путем свободного отказа от традиции, например, от христианских корней, которые понимаются «как то, что имело значение в прошлом и перестает быть актуальным сегодня» [3].

Дальнейшее развитие глобальной экономической архитектуры приводит к ускорению социальной динамики, «размыванию» суверенитетов, ослаблению межгосударственных барьеров [4, с. 14]: вместе с границами «размывается» патриотизм как одна из важнейших культурных ценностей. Все это приводит к «структурной социальной реорганизации и культурно-духовной трансформации» [5, с. 18], смысл которых состоит в реформировании образа жизни всех поколений.

На основе изменений образа жизни появляется человек нового качества: человек информационного общества с особым ценностно-ориентационным устройством внутреннего мира, с иным социальным и культурным капиталом. Он действует в рамках иных культурных установок, разделяет ценности глобального мира, у него новый уровень и образ жизни. Новый образ жизни, безусловно, имеет «социокультурный аспект, т.е. несет на себе отпечаток и нового типа коммуникации, и сложившихся в данном конкретном сообществе норм, культурных и этнических традиций и ценностей» [6, с. 4].

Обобщая сказанное, констатируем наличие проблемы: замены приоритета культурной ценности на приоритет знания. Путь теоретического решения указанной проблемы возможен при анализе ценностного аспекта сферы образования, трактуемой нами [7, 8] в узком и широком смыслах: как образование отдельного человека и как образовательное пространство, базовый структурный уровень создания и воспроизводства общества знаний [5, с. 4]. Основная задача такого анализа – обозначение границ образовательного пространства с позиций светского и религиозного аспектов.

Сохранение целостности сферы образования для развития многоконфессиональной России,

вступившей в период социальных противоречий, является особенно актуальным. Процесс роста религиозности российского общества как реакция на «безбожные» годы и процесс модернизации общества как стремление сохранить статус великой державы встретились в точке «глобализация – идентичность». Сохранение стабильности в нашей стране возможно на основании высоких нравственных идеалов, гармонизации противоречий религиозного и светского. Современное российское общество «как никогда ранее нуждается в нравственных ориентирах, в нормативных системах социального регулирования, основанных на принципе персонализма и личной свободы» [9, с. 126]. Исторический опыт показывает, что оправданно следовать за духовными потребностями человека, по природе своей смягчающими социальный конфликт. С эпохи Просвещения ориентир на духовность как нравственное начало, объединяющее общество, дает шанс продолжить историю и российской цивилизации.

Культура, религия и образование – исторически тесно связанные между собой явления, в которых очевидна сложная ценностная основа. Однако в наши дни иногда доминирует упрощенный подход: к культуре – как сфере развлечений или досуга, к религии – как средневековому пережитку или уделу слабых, к образованию – как подготовке к профессии или социальному лифту. Истинное представление о сфере образования, связанной с мобилизацией духа, рождением нравственного облика человека, возрождается и с трудом проникает в современное общественное сознание. Более того, в контексте современных концепций модернизации различаются понятия «образование» и «качества личности» [10] или продолжается реструктуризация «человеческого капитала» [4]. При этом упускается из виду то обстоятельство, что образование не столько подготовка высококвалифицированных специалистов, сколько принципиально иное явление: явление в духовной жизни как отдельного человека, бесконечно преобразующего себя, так и целого народа, творящего единую культуру, осознающего свое предназначение и действующего на исторической сцене в соответствии со своим предназначением. Следовательно, образование не может быть направлено отдельным человеком только на удовлетворение своих потребностей, оно представляет собой особое социокультурное пространство, сферу ценностей, где сообщество осуществляется творческая работа по рождению и возрождению духа нации.

Исторически образование обеспечивает необходимый уровень консолидации, достигаемый на основе единства культурных ценностей. Достижение данной цели всегда увязывалось с решением ряда ключевых задач: необходимым

уровнем научно-технического прогресса, сохранением на основе традиций культурно-исторического генотипа.

В то же время образовательный процесс в праксиологическом осмыслении связан с понятием «потребность». Российские педагоги еще в XIX в. ставили вопрос о необходимости специальной науки воспитания, утверждая, что образование есть практическая деятельность, «стремящаяся удовлетворить нравственным и вообще духовным потребностям человека» [11, с. 8]. Обычно под потребностью подразумевается общественная потребность, но не в меньшей степени это и индивидуальные, личные потребности, поэтому образование не может быть «самим по себе» или «чистой» сферой идеального. Вызванное потребностью, оно пронизывается множеством интересов, куда включаются государственные, семьи, отдельных сословий и классов, отдельных личностей, реализующих свои жизненные установки.

Под установкой в образовании «понимается привычный устойчивый образ жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и условий творчества, общий стиль которого также предопределен» [12, с. 106]. Естественно, суть образования видится не в учености, а в *творчестве* в широком понимании этого слова. Форма взаимодействия и противостояния в душе человека внутренних переживаний и внешних впечатлений, заставляющих душу творчески трудиться, обозначается нами как форма жизни, в которой и скрывается тайна личности. Фактически, форма жизни – культурное пространство, место рождения и возрождения личности, «следование правилам» [13–15], критериям, определяющим её значимые поступки. Следовательно, форму жизни, в каком-то смысле повседневность определяет либо религиозность, либо светскость личности.

В рамках повседневности, многократных размышлений, совершая поступки, человек может сделать ценностный выбор в пользу высших идеалов, закрепляя их в устойчивых представлениях, т.е. по-настоящему образовываясь. Именно в этом случае «образование» и «истина», к которой по природе своей стремится человек, смыкаются в сущностное единство. Именно тогда «возможно изменение мотивационной основы деятельности личности, когда ее мотивами становятся любовь, совесть, стремление не просто к самореализации, а к самореализации в творческом созидании жизни социума» [16, с. 62]. Стремление к истине, в конечном итоге, и приводит личность к собственному пониманию религиозного или светского пути.

Общеизвестно, что русский «мир» – это не только социальная организация, но единение на духовных основаниях и цивилизационная память.

Известно, что поздние славянофилы обозначили общий вектор формирования «цивилизационной памяти через развитие духовной культуры и “внутренний духовный склад народа” (термин И. Я. Данилевского. – В.Р.) и рассматривали повседневный коллективный разум как структурообразующий элемент социального наследования прошлого» [17, с. 63]. Человек, согласно российской православной традиции, по природе своей является «духовно-телесным существом и воплотившимся духом» [20, с. 29] и стремится к высшим духовным ценностям.

С эпохи античности нравственное начало в человеке выделялось мыслителями интуитивно или рационально как основное. Преодоление своего несовершенства, следование духовным ориентирам через «опыт жизни, борения духа созидают образ человека» [21, с. 14] и являются основной идеей воспитания гражданина. Называя педагогику высшим из искусств, К. Д. Ушинский определял ее главную задачу – «усовершенствование самой природы человека» [11, с. 13]. По Я. А. Коменскому, переустраивать мир – это совершенствовать на основе христианских ценностей человека, семью, государство. Призыв европейского мыслителя был обращен ко «всем общинам, городам и селам христианского государства». В этом призыве нет пренебрежения ни к иноверцам, ни к другим народам.

Есть ли различие религиозного и светского в образовании? Порой религиозность понимается как наличие веры, а светскость, соответственно, как ее отсутствие, однако в своих рассуждениях мы уже пришли к выводу о наличии ценностной основы как неперемennого условия образования в целом. Ценности, по сути, универсальны, и особенность образования, светское оно или религиозное, заключается в иерархии ценностей, в их структуре, они создают фундамент личности. Ценности, которые лежат в основе нравственного облика, создают условия творческого процесса работы человека над собой. Если абстрагироваться от частных, то в основе творческого образовательного процесса лежат методы воспитания, основанные на: идеальном представлении об образе, при достижении которого человек становится образованным; идеальных условиях образования человека; основополагающем принципе образования в его идеальном измерении.

Такой подход к образовательному процессу разделяли Аристотель, Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский и других мыслители, посвятившие свою деятельность образованию [22, 23, 11]. Основываясь на собственных идеях и опыте, они, как правило, вырабатывают *метод*, с помощью которого образование предстает как предметная область. Характер образования в данном случае есть обоснование известного через неизвестное, еще не пройденное, не воплощенное в жизнь.

Становление через неосуществленное достигается здесь в ходе практики. Сама же практика обучения и воспитания впервые оказывается возможной только там, где обозначилась идея, образ данного процесса, где познание природы образования уже превращается в факт осмысления в виде практики.

Стремление к идеалу близко человеку, но «есть немало людей, которые не верят в Бога. Но это совсем не значит, что они ни во что не верят и что поэтому их можно причислить к людям, живущим без всякой веры» [24, с. 88]. Рассуждая рационально, можно прийти к выводу, что образование светское и религиозное в своих составных частях принципиально не отличаются. Более того, мы должны признать, что ценность, по сути, абстрактна и иррациональна, а потому ее качественная характеристика не зависит от объекта поклонения, так эта характеристика априори приписывается человеком объекту поклонения. Процесс гипостазирования может быть направлен и на Бога, а потому человек может следовать и поклоняться и священному писанию, и идолу, и политическим идеям. Очевидно: человек не может жить без веры и поклонения, а если это так, то образовательный процесс, иначе – творческое самосовершенствование личности – всегда имеет субъективно созданный образ, стратегию интерпретации личностного поведения, направленную на подражание этому образу.

Таким образом, вера присутствует и в теизме, и в атеизме. Фактически, религиозна не только вера, но и безверие, не только коммунизм, но и либерализм. Религиозность с рациональных позиций представляет собой стремление к высшей цели, к истине и желание слиться с этой истиной, представляемой предметом поклонения. Тогда возникает вопрос: что же есть истина и что есть образование? По М. Хайдеггеру, истина и образование смыкаются в образовательном процессе, направленном за пределы привычного «круга вещей», с которыми человек сталкивается с детства. В ходе этого образовательного процесса преобразуются его представления об окружающем мире и способы его познания: «То, что является человеку так или иначе непотаенным, и род этой непотаенности должны перемениться» [25, с. 351] и приблизить его к истине. Однако нельзя считать «“истиною” таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики» [24, с. 89]. Когда мы говорим об истине, речь идет о самом главном в жизни. Следовательно, «образование» и «истина» соединяются только в высших представлениях человека о жизни, в сакральном, в том, что требует веры, ибо только в «одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры» [24, с. 92]. Следовательно, проблема

заключается не в светскости или религиозности образования, поскольку и то и другое определение, по сути, отражают наличие веры, а в том, насколько эта вера соответствует высоте нравственного идеала, а значит – духовности.

Зададим вопрос: почему же сегодня сохраняется упрощенный подход к образованию? На наш взгляд, потому, что произошла подмена понятия «образование» «обучением», исказилась цель образования, которая теперь не задается с участием самого человека, а диктуется человечеством, стремящимся к прогрессу как основному смыслу и средству физического выживания. Мнимое «человечество», от имени которого выступает и государство, и общество, порождает трагедию индивидуальности и лишает человека самостоятельного следования образу. Человек просто не успевает сосредоточиться на главном, его внутренний мир лишается метафизического и трансцендентного, так как активно разрушаются сфера образования, родовое культурное пространство. Повседневность сменяется обыденностью, а с утратой культуры повседневности теряются черты сокровенного, насаждается стандартное, выгодное мифическому прогрессу, и тогда открывается дорога безобразию, фактически, перепрограммированию, граничащему с зомбированием. Личность попадает в зависимость от всемирных информационно-идеологических трендов, взламывающих суггестивный барьер самостоятельности, а тренды могут быть «как бы светскими» или «как бы религиозными», и все зависит от того, в какое информационное поле попал человек.

Сегодня инновационность в образовании приравнивается к конкурентоспособности, без внимания остается ситуация риска: человек, становясь мобильным, передвигаясь по миру и стремясь к материальному благополучию как объекту своего поклонения, вступает в конфликт с главным: своими идентичностью, патриотизмом, совестью, поклоняясь фетишу – права человека, понимаемому как либеральные ценности. В этом случае при формальном подходе к образованию возникают светскость как псевдорелигиозность и религиозность как фундаментализм. Спор между ними, равно как и цивилизационное противостояние, не что иное, как борьба за лидерство, которое, как известно, не обращено к высшим нравственным ценностям, т.е. бездуховно.

Именно бездуховность лишает общество социальной солидарности, создает условия для социального и цивилизационного противостояния, отражающего мнимость светского и религиозного в образовании. «Духовность гибнет, – считает К. Ясперс, – распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения» [26, с. 361].

Современный тип глобализация, с одной стороны, обостряет и усугубляет этот ценностный конфликт, а с другой – процесс мировой интеграции может его смягчить при условии формирования общества знания, ориентированного не только на инновационную, но и на этическую составляющую, не утратившую связь с традициями. Исторический опыт убеждает нас в том, что не все можно подвергнуть модернизации: если мы легко можем отказаться от старого знания как величины переменной, то отказ от ценности как величины постоянной имеет последствия не только для отдельного государства, но и для человечества в целом.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» № 12-33-09003 а).

Список литературы

1. Данилов С. А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 42–46.
2. Хаджаров М. Х. Западная Европа и Россия : проблема сотрудничества на равных условиях интеграции мирового сообщества (социологический анализ) // Цивилизация и человек. 2011. № 3. С. 50–55.
3. Патриарх Кирилл : христианские ценности в ЕС вытесняются новыми. URL: availableat: www.newsland.ru/news/detail/id/947145 (дата обращения: 13.05.2013).
4. Модернизация российского образования : вызовы нового десятилетия / под ред. А.А. Климова. М., 2010. 104 с.
5. Аникин Д. А., Орлов М. И., Орлов М. О. Общество знаний : пространственные структуры и цивилизационные основания. Саратов, 2012. 137 с.
6. Аникеева О. А., Мозговая Т. М. Поиск индикаторов качества жизни в контексте различных теорий, концепций, школ // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 1(48). С. 4–11.
7. Ручин В. А. Человек и сфера его образования. Саратов, 1999. 43 с.
8. Ручин В. А. Образование, воспитание и социализация : сходство и различие понятий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып.4. С. 35–40.
9. Орлов М. О. Церковь, школа, семья : проблема динамики социальных институтов. Православная культура : ценности классической науки, образования и искусства : в 2 т. Саратов, 2010. Т. 2. С. 121–128.
10. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Ч. II. Прикладные технологии в социологическом изучении сферы образования / под ред. Г. И. Саганенко. СПб., 2004. 157 с.
11. Ушинский К. Д. Педагогические соч. : в 6 т. М., 1990. Т. 5. 528 с.
12. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопр. философии. 1986. № 3. С. 101–106.
13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 133 с.
14. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопр. философии. 1984. № 8. С. 142–149.
15. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 238–245.
16. Рожков В. П. К проблеме многомерности моделирования социализации молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 59–63.
17. Устьянцев В. Б. Социальная память российской цивилизации : системные и ценностные основания // Славянский мир : общество и многообразие / под ред. Прот. Дмитрия Полохова. Саратов, 2009. С. 53–66.
18. Романовская Е. В. Традиция как форма социальной памяти : институциональный дискурс. Саратов, 2012. 124 с.
19. Власть времени : социальные границы памяти / под ред. В. Н. Ярской и Е. Р. Ярской-Смирновой. М., 2011. 224 с.
20. Игумен Георгий (Шестун). Православная педагогика. 4-е изд. М., 2010. 672 с.
21. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. 480 с.
22. Аристотель. Никомахова этика. Большая этика. Политика. // Аристотель : соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. 650 с.
23. Коменский Я. А. Великая дидактика. М., 1939. 318 с.
24. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2006. 694 с.
25. Хайдеггер М. Учение Платона об истине / Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 345–361.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.

The Secular and the Religious Aspects in Modern Education

V. A. Ruchin

Saratov State Technical University
Ulitsa Politekhnikeskaya 77, 410054 Saratov, Russia
E-mail: r-vl@yandex.ru

One of the peculiarities of modern communication is the desire to learn another culture not singling out its values, i.e. the qualitative characteristics of the modern world development is the unconditional priority of knowledge over traditions. Thus, the immanent aspiration of any culture to a dialogue is opposed to the actual running globalization. Modern globalization process is, first of all, the birth of the new social system, built on the domination of informational technologies. Education as economic factor has the primary role in the foundation of such a society.

The new cultural and spiritual transformation creates the particular mode of inner world where vital success has almost religious meaning. In this case formal approach to education reflects secularity as pseudo-religiousness and religiousness as fundamentalism. Conservation of the Russian education integrity, dedicated to harmonize multicultural educational sphere, is especially actual. The article is devoted to education oriented at the spirituality as the moral principle, uniting society.

Key words: globalization, specifics of modern socio-cultural changes, education, values, secular and religious aspects.

References

1. Danilov S. A. Riski i potentsial internet-socializatsii molodezhi (Risks and Potential of Internet Socialization of Youth). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics), 2012. vol. 12, iss. 2, pp. 42–46.
2. Hadzharov M. Kh. Zapadnaya Evropa i Rossiya: problema sotrudnichestva na ravnykh usloviyakh integratsii mirovogo soobshchestva (sotsiologicheskii analiz) (Western Europe and Russia: the problem of cooperation on equal terms of integration of the international community {sociological analysis}). *Tsivilizatsiya i chelovek*. (Civilization and man), 2011 October, no. 3, pp. 50–55.
3. Patriarch Kirill: *Khristianskiye tsemnosti v ES vytesnyayutsya* (Patriarch Kirill: Christian values are excluding in EU), available at: www.newsland.ru/news/detail/id/947145/
4. Galkin V. V., Zuev D. S., Volkov A. E., Klimov A. A., Konanchuk D. S., Mrdulyash P. B. *Modernizatsiya Rossiyskogo obrazovaniya: vyzovy novogo desyatiletia / pod red. A. A. Klimova* (Modernization of Russian education: challenges of the new decade / Ed. by A. A. Klimov). Moscow, 2010. 104 p.
5. Orlov M. O., Orlov M. I., Anikin D. A. *Obshchestvo znaniy: prostranstvennyye struktury i tsivilizatsionnyye osnovaniya* (Knowledge society: the spatial structures and the foundations of civilization). Saratov, 2012. 137 p.
6. Anikeeva O. A., Mozgovaya T. M. Poisk indikatorov kachestvennoy zhizni v kontekste razlichnykh teoriy, kontseptsiy, shkol (Search for indicators of quality of life in the context of different theories, concepts, schools). *Otechestvennyy zhurnal sotsialnoy raboty* (National Journal of Social Work), 2012, no. 1(48), pp. 4–10.
7. Ruchin V. A. *Chelovek i sfera ego obrazovaniya* (The man and the sphere of his education). Saratov, 1999. 43 p.
8. Ruchin V. A. Obrazovaniye, vospitaniye i sotsializatsiya: skhodstvo i razlichnye ponyatiya (Education, upbringing and socialization: resemblance and differences of the notions). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics), 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 35–40.
9. Orlov M. O. Tserkov, shkola, semya: problema dinamiki sotsialnykh institutov (Church, school, family: the problem of the dynamics of social institutions). *Pravoslavnaya kultura: tsemnosti klassicheskoy nauki, obrazovaniya i iskusstva: V 2 t.* (Orthodox culture: values of classical science, education and the arts: In 2 vol.). Saratov, 2010. Vol. 2. Pp. 121–128.
10. *Mnogoobraziye vozmozhnostey sotsiologicheskogo izucheniya sfery obrazovaniya / pod red. G.I. Saganenko* (The variety of possibilities of sociological study of the sphere of education / ed. by G. I. Saganenko). St. Petersburg, 2004. 157 p.
11. Ushinskiy K. D. *Pedagogicheskiye sochineniya: V 6 t.* (Pedagogical works: In 6 vol.). Moscow, 1990. Vol. 5. 529 p.
12. Husserl E. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya (The crisis of European humanity and philosophy). *Voprosy filosofii* (Issues of Philosophy), 1986, no. 3, pp. 101–116.
13. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. L., N.Y., 1963, 166 p. (Russ. ed.: Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskiy traktat*. Moscow, 1958. 133 p.)
14. Wittgenstein L. *On Certainty*. Oxford, 1969. P. 1–90 (Russ. ed.: Vitgenshtein L. O dostovernosti. *Voprosy filosofii* {Issues of Philosophy}, 1984, no. 8, pp. 142–149.)
15. Wittgenstein L. A Lecture on Ethics. *The Philosophical Review*, 1965, vol. 74, no. 1, pp. 3–12 (Russ. ed.: Vitgenstein L. Lektsiya ob etike. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik* {History of Philosophy Yearbook}. Moscow, 1989. Pp. 238–245).
16. Rozhkov V. P. K probleme mnogomernosti modelirovaniya sotsializatsii molodezhi (Multidimensionality of Modeling of Youth Socialization). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics* (Saratov State University Journal. Ser.: Philosophy. Psychology. Pedagogics), 2012. vol. 12, iss. 2, pp. 59–63.
17. Ustyantsev V. B. Sotsialnaya pamyat rossiyskoy tsivilizatsii: sistemnye i tsennostnye osnovaniya (Social memory of Russian civilization: system and value foundations). *Slavyanskiy mir: obshchnost i rasnoobraziye* (Slavic world: community and diversity). Saratov, 2009. Pp. 53–66;
18. Romanovskaya E. V. *Traditsiya kak forma sotsialnoy pamyati: institucionalnyy diskurs* (Tradition as a form of social memory: an institutional discourse). Saratov, 2012. 124 p.
19. *Vlast vremeni: sotsialnyye granitsy pamyati / pod red. V. N. Yarskoy, E. R. Yarskoy-Smirnovoy* (The power of time: the social boundaries of memory / ed. by V. N. Yarskaya, E.R. Yarskaya-Smirnova). Moscow, 2011. 224 p.
20. Igumen Georgiy (Shestun). *Pravoslavnaya pedagogika* (Orthodox pedagogy). Moscow, 2010. 672 p.
21. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* (The philosophy of the free spirit). Moscow, 1994. 480 p.
22. Aristotle. *Nikomakhova etika. Bolshaya etika. Politika* (Nicomachean Ethics. Magna Moralia. Politics). Aristotle. *Sochineniya: V 4 t.* (Works: In 6 vol.). Moscow, 1984. Vol. 4. 650 p.
23. Comenius J. A. *The Great didactic*. N.Y., 1967, 319 p. (Russ. ed.: Komenskiy Ya.A. *Velikaya didaktika*. Moscow, 1939. 318 p.)
24. Ilyin I. A. *Religioznyy smysl filosofii* (The religious meaning of philosophy). Moscow, 2006. Pp. 345–361.
25. Heidegger M. Ucheniye Platona ob istine (Plato's teaching on Truth). *Vremya i bytiye* (Time and Being). Moscow, 1993. 351 p.
26. Jaspers K. *Smysl i naznacheneye istorii* (The meaning and purpose of history). Moscow, 1991. 361 p.

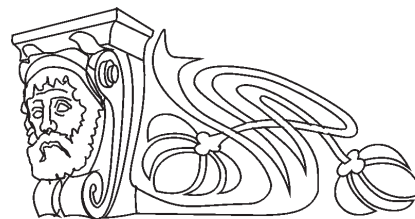

УДК 316.3 + 316.77

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Д. М. Соколова

Соколова Дина Михайловна – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

В научно-исследовательской литературе существует множество определений виртуализации, их можно разделить на три группы, выражающие возможные понимания этого феномена: виртуализация как замещение реальности образами, виртуализация как создание альтернативного социального пространства и, наконец, как наложение виртуальности на действительность. Виртуализация как явление возникла до появления современных информационно-коммуникационных технологий, отличительной чертой виртуализации социального в информационную эпоху является значительная трансформация фундаментальных основ общественного бытия: например, в виртуальном мире получает развитие новый принцип сетевой организации, применимый и для социальных структур, существующих за пределами виртуальной реальности.

Ключевые слова: социальность, социальное пространство, альтернативное социальное пространство, символическое пространство, виртуализация.

В настоящее время распространено мнение о виртуализации общества, однако до сих пор не существует точного и исчерпывающего определения этого феномена. В исследовательской литературе можно встретить различные, в том числе и взаимоисключающие, подходы к его изучению. Понятие виртуализации пришло в гуманитарные науки из технических, и надо отметить, что до сих пор в социальной философии имеет хождение его технизированной трактовка [1]. Однако она выражает лишь один и далеко не самый важный аспект проблемы. Гораздо большего внимания заслуживают теории, в которых виртуализация понимается как процесс, затрагивающий разные уровни реальности и не ограничивающийся искусственной компьютерной средой. Среди них можно выделить определение виртуализации как замещения реальности образами (Ж. Бодрийяр [2], Д. Иванов [3–5]), как предельной степени визуализации символических структур (Г. Бехманн [6]), как утверждения особых форм коммуникации (А. П. Моисеева, О. А. Мазурина, О. А. Перепелкин) [7]. Каждое из них определяет одну из граней виртуализации. Особый интерес для современной философии представляет позиция Г. Бехманна, заявившего, что термин виртуализация описывает «... возможность непосредственного взаимодействия с символическими структурами» [7, с. 123], и

сводящего виртуализацию к интеграции символов в действие вследствие совершенствования аудиовизуальных средств передачи информации и средств коммуникации. Это понимание пытается преодолеть узость сведения виртуализации к замещению реальности образами и символами, но все же не раскрывает этот феномен во всей его полноте.

С нашей точки зрения, виртуализация настолько сложный процесс, что его невозможно однозначно оценить, поэтому представляется более корректным говорить о термине «виртуализация» как о собирательном для целой совокупности взаимосвязанных и взаимозависимых социальных явлений. Следует выделить три основных аспекта виртуализации социального в информационном обществе: во-первых, она может быть рассмотрена как *замещение реальности образами и символами*, во-вторых, – как *создание альтернативного социального пространства*, в-третьих, – как *наложение виртуальной реальности на действительность*, встреча виртуального и реального.

Если рассматривать первый аспект, следует признать, что этот процесс начался задолго до появления компьютерной техники и современных информационных технологий, ведь своеобразное замещение реальности происходит уже в мифе, сказании, легенде. Более того, социальная реальность в некоторой степени виртуальна по своей природе: ведь социальное пространство – символическое, в нем каждая вещь приобретает значение в соответствии с тем культурным контекстом, в который она помещена, и это значение для нас более важно, нежели вещь как таковая. Свобода восприятия мира иллюзорна, каждый человек осмысливает окружающую действительность сквозь призму категорий, которые он приобретает в ходе социализации. Обыденному мышлению мир всегда представляется как нечто единое и целостное, а его восприятие тождественным ему самому. Но в социальной сфере всегда существует разница между означающим и означаемым, и именно она лежит в основе процесса замещения реальности образами и символами.

Одним из первых философов, обративших на это внимание, был Ж. Бодрийяр, создавший теорию симулякров. По его мнению, мы являемся свидетелями постепенного поглощения реальности гиперреальностью и, в конечном итоге, полного уничтожения социального. Масштабы происходящих трансформаций таковы, что пессимистичный прогноз Ж. Бодрийяра не кажется невероятным. В пользу этого говорит уже тот факт, что виртуализация постепенно приобретает тотальный характер, затрагивая все сферы человеческой жизнедеятельности: от экономики и политики до культуры и искусства. Наиболее очевидно это в области экономики.

Главный признак виртуализации экономики заключается в том, что конкуренция между производителями переносится «из сферы материального производства в виртуальную реальность коммуникаций, где изображаемые “особые качества” товара или фирмы ценятся потребителями или инвесторами выше, чем фактически сделанное» [4, с. 44–45]. Создание бренда становится эффективной стратегией завоевания внимания и одобрения потребителя. Товар должен не просто обладать хорошим качеством, но и быть узнаваемым и популярным, не просто выполнять назначенную функцию, но и характеризовать его владельца, становясь значимой деталью его индивидуального стиля, иными словами, имиджевой вещью. При этом при покупке товара потребитель не только возмещает все расходы, связанные с его материальным производством, но и «платит за бренд». Иными словами, в цену товара включается и так называемая виртуальная стоимость, выражающая затраты на создание позитивного образа продукта в сознании покупателей. Этот образ, как известно, формируется в процессе коммуникации, поэтому для эффективного брендинга необходима особая среда. Виртуализация товаров сопровождается виртуализацией организаций, участвующих в их производстве, продвижении и реализации: «Для создания виртуальных товаров более важны коммуникации, чем реальные производственные мощности, которые стали скорее обузой для лидирующих компаний» [4, с. 45], и в связи с этим традиционно вертикально интегрированные компании оказываются менее эффективными по сравнению с гибкими сетевыми структурами, управляющими проектами и брендами.

В современном мире главную роль в продвижении товара играют такие «коммуникационные машины», как мнение, коммуникация, маркетинг, поэтому в них инвестируется примерно половина бюджета фирмы-производителя. В эпоху позднего капитализма настоящим производством считается создание образа вещи, ее стиля, при этом производство в том виде, в каком его описывает классическая экономическая теория, оказывается

всею лишь воспроизводством, повторением уже существующего, копированием.

Сегодня производство товара непременно сопровождается созданием особого виртуального мира, частью которого он является, и это приводит к продуцированию множества миров, каждый из которых является альтернативным по отношению к другому. Виртуальный мир, созданный броскими и яркими слоганами и визуальными образами «красивой жизни», «состоит из сцепления предположений, режимов знаков, означающее которых называется рекламой, а означаемое составляет просьбу, приказ, которые сами являются оценкой, суждением, убеждением по отношению к миру, к себе и другим» [8, с. 170], но этот мир воспринимается как непосредственно данная реальность.

Сходным образом дело обстоит и в области политики, где борьба за власть превращается в борьбу образов. Имидж политика становится важнее его политической программы, а сама политика превращается в популярное шоу. Не осталась в стороне от процесса виртуализации и сфера духовного производства. Наука уже не стремится работать с подлинными объектами, замещая их компьютерными моделями, при помощи которых изучаются как природные, так и технологические и даже социальные явления. Научная работа при этом зачастую сводится к эффективной, а значит – эффективной презентации образа идеи. Коммерциализация науки приводит к тому, что ученые в погоне за прибылью заботятся только о позиционировании своих теорий, ведь только таким способом можно привлечь внимание к проблеме и тем самым добиться финансирования исследования. Так наука оказывается втянутой в ту же игру с симулякрами, что экономика и политика.

И сфера искусства виртуализируется: если раньше создавались произведения, то сейчас создаются образы. Имидж творца становится важнее того, что им создано, и чем он эпатажнее, тем лучше. Смешение стилей и направлений, отсылки к существующим произведениям и явные заимствования в совокупности со столь же хаотичной фигурой художника – вот что характеризует искусство эпохи всеобщей симуляции.

Другой аспект виртуализации социального выражается в *создании альтернативных социальных миров*. В настоящий момент происходит своеобразное удвоение объектов социального мира: все большей популярностью начинают пользоваться виртуальные магазины, виртуальные банки, виртуальные аналоги существующих в реальности музеев, галерей, выставочных залов. Появляются виртуальные деньги, которые в данный момент функционируют наряду с бумажными, но уже в недалеком будущем могут вытеснить их из сферы обмена, как полагает, к примеру, В. Юровицкий, автор концепции цивилизации электронных денег [9].

О масштабах виртуализации социального свидетельствует тот факт, что этот процесс уже затронул фундаментальную форму организации общественного бытия – город, испокон века являвшийся оплотом цивилизации, источником ее прогрессивного развития. Город – это базовая социальная система, которая связывает воедино материальное, знаковое и коммуникативное пространства, при этом упорядочивая каждое из них. Появление виртуальных городов внесло определенный дисбаланс между материальной и коммуникационной составляющими городского пространства и явилось важной вехой процесса виртуализации социального, несмотря на то, что виртуальный город, на первый взгляд, – это всего лишь двойник существующего в реальности города, некое дополнение к нему. На самом деле эта проблема намного глубже.

Дело в том, что современные компьютерные и информационные технологии способствуют созданию новой коммуникативной среды, какой и является глобальная сеть. Будучи помещенными в нее, привычные формы социальной организации обретают новые измерения. Впервые появившиеся в глобальной паутине сетевые формы организации в настоящий момент являются очень распространенными и в реальном мире. Сеть стала метафорой, выражающей принцип, на котором живут современные общества, представляющие собой переплетение различных линий коммуникации и разрозненных социальных потоков. Виртуализация экономики знаменуется появлением новых социальных феноменов, таких как «виртуальные товары», «виртуальные деньги», «виртуальный бизнес», «виртуальные рынки», «виртуальные магазины», «виртуальные банки», а также зарождением новых форм социального взаимодействия, в основе которых лежит принцип сетевой организации.

На фоне гипертрофированного замещения реальности образами и знаками и появления альтернативной социальности в глобальной сети Интернет уже не кажутся фантастическими представления футурологов о том, что вскоре виртуальный мир поглотит реальность как таковую, тем более в сравнении с действительностью, в эмоциональном отношении он, как отмечают социальные психологи, более притягателен.

Внедрение виртуальности в реальный мир происходит одновременно по нескольким направлениям: во-первых, когда разработанные в сети модели организации социального бытия переносятся в реальный мир (утверждение принципа сетевой организации); во-вторых, когда для организации чего-либо в реальном мире активно используются технологии сети (флешмоб); в-третьих, на обыденном, повседневном уровне, когда Интернет становится частью смысложизненного пространства человека («жизнь в Сети»). Так социальные

сети становятся частью жизненного пространства человека. Здесь есть возможность общаться, поддерживать связь с друзьями, коллегами, здесь есть различные игры и увлечения, а также возможность добавлять ссылки на свой профиль об интересных статьях и заметках в Интернете, что и вовсе делает социальную сеть связующим звеном между «обжитым» человеком виртуальным пространством и реальным миром. Возможности сети позволяют также проводить эксперименты с собственной идентичностью, что приводит к виртуализации человеческой личности.

Все эти тенденции, скорее, описывают видимые явления, сущность же процесса виртуализации при этом оказывается необнаруженной. Важность ее как феномена обусловлена, в первую очередь, тем, что она, с точки зрения личностного аспекта, способствует изменению нашего мышления и образа действий. Человек традиционной культуры, оказавшись в современном обществе, не сможет в нем полноценно существовать не столько потому, что не сможет научиться пользоваться современными средствами связи и коммуникации, сколько в силу того, что он привык к иным жизненным ритмам, он не сможет «переключать» сознание, перенастраиваясь с одного «режима существования» на другой. Другой аспект – социальный – связан с тем, что в современном мире резко изменяется социальный ландшафт, появляются новые формы организации общественного бытия, не существовавшие ранее институциональные структуры, меняется система ценностей.

Таким образом, следует заключить, что в информационную эпоху происходит значительная трансформация фундаментальных основ общественного бытия. Однако возможности виртуализации не беспредельны. Они ограничены, прежде всего, недостаточно развитым экономическим и техническим потенциалом глобального общества. Нельзя забывать, что, говоря о наступлении информационной эпохи, мы имеем в виду лишь небольшую группу стран, которые принято относить к развитым государствам. Большая же часть населения земного шара живет за чертой бедности, в том числе и информационной. Но не в этом кроется основная причина невозможности тотальной виртуализации: как бы ни были велики масштабы этого процесса, он не может поглотить реальность, первичную по своему онтологическому статусу. На фоне виртуального только более четко обнаруживает себя реальное во всей своей полноте.

Список литературы

1. Виртуальная реальность : философские и психологические проблемы. М., 1997. 187 с.
2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. 32 с.

3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб., 2000. 96 с.
4. Иванов Д. В. Гламурный капитализм : логика «сверхновой» экономики // Вопр. экономики. 2011. № 7. С. 44–61.
5. Иванов Д. В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 83–93.
6. Бехмани Г. Современное общество : общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2012. 248 с.
7. Моисеева А. П., Мазурина О. А., Перепелкин О. А. Виртуализация как социальная трансформация и коммуникация // Изв. Томск. политехн. ун-та. 2010. Т. 316, № 6.
8. Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4(61). С. 168–170.
9. Юровицкий В. Эволюция денег : денежное обращение в эпоху изменений. М., 2004. 496 с.

The Basic trends of Virtualization of the Social in the Information Age

D. M. Sokolova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: felkon.87@mail.ru

In this article the phenomenon of virtualization of the social reality is considered. There are many definitions of virtualization in the scientific literature. Some authors define virtualization as a replacement of reality by the images; others prefer to consider virtualization as a process of creating an alternative social space. Recently, virtualization is increasingly defined as a combination of virtuality and reality. In fact, the significant transformation of the fundamentals of social life is a distinctive feature of virtualization of the sociality in the information period. For example, a new principle of network organization is being developed in the virtual world. Now this principle is extended to the social structures that exist in reality.

Key words: sociality, social space, alternative social space, symbolical space, virtualization.

References

1. *Virtualnaya realnost: filosofskiye i psikhologicheskiye problemy* (Virtual reality: philosophical and psychological problems). Moscow, 1997. 187 p.
2. Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities*. N.Y., 2007, 136 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *V teni molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotsialnogo*. Yekaterinburg, 2000. 32 p.).
3. Ivanov D. V. *Virtualizatsiya obshchestva* (Virtualization of society). St. Petersburg, 2000. 96 p.
4. Ivanov D. V. Glamurnyy kapitalizm: logika «sverkhnoy» ekonomiki (Glamour capitalism: the logic of «supernova» economy). *Voprosy ekonomiki* (Issues of Economics), 2011, no. 7, pp. 44–61.
5. Ivanov D. V. Postindustrializm i virtualizatsiya ekonomiki (Postindustrialism and Virtualization of the Economy). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), 1998, vol. 1, no. 1, pp. 83–93.
6. Bechmann G. *Sovremennoye obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* (Modern society: risk society, information society, knowledge society). Moscow, 2012. 248p.
7. Moiseeva A. P., Mazurina O. A., Perepelkin O. A. Virtualizatsiya kak sotsialnaya transformatsiya i kommunikatsiya (Virtualization as social transformation and communication). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* (Bulletin of the Tomsk Polytechnic University), 2010, vol. 316, no. 6, pp. 141–146.
8. Lazzarato M. Predpriyatiye i neomonadologiya (Enterprise and neo-monadology). *Logos*, 2007, no. 4 (61), pp. 168–198.
9. Yurovitskiy V. *Evolyutsiya deneg: denezhnoe obrashcheniye v epokhu izmeneniy* (Evolution of Money: Money circulation in an era of change). Moscow, 2004. 496 p.

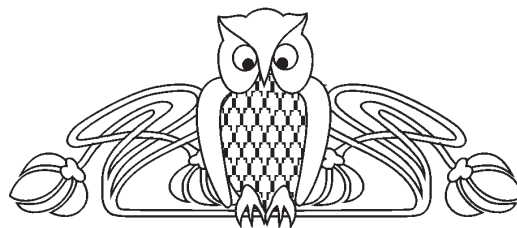

УДК 1(091)

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕКСТА: ОТ НИЦШЕ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ

К. С. Щедрин

Щедрин Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: spielraum@yandex.ru

Статья посвящена влиянию историко-философской концепции Ф. Ницше на соответствующие историко-философские практики постструктуралистов: Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Делеза. Через значимое для Ф. Ницше учение о вечном возвращении показана концептуальная основа указанного влияния. Вместе с этим в статье вскрыт аспект, упущенный постмодернистами из наследия историко-философской мысли Ф. Ницше: это влияние личностного начала. Постмодернисты ставят в центр своей историко-философской концепции понятие текста как имманентного субстрата, в свою очередь Ницше делает важным личность автора для каждого текста.

Ключевые слова: вечное возвращение, текст, история философии, ницшеанство, постструктурализм.

Пожалуй, Фридрих Ницше – один из тех философов XIX в., кто наиболее значительно повлиял на современную мысль. В XX в. его прямое воздействие испытали философия жизни, философия Хайдеггера, экзистенциализм, постструктурализм; говорят о предвосхищении им психоанализа [1, с. 13]. Поскольку «современная философия» – понятие чрезвычайно широкое, рассмотрим проблему его соотношения с постструктурализмом. Влияние Ницше признавали нередко и сами представители направления (М. Фуко [2, с. 75], Ж. Деррида [3, с. 147], Ж. Делез [4] и другие); известно и огромное количество исследований, проводящих сравнение философии Ницше с другими учениями; при этом обычно вопрос ставится положительно, например: «Как Ницше повлиял на постмодернизм?». Существует обстоятельное исследование данного вопроса среди недавних русскоязычных диссертационных исследований у А. С. Игнатенко [5]. Однако представляется необходимой и негативная постановка вопроса: что из наследия Ницше осталось невосстребованным? В данной статье мы объединяем понятием «постструктурализм» (предпочитая его понятию постмодернизма) философию Ж. Деррида, Ж. Делеза и Р. Барта. Критерием объединения послужили особые практики работы с текстом данных авторов: нас в данном случае интересуют их историко-философское применение.

У Ницше мы не находим ни разработанной историко-философской концепции, ни, тем более, эксплицитной теории значения или ее критики. В то же время в его трудах можно нередко встре-

тить размышления о проблеме истолкования, и он постоянно и совершенно особым образом обращается к философскому наследию; кроме того, его ранние произведения (лекции «К будущности наших образовательных учреждений» и труд «О пользе и вреде истории для жизни») содержат критику исторического образования, в том числе философского, в современной ему Германии.

Выбор концепции вечного возвращения для данной статьи не покажется случайным, если предположить, что фундаментальные идеи каждого целостно мыслящего философа присутствуют в менее значимых: это следствие из учения о «философской интуиции» Бергсона и требование интеллектуальной честности. Если философ говорит о чем-то как способе бытия сущего, он не может предполагать исключенным что-либо из сущего, поэтому – «вечное возвращение» и «текст». Второе взято из-за значимости данной категории для постструктуралистов; первое – вследствие того, что, во-первых, мы имеем продуктивную интерпретацию данного учения у Делеза (она значима и для самого Делеза: ей посвящено немало места в «Различии и повторении», и она же – почти основная тема статьи «Платон и симулякр»), во-вторых, данная концепция важна и для самого Ницше. «Многие хорошо знавшие его люди, в частности Овербек, сообщали впоследствии, что Ницше говорил о ней шепотом <...> и подразумевал под ней некое неслыханное открытие», – пишет М. А. Можейко [6, с. 171]. Мы соглашаемся с мнением К. Лёвита по вопросу о роли данной концепции: «Собственно, мысль Ницше – это система мысли, в начале которой стоит смерть Бога, в центре – вытекающий из нее нигилизм, а в конце – самопреодоление нигилизма в вечном возвращении» [7, с. 212]. Как известно, Лёвит является, помимо процитированной книги «От Гегеля к Ницше», автором труда «Ницше и философия вечного возвращения», где он, критикуя М. Хайдеггера, помещает на первый план философии Ницше учение о вечном возвращении и сопутствующее раскрытие «фактичности» бытия, в отличие от Хайдеггера, полагававшего таким первым планом «метафизическое» учение о воле к власти.

Обратимся к способу, которым Делез передает мысль Ницше в учении о вечном возвращении: он базируется на особой логике различия и повторения, а также оригинала, копий и симулякров. Делез отделяет вечное возвращение у Ницше от уже тысячелетиями известного представления о цикличности в природе: «Повторение в вечном возвращении он (Ницше. – К. Ш.) понимает как Бытие, но противопоставляет это бытие любой узаконенной форме, как бытию-подобию, так и бытию-равенству» [8, с. 19], толкование его как законы природы Заратустра и называл «уличной песенкой» [8]. Это представление Делез противопоставляет исключительно Ницше принадлежащей идее об избирательном возвращении, возвращении различного. Платонизм использует первый вариант как миф, узаконивающий процедуры отбора: конкуренция между копиями за сходство с оригиналом элиминирует симулякры как выражение чистого различия, как то, что принципиально не может быть сведено к хорошей или плохой копии. Такой отбор базируется на линейном восприятии времени и поэтому с легкостью вписывается в христианскую эсхатологию; более того, смысл отбора если и не помещается в конец истории (как Страшный суд), то в любом случае считается внеположным и, в итоге, играющим на руку различным философским системам: «Она (философия. – К. Ш.) постоянно забочена отбором претендентов, отбраковкой всего эксцентричного и отклоняющегося во имя высшей завершенности, сущностной реальности или даже смысла истории» [9, с. 339]. С этим Делез связывает и понятие репрезентации. У Ницше, полагает Делез, в вечном возвращении отбираются процедуры, «противоположные самому отбору» [9, с. 346]: остается различное, элиминируется «то же самое».

Линейная модель времени, принадлежащая платонизму, помещает смысл и ценность вне времени (или в его конец), и то, что существует во времени, различается по степени приобщения к такому смыслу и ценности. Внутреннее сходство обеспечивает возможность иерархического различия. Если же мы понимаем все сущее как вечно возвращающееся, мы не можем поместить смысл вне сущего (ибо в кольце возвращения оно замкнуто): в результате иерархии платоновского типа обесцениваются, а сущее становится множественностью различных равнозначных сингулярностей. Так Ницше вписывается Делезом в его собственную философию различия и имманентности, с одной стороны, и с другой – подвергается вполне состоятельной философской интерпретации, в том числе в неоднозначном элементе учения о вечном возвращении, – его избирательности.

Это приводит нас на территорию постструктурализма. Имманентность и различие можно считать общими для нее категориями; прекрасную ме-

тафору имманентности можно найти в описании Р. Бартом устной речи: «Устная речь необратима <...> Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового, “поправить” странным образом значит “прибавить”. В своей речи я ничего не могу стереть, зачеркнуть, отменить – я могу только сказать “отменяю, зачеркиваю, исправляю”, то есть продолжать говорить дальше» [10, с. 541]. Невозможность вмешательства извне в становление речи (невозможно зачеркнуть, можно продолжить – невозможно и подчеркнуть) изоморфна положению о равнозначности сингулярного. «Различие» же есть одно из главных понятий Ж. Деррида – в неографизме «différance».

Обе категории связаны с постструктурализмом. Первая – одна из ключевых для работы Делеза и Гваттари «Что такое философия?», вторая откладывает отпечаток на всю философскую деятельность Деррида. Впрочем, для понимания позиции Делеза лучше обращаться к «Различию и повторению»: критика репрезентации объясняет общую для постструктуралистов идею, что репрезентация мысли философа невозможна, и такой интенции при обращении к истории философии придерживаться непродуктивно. Уже в предисловии к этому произведению Делез пишет о том, что повторение порождает различие: «Все тождества только симулированы, возникая как оптический “эффект” более глубокой игры <...> различия и повторения <...> оказавшись перед лицом <...> повторений вне нас и в нас самих, мы не перестаем извлекать из них небольшие различия, варианты и модификации» [8, с. 9]. Можно сказать, что повторение как тождество возможно, если мы исходим из презумпции соотнесения всех смыслов с внешним смыслом; если же мы говорим о вечном возвращении как повторении самого глобального порядка, утверждающем сингулярности, то повторение возможно уже только как порождающее различие – то, что разрывает тождественности.

Поэтому постструктуралистская история философии возможна только как «добавление» к тому, что уже сказано, и ни о какой репрезентации речи не идет. Здесь можно привести множество заявлений современных авторов подобного характера: известно провокационное заявление Делеза в интервью Э. Жубер, где Делез сравнивает историю философии с извращенным совокуплением [9, с. 11]. Ни о какой репрезентации задумки автора речи не идет, скорее, о насилии над текстом автора. Не последнюю роль в отказе Делеза от признания необходимости репрезентации мысли философа играет роль Отца, антагониста всей философии постструктурализма, или школьного учителя. В своей работе о Бергсоне Делез пишет об этом: «Школьный учитель “ставит” проблемы; задача ученика – найти решение. И именно так мы попадаем в своего рода рабство. Подлинная же свобода состоит в способности принимать реше-

ние, конституировать сами проблемы» [11, с. 231]. Делез полагает, что существует позиция, согласно которой мы должны следовать логике возможности репрезентации, и эта позиция насильственна, авторитарна; с этой логикой он связывает платонизм (а значит, и другую фигуру – Священника, которую, по его мнению, изобрел Ницше [4, с. 6, 11]), линейную модель времени и диалектическую процедуру отбора. Но есть и способ ухода от такой логики: симуляция, утверждение вечного возвращения, отказ от возможности «следовать мысли автора» и формулировка собственных проблем.

Тема «отцовской» власти и проблема ухода из-под нее – одна из основных предпосылок мысли и Деррида. У него такая власть выступает как «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм». Н. Автономова определяет его как «способ данности, предъявленности наличия в рамках западной философской традиции в целом» [12, с. 16] (нужно отметить связь критики репрезентации у Делеза и критики метафизики наличия у Деррида).

Итак, прослеживаемая в мысли Ницше историко-философская позиция оказывается исходной точкой для постструктуралистской истории философии, и противостояние Ницше христианству, его провозглашение смерти Бога играет ключевую роль как для него самого, так и для постструктуралистов. Но нет ли того, что ускользнуло из этой унаследованной сквозь столетие позиции? Нам думается, что есть важный мотив у Ницше, который не получил должного развития, столь же мощного, как утверждение имманентного в учении о вечном возвращении. Если мы вчитаемся в тексты как Делеза, так и Деррида, то найдем критику классического понимания субъекта: а это значит и изменение понимания философской и историко-философской работы, потому что здесь речь должна вестись и о субъекте философствующем. По замечанию А. В. Дьякова, согласно Делезу, «субъектом становится тот, кто попадает в точку зрения <...> единой точки зрения не существует» [13, с. 190]; трансцендентальный эмпиризм Делеза не признает целостности таких сложных образований, как субъект, и их тождественности: «Существенным является само существительное множественность, обозначающее набор не сводимых друг к другу линий и измерений» [14]. Для Делеза любое «я» метафорично: речь идет скорее о множестве эффектов, которые могут лишь симулировать тождественность «я». У Деррида дело обстоит сходно, и, по его мысли, не философ и не субъект вершит деконструкцию: «Деконструкция – это не стратегия субъекта, а “событие” или, в конце концов, тема, мотив, симптом чего-то иного» [12, с. 20].

Иначе у Ницше: если историческое образование, основанное на деле простого воспроизводства смысла губительно, – целительным оказывается отношение вторжения собственных ценностей

человека в ход образования. В конце произведения «О пользе и вреде истории для жизни» мы читаем: «Честность, все здоровое и правдивое в <человеческой> натуре должно же когда-нибудь возмутиться тем, что его заставляют постоянно говорить с чужого голоса» [15, с. 230]. Ницше обращается прямо к читателю: это конкретность, которую он пропагандировал, например, иронический пассаж: «совершенно безразлично, чем бы вы ни занимались, лишь бы только история могла сохранить свою прекрасную “объективность”, именно благодаря усилиям тех, кто никогда бы не мог сам делать историю <...> личности выветрились <...> до полной бессубъективности, или, как говорят, объективности» [15, с. 189–190].

Пафос личного участия вместо имманентного распределения сингулярности или работы текста – вот то, что не было усвоено постструктуралистскими историко-философскими концепциями из наследия Ницше. Не получила развитие и ницшевская стилистическая изысканность, в которой рациональности сопутствует немалая страсть. Если постструктуралисты восприняли один фундаментальный концепт Ницше – «вечное возвращение», то, по всей видимости, их избирательность проявилась в отказе от других важных составляющих учения Ницше – концепций сверхчеловека и воли к власти. Человек, согласно им, не может превзойти себя хотя бы потому, что он не может пережить даже тождественности себя: «Я» разрушается избирательностью вечного возвращения, пространством для которого не может служить человеческий опыт – только текст. Вечное возвращение текста – таков синтез идей Ницше и постструктуралистской философии.

Список литературы

1. Kaufmann W. Nietzsche. Philosopher, Psychologist, Antichrist. 4th ed. Princeton, N.J., 1974. 532 p.
2. Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 74–97.
3. Деррида Ж. Позиции. М., 2007. 160 с.
4. Алфавит Жиля Делеза : интернет-публикация / пер. А. Корбуа. URL: http://dironweb.com/klinamen/End_Deleuze-ABC-Final_kli.pdf (дата обращения: 12.03.2013).
5. Игнатенко А. С. Интерпретация идей Фридриха Ницше во французской философии второй половины XX века (Фуко, Делёз, Деррида) : дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 389 с.
6. История философии : энцикл. Минск, 2002. 1376 с.
7. Löwith K. Von Hegel zu Nietzsche. Stuttgart, 1969. 465 s.
8. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. 384 с.
9. Делез Ж. Логика смысла // Фуко М. Theatrum philosophicum. М. ; Екатеринбург, 1998. 480 с.
10. Барт П. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.

11. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001. 480 с.
12. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 7–110.
13. Дьяков А. В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк, 2008. 364 с.
14. История философии: энцикл. URL: http://enc.ruart.info/articles/transcendental'nyj_empirizm (дата обращения: 01.11.2012).
15. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 159–230.

The Eternal Recurrence of the Text: from Nietzsche to Post-structuralism

K. S. Schedrin

Saratov State University
Ulitsa Asrtakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: spielraum@yandex.ru

The article is devoted to influence of F. Nietzsche's concept of history of philosophy on corresponding practice of poststructuralists like R. Bartes, J. Derrida, G. Deleuze in the history of philosophy field. The conceptual basis of the specified influence is shown through the significant for F. Nietzsche doctrine about Eternal Recurrence. However, the article discovers the aspect from a heritage of F. Nietzsche's thought in the history of philosophy that missed by the postmodernists. It is the personal influence aspect. Postmodernists put at the center of their historical and philosophical concept the notion of text as immanent substrate. In his turn, Nietzsche makes the personality of author important each text.

Key words: Eternal Recurrence, text, history of philosophy, Nietzscheanism, poststructuralism.

References

1. Kaufmann W. *Nietzsche. Philosopher, Psychologist, Antichrist*. 4th Edition. Princeton, NJ, 1974. 532 p.
2. Foucault M. Nietzsche, genealogy and history. *The Foucault reader*. N.Y., 1984, pp. 76-100. (Russ. ed.: Fuko M. Nitsche, genealogiya, istoriya. *Filosofiya epokhi postmodernizma: Sbornik perevodov i referatov* {Philosophy of postmodern age: Collection of translations and essays}. Minsk, 1996. Pp. 74–97.).
3. Derrida J. *Positions*. Chicago, 1982, 114 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pozitsii*. Moscow, 2007. 160 p.).
4. *Alfavit Zhilia Deleza: Internet-publikatsiya* (Deleuze's Abecedary: Publication in the Internet), available at: http://dironweb.com/klinamen/End_Deleuze-ABC-Final_kli.pdf
5. Ignatenko A.S. *Interpretatsiya idei Fridrikha Nitshe vo frantsuzskoy filosofii vtoroy poloviny XX veka* (Fuko, Delez, Derrida): Dissertatsiya ...kandidata filosofskikh nauk (Interpretation of Friedrich Nietzsche's ideas by French philosophy in the second half of the XX century {Foucault, Deleuze, Derrida}: Cand. philos. sci. diss.): Moscow, 2008. 389 p.
6. *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* (The history of philosophy: Encyclopedia). Minsk, 2002. 1376 p.
7. Löwith K. *Von Hegel zu Nietzsche* (From Hegel to Nietzsche). Stuttgart, 1969. 465 p.
8. Deleuze G. *Difference and Repetition*. L., 2004, 374 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Razlichie i povtoreniye*. St. Petersburg, 1998, 384 p.).
9. Deleuze G. *The Logic of Sense*. L., 1990, 393 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Foucault M. *Theatrum philosophicum*. Moscow; Yekaterinburg, 1998. 480 p.).
10. Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika*. (Selected works. Semiotics. Poetics). Moscow, 1994. 616 p.
11. Deleuze G. *Empirizm i subyektivnost: opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: ucheniye o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* (Empiricism and subjectivity: an essay on Hume's theory of human nature. Kant's critical philosophy: the doctrine of the faculties. *Bergsonism. Spinoza*). Moscow, 2001. 480 p.
12. Avtonomova N. Derrida i grammatologiya (Derrida and the grammatology). Derrida J. *O grammatologii* (Of grammatology). Moscow, 2000. P. 7–110.
13. Diakov A.V. *Filosofiya post-strukturalizma vo Frantsii* (Post-structural philosophy in France). N.Y., 2008. 364 p.
14. *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* (The history of philosophy: Encyclopedia), available at: http://enc.ruart.info/articles/transcendental'nyj_empirizm
15. Nietzsche F. On the Use and Abuse of History for Life. Nietzsche F. *The Untimely Meditations*. Cambridge, 1997, p. 57-123 (Russ. ed.: Nitsche F. O polze i vrede istorii dlya zhizni. Nitsche F. *Selected works*: In 2 vol. Moscow, 1996. Vol. 1. Pp. 159–230).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.37

ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

А. Е. Беляков

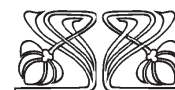
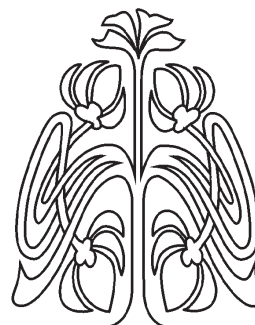
Беляков Антон Евгеньевич – магистрант кафедры консультативной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: pecherskij@yandex.ru

Предметом изучения являются ценностные образования студентов вуза как личностные ресурсы совладающего поведения в трудных ситуациях социального взаимодействия. Выявление взаимосвязей этих психических образований личности составляет цель проведённого автором исследования. Инструментарием эмпирического исследования являлись методика диагностики системы ценностных ориентаций личности Е. Б. Фанталовой и копинг-тест Р. Лазаруса. Выявленные в исследовании показатели ценностного регулирования совладающего поведения студентов вуза позволяют говорить о том, что интегративные функции ценностно-смысловой системы личности студентов вуза начальных курсов пока ещё не обладают достаточными регулирующими возможностями, определяющими ориентированность на проблему, продуктивность стратегий преодоления трудных ситуаций социального взаимодействия и достижения цели. Результаты исследования позволяют определить актуальные задачи образовательной, коррекционной и консультативной практики.

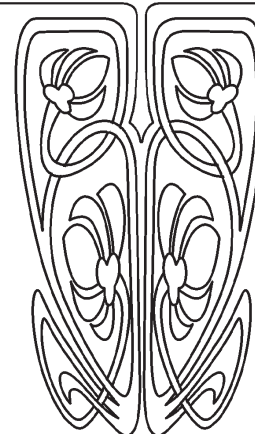
Ключевые слова: копинг-поведение, копинг-ресурсы личности, ценностно-смысловая система личности, детерминация.

В психолого-педагогических исследованиях процесса профессионализации личности в образовательной среде большое внимание уделяется созданию оптимальных психологических условий для развития способности человека к преодолению сложных ситуаций, решению жизненных проблем, возникающих в самых разных сферах интересубъектного пространства: семейной, образовательной, профессиональной и др. Эта способность реализуется в поведении человека посредством копинг-стратегий, представляющих собой актуальные ответы личности на трудную, проблемную ситуацию социального, в том числе профессионального взаимодействия, и включающих в себя способы управления ситуацией на основе личностных и средовых копинг-ресурсов [1]. Прежде всего, проблемы преодоления сложных ситуаций возникают у подростков и юношества, что в значительной степени обусловлено незрелостью их социальных представлений, непосредственно связанных с продуктивностью атрибутивных процессов, обеспечивающих понимание интересубъектных реалий и определяющих процессы смыслообразования, становления ценностной системы личности, особенности её жизненного планирования.

В современных психологических исследованиях при изучении копинг-ресурсов личности большое внимание уделяется взаимосвязи стратегий преодоления субъектом трудной ситуации и связанной с ней фрустрации и стресса с его (субъекта) личностными характеристиками (А. А. Реан, А. А. Бодалев, Л. Г. Дикая, А. В. Махнач,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Л. А. Китаев-Смык и др.). В аспекте личностного подхода выполнены работы по изучению преодоления профессионального стресса (В. А. Бодров, Л. И. Анцыферова, Т. Л. Крюкова, М. Борневассер, Х. Бриджер, Ф. Е. Василюк, Л. И. Деметий и др.). Несмотря на большой интерес и расширение сферы изучения копинг-поведения, в настоящее время не существует однозначных взглядов на личностные детерминанты процесса преодоления трудных ситуаций и связанных с ними фрустрации и стресса, что делает необходимым дальнейшее исследование этой проблемы.

В нашем исследовании рассматриваются вопросы, относящиеся к таким аспектам проблемы, как ценностная детерминация копинг-поведения личности, в частности, студентов вуза. Актуальность этих аспектов проблемы обусловлена существованием противоречий между:

потребностью студентов в эффективном психологическом преодолении повреждающего эмоционального воздействия сложных, критических ситуаций жизненных выборов и недостаточной сформированностью ценностно-смысловых механизмов атрибутивных процессов, обеспечивающих понимание субъектом сложной социальной ситуации и выбор способов её разрешения;

пониманием значимости психологического знания взаимосвязи ценностно-смысловой детерминации атрибутивных процессов личности со способностью студентов к выбору наиболее эффективных стратегий психологического преодоления сложных, критических ситуаций, возникающих в высоко агрессивной социальной среде, и недостаточной разработанностью этой проблемы в психологической науке.

Наличие данных противоречий обусловило *цель нашего исследования*: определить взаимосвязи ценностно-смысловых образований личности студентов вуза с выбором стратегии совладающего поведения в сложных, критических ситуациях.

В исследовании участвовали студенты 1–2 курсов Саратовского социально-экономического университета в количестве 80 чел. На данном этапе исследования мы привлекли к участию в исследовании только студентов мужского пола.

Методы исследования

Включали методику диагностики системы ценностных ориентаций личности Е. Б. Фанталовой в модификации Л. С. Колмогоровой, Д. В. Каширского и копинг-тест Р. Лазаруса [2]. Статистический анализ результатов исследования осуществлялся с использованием корреляционного анализа, проведенного с помощью стандартного пакета прикладных программ «Statistica-8.0».

В соответствии с целью исследования мы основное внимание уделили именно взаимосвязи доминирующих ценностей и копинг-стратегий личности студентов, не рассматривая (или рассматривая лишь косвенно) в данной части исследования содержательные и иерархические характеристики этих личностных конструктов. Анализ полученных данных осуществлялся по трём диагностическим показателям: 1) наличие корреляционной связи (содержательный аспект); 2) значение коэффициента корреляции (уровень ценностного регулирования); 3) количество корреляционных связей, которое, на наш взгляд, свидетельствует о степени выраженности, сформированности, значимости данного поведенческого конструкта в выборке студентов. Рассмотрим коэффициенты корреляции изучаемых личностных факторов, имеющие достоверные значения ($p < 0,05$) (таблица).

Анализ показателей факторов в выборке студентов позволяет сделать следующие выводы (см. таблицу). Самое большое количество корреляционных связей отмечается по фактору «конфронтация», что расценивается нами как наиболее свойственная юношескому возрасту стратегия преодоления трудных жизненных ситуаций. Данный тип стратегии преодоления связан положительными корреляциями с ценностями «высокий статус», «материальное благосостояние», «полная самореализация», «свобода и независимость», и даже ценность общения с другими людьми, сверстниками не исключает конфронтации как способа преодоления трудных ситуаций социального взаимодействия. Ценность «признание и уважение людей» имеет отрицательные корреляции с данной поведенческой стратегией, т.е. как ценностная доминанта не предполагает использование конфронтации для решения сложных, проблемных ситуаций.

Второе место по значимости занимают стратегии «дистанцирование» и «поиск социальной поддержки». Однако ценностное регулирование этих поведенческих стратегий различное. Стратегия дистанцирования связана с ценностями самореализации, стремлениями к высокому социальному статусу, свободе, независимости и общественной активности. Все отмеченные ценности-свойства личности могут быть отнесены к индивидуалистическим наклонностям, которые логично вписываются в личностный конструкт «дистанцирование» как некоторую не очень выраженную, но всё же доминанту межличностного взаимодействия. Стратегия «поиск социальной поддержки» имеет выраженные корреляционные связи с ценностями общения, приятного времяпрепровождения, признания и уважения людей и менее выраженные корреляционные связи с ценностью общественной активности.

Значимые корреляции личностных факторов методик Р. Лазаруса и Е. Фанталовой

Ценности	Копинг-стратегии							
	Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Избегание	Направленность на решение проблемы	Положительная переоценка
Здоровье					0,489			
Общение	0,548			0,770				
Высокий социальный статус	0,506	0,392	0,620					-0,602
Создание семьи								
Общественная активность		0,461		0,418		0,512		
Познание нового							0,760	
Помощь и милосердие	-0,403	-0,494						0,389
Материальное благосостояние	0,783							
Хорошее образование			0,417		0,486		0,604	
Вера в Бога								
Приятное времяпрепровождение				0,699		0,498		
Полная самореализация	0,625	0,484	0,793					
Наслаждение прекрасным								0,802
Любовь								
Признание и уважение людей	-0,431			0,693				
Интересная работа							0,716	0,406
Свобода и независимость	0,685	0,387				0,562		

Стратегия «самоконтроль» как следующая по выраженности, детерминирована ценностями «высокий социальный статус», «хорошее образование», «полная самореализация», причём ценность самореализации из трёх указанных имеет наиболее выраженные корреляционные связи, а значит и наибольший уровень ценностного регулирования.

Высокие показатели ценностного регулирования (коэффициенты корреляции выше 0,6) имеет копинг-стратегия «направленность на решение проблем». Выбор данной стратегии детерминирован ценностями «хорошее образование», «познание нового», «интересная работа».

Стратегия «положительная переоценка» также имеет высокую значимость в выборе сту-

дентами способов преодоления, но в специфических проблемных ситуациях, поскольку детерминирована ценностными выборами, связанными с помощью другим и милосердием, приятным времяпрепровождением, интересной работой. Данная стратегия чаще всего отвергается лицами с ценностной доминантной «стремление к высокому социальному статусу» (коэффициент корреляции -0,602).

Стратегии «избегание» отдаётся предпочтение в тех случаях, когда доминирующими оказываются ценности свободы, независимости, приятного времяпрепровождения, и неприемлема (отрицательная корреляционная связь) данная стратегия в случаях доминирования ценности «общественная активность».

Выявленные в исследовании показатели ценностного регулирования совладающего поведения студентов вуза позволяют говорить о специфичности адаптационных процессов личности студентов в трудных жизненных условиях, в том числе связанных с образовательным пространством вуза. Эта специфичность проявляется (судя по количеству корреляционных связей с доминирующими ценностно-смысловыми образованиями) в превалировании стратегий «конфронтация», «дистанцирование», «поиск социальной поддержки» как наиболее часто используемых механизмов совладания со стрессом в трудных, проблемных ситуациях социального взаимодействия. Все эти стратегии можно отнести к эмоционально-ориентированным, что позволяет говорить о преимущественно аффективных механизмах регуляции поведения студентов. Проблемно-ориентированные стратегии совладания, такие как «принятие ответственности», «направленность на решение проблемы», судя по количеству корреляционных связей с ценностно-смысловыми образованиями личности, используются студентами пока ещё значительно реже и детерминированы ценностями иного порядка – «хорошее образование», «познание

нового», «интересная работа». Принятие ответственности как поведенческая стратегия в трудных ситуациях имеет небольшое количество корреляционных связей с ценностно-смысловыми структурами личности, что может расцениваться как слабая сформированность данного поведенческого конструкта у студентов вуза начальных курсов.

Общий вывод, который можно сделать на основании проведённого исследования, заключается, на наш взгляд, в том, что интегративные функции ценностно-смысловой системы личности студентов вуза начальных курсов пока ещё не обладают достаточными регулирующими возможностями, определяющими ориентированность на проблему, продуктивность стратегий преодоления трудных ситуаций социального взаимодействия и достижения цели.

Список литературы

1. *Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журн. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30.
2. *Подросток на перекрестке эпох.* М., 1997. 280 с.

Value Determination of Coping-Behaviour Construction the Students of the University

A. E. Belyakov

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: pecherskij@yandex.ru

The subject areas of the article are valuable formations of university students as personal resources of coping behavior in difficult situations of social interaction. Interrelationship of these mental formations of personality is the purpose of the study, carried out by the author. Empirical research tools were the methods of diagnostics system of value orientations personal by E. B. Fantalova and coping test by R. Lazarus. The study identifies indicators of value management of coping behavior of high school students and suggests that integrative functions of value-semantic system of University students of elementary courses personality did not have sufficient regulatory capacity, focused on defining the problem and productivity strategies to overcome difficult situations of social interaction and to achieve the goal. Results of the research allow defining the actual tasks of educational, corrective and advisory practices.

Key words: coping-behavior, coping-resources of the person, value-semantic system of the personality, the determination.

References

1. *Nartova-Bochaver S. K.* «Coping behavior» v sisteme ponyatij psikhologii i lichnosti («Coping behavior» in personality psychology concepts). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 1997, vol. 18, no. 5, pp. 20–30.
2. *Podrostok na perekrestke epoch* (A teenager at the crossroads of epochs). Moscow, 1997. 280 p.

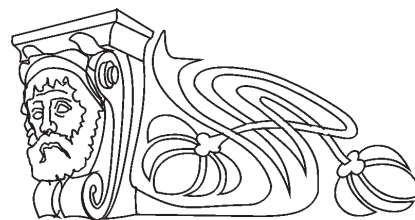

УДК 316.6

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. Е. Бочарова

Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Саратовский государственный университет
E-mail: bocharova-e@mail.ru

Рассмотрены современные методологические подходы к исследованию субъективного благополучия личности. Представлено описание изучаемого явления, его регулятивно-функционального проявления с позиций системного, структурно-системного, субъектного, субъектно-бытийного, метасистемного подходов. Обсуждается гипотетическое представление о субъективном благополучии как метасистеме разноуровневой интеграции субъективных отношений: когнитивной, эмоциональной, конотативной (поведенческой) подсистем, каждая из которых имеет свою структурную организацию и содержание. Приведены эмпирические аргументы в поддержку выдвигаемой гипотезы. Автор приходит к выводу, что разработка проблемы субъективного благополучия требует соответствия современным принципам научного знания: межпарадигмальности, системности, поиску новых обобщений, интегрирующих историю проблемы с требованиями новых подходов.

Ключевые слова: личность, переживание, субъективное благополучие, субъектность, методология исследования субъективного благополучия.

Накопление теоретических и эмпирических данных, обогащение феноменологических представлений о природе субъективного благополучия приводит к мысли о необходимости их интеграции, теоретического осмысления, поиска новых методологических способов познания этого феномена. Принимая во внимание, что личность – это целостное, полисистемное и структурированное образование, исследователи отмечают, что разработка проблемы субъективного благополучия личности требует, прежде всего, реализации принципов системного подхода: разноплановости, многомерности, многоуровневости, иерархичности, множественности отношений и описаний, развития, что позволило существенно расширить представления об этом феномене.

Субъективное благополучие являет собой сложную функциональную систему, представленную комплексом психологических образований. Основанием данного комплекса выступает система субъективных отношений личности к себе, социальным системам, в которой интегрируются конкретные ценности, установки, намерения и общая программа инструментально-смыслового обеспечения и реализация того или иного отношения в конкретных условиях поведения и

деятельности. Структурная организация системы субъективных отношений представлена ее компонентами, в качестве которых выступают когнитивная, эмоциональная, конотативная (поведенческая) подсистемы, взаимосвязь которых осуществляется через сопровождающие их функционирование эмоциональные переживания в общем чувстве удовлетворенности (или неудовлетворенности) [1, 2].

Результаты теоретико-эмпирических исследований [3] свидетельствуют о том, что когнитивным основанием субъективного благополучия является иерархически организованная подсистема ценностных отношений (ценности, установочные комплексы, социальные представления и т.д.), выступающая в качестве регулятора и механизма реализации субъективно значимых целей в разных сферах жизнедеятельности. Это, в свою очередь, приводит к порождению иерархически организованной эмоциональной подсистемы, включающей множество парциальных, субъективных оценок результативности и, следовательно, удовлетворенности субъекта в тех или иных сферах жизнедеятельности, которые интегрируются в переживании субъективного благополучия. Взаимодействие когнитивной и эмоциональной подсистем приводит к актуализации конотативной (поведенческой) подсистемы, включающей комплекс поведенческих паттернов, стратегий их реализации.

Вместе с тем именно взаимосвязь компонентов субъективного благополучия обеспечивает его регуляторную функцию, проявляющуюся в способе самоорганизации и саморегуляции личности, позволяющей ей согласовывать внешние и внутренние условия, координировать возможности и ограничения. Не менее существенным является и то, что характер межфункциональных связей в структуре субъективного благополучия порождает вариативность его регулятивно-функционального проявления (активационного, преобразовательного или, напротив, проявление стагнации) [4, 5].

С позиции субъектного подхода в разработке проблемы субъективного благополучия личности фокус исследовательских интересов сосредоточен

на изучении объективизации субъективного. Это направление сфокусировано не столько на внешних детерминантах субъективного благополучия, сколько на выявлении комплекса внутренних детерминант его объективизации в системе социальных отношений. На наш взгляд, объективизация субъективного благополучия личности происходит, прежде всего, через реализацию ее отношений, связанных с переживанием противоречия между детерминацией и самодетерминацией развития и существования; необходимостью и возможностью, социализацией и индивидуализацией личности как субъекта социальных отношений. Механизмом реализации субъективных отношений выступает субъектность личности.

В контексте сказанного изучение субъективного благополучия через соотношение характеристик личности субъективное – субъектное приобретает особое значение. Именно субъект одновременно самоопределяется и по отношению к внутренней (диктуемой намерениями, желаниями), и по отношению к внешней необходимости, которая также выступает как внутренняя необходимость, и в их соотношении, в способе связывания, «вписывания» (по Ананьеву) в систему социальных отношений и проявляет себя как субъект [6]. Таким образом, реализуемое субъективное представляет собой субъектность личности, обуславливающую оптимальный уровень субъективного благополучия.

Как отмечают исследователи, осознание социальной наукой роли субъектности во всех социальных процессах приводит к тому, что, выявляя объективные закономерности, исследователи обращаются и к психологическим особенностям субъекта изучаемых процессов, так как влияние субъективности совершенно объективный факт [7].

Обращение к понятию «субъект» дает возможность выявления качественной определенности разных форм активности (субъект деятельности, субъект отношений, субъект познания и т.д.) [8] или, иначе говоря, более дифференцированного рассмотрения и определения возможных различий субъектности в различных пространствах бытия личности. Существенно и то, что бытие не только предстает внешней причиной, обуславливающей становление личности и ее функционирование, но и выступает в качестве объекта для человека и может существовать только во взаимодействии с ним как субъектом [9]. В контексте субъектно-бытийного подхода организация собственного социального бытия в значительной мере определяется системой субъективных отношений человека к его элементам. В соответствии с идеями Б. Ф. Ломова, система «субъективно-личностных» отношений представляет многомерное субъективное пространство личности, каждое из измерений которого соответствует определенному

субъективно-личностному отношению к разным сферам бытия (например, профессиональное, семейное, экономическое, этническое и т.д.) [10]. В этой связи критериальным основанием определения границ субъектной активности личности выступает система ее субъективных отношений к бытийным пространствам, в которых она с различающейся степенью успешности реализует себя, претворяя свою субъективность и актуализируя ключевую модальность, которой наделен субъект, – способность к преобразовательной активности. Однако, как показывает ряд исследований, проявление субъектности в разных сферах бытия весьма вариативно, что свидетельствует о сложности и многомерности ее критериальных параметров (к примеру, уровневых, функциональных, временных и т.д.) [11, 12].

Особую значимость в свете сказанного приобретают исследования субъектной активности в соотношении с субъективным благополучием личности, выполненные в ракурсе «бытия на границе» или точнее, на наш взгляд, «социального бытия на границе», определяемого нами как бытийное пространство отношений личности. Постигая содержание своего бытийного пространства и выработывая определенное отношение к нему, согласовывая при этом внешние и внутренние условия, возможности и ограничения, личность самоопределяется в способе организации своих отношений, своего социального бытия. Бытие социального, как отмечают некоторые исследователи, структурируется в границах социальной субъективности, которая самоопределяется на пределе смысла, достигающего полноты на границе [13]. Благодаря переоценке, переосмыслению личностных позиций, жизненных целей переживание придает направленность ценностно-смысловой организации субъективных отношений личности к сферам социальной жизнедеятельности и своей причастности к ним.

Переживание же, согласно взглядам Л. С. Выготского, «есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности» [14]. Л. И. Божович акцентирует внимание на том, что переживание отражает состояние удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей средой, реализуя при этом «крайне важную функцию в жизни субъекта: осведомляет его о том, в каком отношении со средой он находится, и в соответствии с этим ориентирует его поведение, побуждая субъекта действовать в направлении, уменьшающем или полностью ликвидирующем возникший разлад» [15]. В контексте сказанного переживание субъективного благополучия выступает в качестве интранаправленного механизма субъективной локализации границ, их преодоления, согласования, перехода или игнорирования. Однако не является

исключением и то, что переживание чувства удовлетворенности (или неудовлетворенности) само может выступать в качестве ограничения, сдерживания или блокирования проявляемой личностью активности или, иначе говоря, выступать границей внутреннего.

В целом отметим, что, с одной стороны, субъективное благополучие личности как система отношений и переживаний «оформляется» на «пересечении» границ взаимодействия со своими бытийными пространствами, в которых происходит ее самореализация, характеризующаяся дифференциальной избирательностью собственной активности, субъектной позицией личности; с другой стороны – выступает механизмом регуляции подобной избирательности или, иначе говоря, субъективной локализации границ активности субъекта социального бытия.

Нельзя не отметить и тот факт, что субъективное благополучие подвержено воздействию внешних факторов, имеющих разнонаправленный характер. По сути, любые социальные воздействия – это факторы, актуализирующие, стимулирующие, поддерживающие или, напротив, тормозящие, блокирующие, деформирующие психологические усилия личности, психологическую активность, внутреннюю работу по субъективированию извне задаваемого содержания, по включению в контур своего индивидуально-психологического бытия фрагментов общественной жизни, по развитию способов построения психологических эквивалентов того, что задается обществом [16]. К основным психологическим условиям, определяющим степень эффективности различных воздействий, цитируемый автор относит высокий уровень активности субъекта, субъективное отношение к себе и субъективное отношение к миру. Следовательно, в качестве мощных инстанций социально-психологического опосредования воздействия внешних факторов выступает субъективное благополучие как интегральная система субъективных отношений и их переживаний.

Вместе с тем разнонаправленность социальных воздействий приводит к изменению в структурной организации субъективного благополучия, его структурно-функциональных взаимосвязей, устоявшихся межсистемных связей с другими психологическими образованиями (например, смысловым, мотивационным, саморегуляции, социальной идентичности и др.), возможно, порождению новых межсистемных взаимосвязей. В этой связи субъективное благополучие как психологическая система обладает способностью к самостоятельному изменению собственной структуры, самоорганизации за счет внутренних возможностей и процессов. Это приводит к мысли, что, с одной стороны, субъективное благополучие выступает одним из межсистемных механизмов регуляции

избирательной активности субъекта в разных сферах социальной жизнедеятельности, связанным с поддержанием оптимального уровня субъективного благополучия, с другой стороны, субъективное благополучие представляет собой динамичное, саморегулируемое, самоорганизованное системное образование. В ряде работ последнего времени показано, что неудовлетворенность в одной сфере жизнедеятельности (семья, сферы образования, материального благополучия и т.д.) может быть восполнена, компенсирована проявлением активности личности в других, более «благополучных» сферах социальной жизнедеятельности [17–19]. Очевидно, в случае рассогласования субъективно значимого, ценного и возможности его достижения происходят изменения в когнитивной подсистеме субъективного благополучия, связанные с переструктуризацией иерархии субъективно значимого, ценного, и в межфункциональных связях структурных подсистем субъективного благополучия. Поэтому вполне обоснованно встает вопрос о смене детерминации, динамике соотношения между различными типами детерминант развития, механизмов функционирования системы, в данном случае системы субъективных отношений. Можно отметить, что, обращаясь к анализу содержания детерминации в процессе формирования психологической системы, Д. Н. Заваляшина, В. А. Барабанщиков подчеркивают её неоднозначность и выделяют три базовые характеристики: динамичность, опосредованность и нелинейность [20] (присущие, на наш взгляд, и субъективному благополучию как системному образованию). По сути, речь идет о способности психологической системы как сложной нелинейной к изменению своего статуса за счет внутренних возможностей и процессов или, иначе говоря, о самоорганизующейся системе.

Разрабатывая теорию самоорганизующихся психологических систем, В. Е. Клочко [21] реализует принцип системной детерминации, позволивший преодолеть противопоставление внутреннего и внешнего посредством определения особого психологического пространства, которое он обозначает понятием «многомерный мир человека». В его понимании, человек как целостная психологическая система выступает не в противопоставлении объективному миру, а в единстве с ним, в своей продленности в ту часть этого мира, которая им «освоена», т.е. имеет для него значение, смысл, ценность, которые, соответственно, рассматриваются им как функциональные характеристики многомерной системы «человек».

Анализируя данные исследований, выполненных в русле системного подхода, А. В. Карпов отмечает, что в значительно большей степени разработан вопрос о том, как соотносятся между собой система и её компоненты (проблема соот-

ношения «целого и его частей»), а не вопрос о соотношении систем, которые сами состоят из множества компонентов [20]. В связи с этим вполне правомерно обращение к понятию «системного комплекса» («полисистемного комплекса»), отражающего природу сложных межсистемных взаимодействий [22]. Согласно В. П. Кузьмину, системный комплекс представляет собой некоторое множество разнокачественных объектов – систем, необходимым образом взаимодействующих между собой. При этом основной акцент делается на разнокачественности объектов систем и наличии между ними взаимосвязей, необходимых для формирования определенного единства. Источником функционирования системного комплекса выступает необходимость осуществления взаимодействия между сложными системами [22]. Эта необходимость, по мнению Ю. А. Голикова и А. Н. Костина, объясняет активность отдельных систем и задает вариативность ее направленности. Различная направленность этой активности, соответственно, обуславливает характер и динамику развития системного комплекса, т.е. многовариантность процессов функционирования и развития системного комплекса [23]. Отметим лишь, что источник активности и развития систем переносится на межсистемные взаимодействия. Например, данные ранее выполненных нами исследований могут служить подтверждением того, что иерархии структурной организации межсистемных взаимосвязей субъективного благополучия с другими психическими образованиями, в частности этнической идентичности, весьма вариативны у представителей разных этногрупп (русских, татар, казахов, французов), что придает определенную вариативность содержательной наполненности субъективного благополучия личности и приводит к порождению новых, «модифицированных» форм её социальной активности [24]. Очевидно, что специфика соподчиненных связей взаимодействующих систем обнаруживается через содержание эмоционально-оценочных оснований, придающее разнонаправленный характер активности субъекта.

Особый интерес для описания субъективного благополучия, в частности его регуляторной роли, представляет метасистемный подход. Развитие метасистемной методологии позволяет выявить «парадокс высшего уровня системы» как специфического двуединства, присущего организационным связям (значимым способам взаимодействия), определяющим специфику именно этой системы [25, 26]. В системной иерархии всегда есть высший уровень, который генерирует в себе важнейшие отличительные свойства системы. Системная иерархия, по мнению А. В. Карпова, осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к

остальным частям системы [25]. И далее, как отмечает цитируемый автор, любое личностное образование обладает «двойной принадлежностью» – это одновременно и метасистемный, и системный уровень.

Метасистемный подход с выходом на проблему субъективного благополучия отражает роль субъективных отношений как связующего звена между субъектом и системой социальных отношений, подчеркивает его значимость в регуляции активности социального взаимодействия в разных временных и социальных пространствах жизнедеятельности человека, его способность к саморазвитию и самодетерминации в социальном контексте своего бытия.

В целом, на наш взгляд, можно выдвинуть предположение, согласно которому субъективное благополучие может быть рассмотрено как метасистема субъективных отношений со встроенными субсистемами: когнитивной, эмоциональной, конотативной (поведенческой), каждая из которых имеет свою структуру и организацию, состав и содержание. Особого внимания заслуживает изучение системных свойств субъективного благополучия, в частности, его уровневых характеристик: горизонтальных и вертикальных (например, на личностном, социально-психологическом, социокультурном уровнях). Не исключено, что изучение соотношения метасистемы и входящих в нее субсистем, специфики взаимодействия с иными метасистемами позволит выявить новые закономерности и феномены, расширить представление о функциональных, операциональных и регуляторных механизмах субъективного благополучия личности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что взаимодействие с различными системными образованиями обуславливает наличие качественно различных специфических характеристик субъективного благополучия как системы субъективных отношений, которая с этих позиций раскрывается многомерно и разносторонне.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант № 11-06-00026 а).

Список литературы

1. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб., 1997. 228с.
2. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности : психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 296 с.
3. Бочарова Е. Е. Теоретико-концептуальные основания исследования проблемы субъективного благополучия

- чия // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психол. науки. 2012. № 2. С. 38–45.
4. Бочарова Е. Е. Границы социальной активности и субъективное благополучие молодежи // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психол. науки. 2012. № 3. С. 5–11.
 5. Шамянов Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237–249.
 6. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. 234 с.
 7. Психология личности / под ред. П. Н. Ермаковой, В. А. Лабунской. М., 2007. 653 с.
 8. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 380 с.
 9. Рябикова З. И. Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций субъекта А. В. Брушлинского // Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной [и др.]. М., 2009. С. 525–538.
 10. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы в психологии. М., 1984. 444 с.
 11. Демин А. Н. О границе преобразовательной активности субъекта. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной [и др.]. М., 2009. С. 107–120.
 12. Марцинковская Т. Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. № 3(5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.01.2013).
 13. Калинин В. К. Границы в культуре и культура на границах // Журн. практического психолога. 2009. № 2. С. 42–69.
 14. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч. : в 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 243–385.
 15. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 400 с.
 16. Анцыферова Л. И. Социальное развитие личности как предмет психологического исследования : Методологические и теоретические аспекты // Психологические исследования социального развития личности. М., 1991. С. 5–38.
 17. Шамянов Р. М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.
 18. Бочарова Е. Е. Уровневые характеристики в структуре субъективного благополучия личности молодежи // Акмеология. 2012. № 1(41). С. 63–69.
 19. Sirgy M. J. The psychology of quality of life. Dordrecht ; Boston ; L., 2010. 230 p.
 20. Завалишина Д. Н., Барабанщиков В. А. Детерминация и развитие психики. Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990. 219 с.
 21. Ключко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психол. журн. 1998. Вып. 8–9. С. 7–15.
 22. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1984. 464 с.
 23. Голиков Ю. А., Костин А. Н. Проблема методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий // Психол. журн. 1995. № 4. С. 11–25.
 24. Бочарова Е. Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности : кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53–63.
 25. Карнов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М., 2004. 503 с.
 26. Карнов А. В. Метасистемный подход как методология изучения функциональных закономерностей психики // Ярославский психол. вестник. М. ; Ярославль, 2005. Вып. 15. С. 11–20.

Modern Approaches in Methodology of Research of Subjective Well-being of the Person

E. E. Bocharova

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The article deals with the modern methodological approaches to the study of subjective well-being of the person: description of the phenomenon, its regulatory and functional manifestations of a systemic position, structural system, the subject, the subject-existential and meta-system approaches. The hypothetical idea of subjective well-being as a meta-system level of integration of subjective relations: cognitive, emotional, connotative (behavioral) sub-systems, each of which has its own structural organization and content are discussed. Empirical arguments in support of the hypothesis are advanced by. The author comes to the conclusion that the development of subjective well-being requires compliance with the principles of modern scientific knowledge: inter-paradigmatic, system, search for new generalizations, integrating history of the problem with the requirements of the new approach.

Key words: person, experience, subjective well-being, subjectivity, research methodology subjective well-being.

References

1. Kulikov L.V. *Psikhologiya nastroyeniya* (Psychology of mood). St. Petersburg, 1997. 228 p.
2. Shamionov R. M. *Subyektivnoye blagopoluchiyе lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory*. (Subjective Well-being of person: Psychological picture and factors). Saratov, 2008. 296 p.
3. Bocharova E. E. Teoretiko-kontseptualnyye osnovaniya issledovaniya problemy subyektivnogo blagopoluchiya (The theoretic-conceptual bases of research of problem of subjective well-being). *Vestnik Moskovskogo gosudarst-*

- vennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki* (Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Science), 2012, no. 2, pp. 38–45.
4. Bocharova E. E. Granitsy sotsialnoy aktivnosti i subyektivnoye blagopoluchiye molodezhi (The frontiers of social activity and subjective well-being of youth). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki* (Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Science), 2012, no. 3, pp. 5–11.
 5. Shamionov R. M. O nekotorykh preobrazovaniyakh struktury subyektivnogo blagopoluchiya lichnosti v raznykh usloviyakh professionalnoy sotsializatsii (On some transformations of personality's subjective well-being structure in different conditions of professional socialization). *Mir psikhologii* (The World of Psychology), 2010, no. 1, pp. 237–249.
 6. Uznadze D. N. *Psikhologicheskiye issledovaniya*. (Psychological Research). Moscow, 1966. 234 p.
 7. *Psikhologiya lichnosti*/ pod red. P. N. Ermakova, V. A. Labunskaya (Personal Psychology / Eds. P. N. Ermakova, V. A. Labunskaya). Moscow, 2007. 653 p.
 8. Ananyev B. G. O *problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* (About the problems of modern anthropology). Moscow, 1977. 380 p.
 9. Ryabikina Z. I. Teoretiko-empiricheskaya interpretatsiya lichnosti s pozitsii subyektov A. V. Brushlinskogo (Theoretical-empiric interpretation of the personality from positions of subject by A. V. Brushlinskiy). *Subyektivnyy podkhod v psikhologii* / pod red. A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergiyenko (Subject approach in psychology / Eds. A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergiyenko). Moscow, 2009. Pp. 525–538.
 10. Lomov B. F. *Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy v psikhologii* (Methodological and theoretical problems in psychology). Moscow, 1984. 444 p.
 11. Demin A. N. O granitse preobrazovatelnoy aktivnosti subyektov. (About Border of Transforming Activity of Subject.) *Subyektivnyy podkhod v psikhologii* / pod red. A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergiyenko (Subject approach in psychology / Eds. A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergiyenko). Moscow, 2009. Pp. 107–120.
 12. Marsinkovskaya T. D. Perezhivaniye kak mekhanizm sotsializatsii i formirovaniya identichnosti v sovremennom menyayushchemsya mire (Emotional experience (perezhivanie) as socialization and identity formation mechanism in modern changing world). *Psikhologicheskie Issledovaniya* (Psychological research): 2009, no. 3(5), available at: <http://psystudy.ru>
 13. Kalinenko V. K. Granitsy v kulture i kultura na granitsakh (The frontiers in culture and a culture on the borders). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* (Journal of the practical psychologist), 2009, vol. 2, pp. 42–69.
 14. Vygotsky L. S. Voprosy detskoy (vozrastnoy) psikhologii (Questions of children's (age) psychology). *Sobraniye sochineniy v 6 tomakh* (Collected works: in 6 v.). Moscow, 1984, vol. 4, pp. 243–385.
 15. Bozhovich L. I. *Lichnost i yeye formirovaniye v detskom vozraste* (The personality and its formation at children's age). St. Petersburg, 2008. 400 p.
 16. Antsifirova L. I. Sotsialnoye razvitiye lichnosti kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya: metodologicheskiye i teoreticheskiye aspekty (Social development of the individual as a subject of psychological research: methodological and theoretical aspects). *Psikhologicheskiye issledovaniya sotsialnogo razvitiya lichnosti*. (Psychological studies of social development of the individual). Moscow, 1991. Pp. 5–38.
 17. Shamionov R. M. Psikhologicheskiye kharakteristiki sotsialnoy aktivnosti lichnosti (Psychological characteristics of a personality's social activity). *Mir psikhologii* (The World of Psychology), 2012, no. 3, pp. 145–154.
 18. Bocharova E. E. Urovnevyye kharakteristiki v strukture subyektivnogo blagopoluchiya lichnosti molodezhi (Leveling characteristics in structure of subjective well-being of the person of youth). *Akmeologiya* (Akmeology), 2012, no. 1 (41), pp. 63–69.
 19. Sirgy M. J. *The psychology of quality of life*. Dordrecht; Boston; L., 2010. 230 p.
 20. Zavalishina D. N., Barabanshchikov V. A. *Determinatsiya i razvitiye psikhiki. Printsip sistemnosti v psikhologicheskikh issledovaniyakh* (Determination and development of psyche. The principle of system in psychological researches). Moscow, 1990. 219 p.
 21. Klochko V. E. Stanovleniye mnogomernogo mira cheloveka kak sushchnost ontogeneza (Becoming a multi-dimensional world as the essence of human ontogeny). *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* (Siberian psychological Journal), 1998, vol. 8–9, pp. 7–15.
 22. Kuzmin V. P. *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* (The principle of consistency in the theory and methodology of K. Marx). Moscow, 1984. 464 p.
 23. Golikov Yu. A., Kostin A. N. Problema metodologicheskikh osnovaniy analiza mezhsistemnykh vzaimodeystviy (The problem of the methodological foundations of analysis of intersystem interactions). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychology Journal), 1995, no. 4, pp. 11–25.
 24. Bocharova E. E. Vzaimosvyaz subyektivnogo blagopoluchiya i sotsialnoy aktivnosti lichnosti: kross-kulturnyy aspekt (Interrelation of subjective well-being and social activity of the personality: cross-culture aspect). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social psychology and society), 2012, no. 4, pp. 53–63.
 25. Karpov A. V. *Metasistemnaya organizatsiya urovnevnykh struktur psikhiki* (Meta-system organization level structure of the psyche). Moscow, 2004. 503 p.
 26. Karpov A. V. *Metasistemnyy podkhod kak metodologiya izucheniya funktsionalnykh zakonornostey psikhiki* (Meta-systematic approach as a methodology for studying the functional patterns of the mind). *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik* (Yaroslavl Psychological Bulletin). Moscow; Yaroslavl, 2005, vol. 15, pp. 11–20.

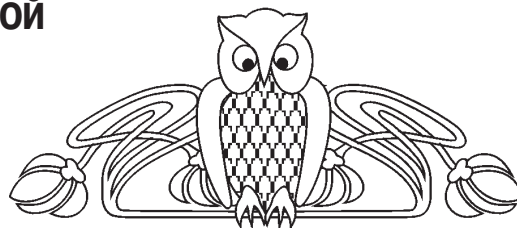

УДК 37.015.31

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКА НА ГОТОВНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

О. Н. Локаткова

Локаткова Ольга Николаевна – аспирант
кафедры психологии образования,
Саратовский государственный университет
E-mail: olga220989@yandex.ru

Рассматривается проблема влияния мотивации старшеклассников на их готовность к обучению в вузе. Описываются результаты исследования мотивов выбора профессии старшеклассников, их эмоционального отношения к процессу учения. Приводится структура мотивов учебной деятельности, которая помогает ориентироваться в вопросе различения мотивов учения старшеклассников. Подчеркивается, что положительная мотивация является внутренним источником активности личности в процессе обучения, самообразования и практической деятельности. Доказано, что отсутствие у старшеклассников достаточно глубокой мотивации выбора профессии и устойчивых интересов снижает качество их подготовки к обучению в вузе.

Ключевые слова: старшеклассники, готовность к обучению в вузе, мотивация, внутренние и внешние мотивы.

Каждый человек индивидуален, и он сам выбирает стиль жизни, свой профессиональный путь. Становление индивидуальных различий, профессиональных интересов происходит в процессе включения, интеграции старшеклассников в систему общественных отношений, сравнения себя с другими людьми. Подростковый – самый сложный возрастной период. В этом возрасте происходит становление личности, у старшеклассника формируются индивидуальные особенности и характеристики – эмоциональные, мотивационные, самоидентификация, возникновение ответственности за себя, самостоятельность в выборе дальнейшего стиля жизни [1].

Подросток, выбирая профессию и овладевая ею, стремится развить у себя необходимые личностные качества. Профессиональное самоопределение является частью личностного самоопределения, человек выбирает те профессии, которые отвечают сложившимся у него представлениям о самом себе и в которых он может самоутвердиться. Выбор профессии школьником только на первый взгляд представляется одномоментным актом принятия решения. На самом деле, по мнению Е. А. Климова, он осуществляется по формуле «мгновение плюс вся предшествующая жизнь» [2, с. 110]. Другими словами, момент выбора является завершающей точкой длительного процесса профессионального самоопределения. Начинается этот процесс

уже в ролевых играх дошкольников. Психологическое сопровождение профессионального самоопределения школьников часто сводится к непродолжительным профконсультациям в 9-м и 11-м классах. Однако в настоящее время, когда, по социологическим данным, только половина учащихся после окончания вузов устраивается на работу по специальности, этого явно недостаточно. В последние годы одновременно с ростом желания людей получить высшее образование растет и недовольство преподавателей недостаточной самостоятельностью, инициативностью, неуверенностью в выборе профессии, недостаточной подготовкой абитуриентов. Причиной неуспешности в обучении студентов является их неготовность к обучению в вузе. В отечественной психологии готовность связывают с такими понятиями, как установка, предрасположенность субъекта к определенному способу поведения, способность человека ставить цель, выбирать способы ее достижения, осуществлять самоконтроль и самоуправление, способность преодолевать трудности, оценивать свои способности и потребности. Как отмечает В. Н. Дружинин, психологическая готовность является психическим состоянием, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта труда на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной деятельности или трудовой задачи [3]. Это состояние помогает успешно выполнять свои обязанности, правильно использовать знания, опыт, личные качества, сохранять самоконтроль и перестраивать деятельность при появлении непредвиденных обстоятельств.

Готовность к дальнейшему профессиональному обучению, положительная мотивация являются внутренними источниками активности личности в процессе приобретения знаний, умений и навыков, необходимых для дальнейшего обучения, самообразования и будущей практической деятельности. Таким образом, важна мотивация, определяющая тот или иной профессиональный выбор. Отсутствие у старшеклассников достаточно глубокой мотивации выбора профессии и устойчивых интересов снижает и качество их

подготовки. В связи с этим одной из центральных проблем педагогической психологии является исследование потребностно-мотивационной сферы личности учащегося и ее влияния на готовность к обучению в вузе.

Потребностная и мотивационная сферы личности оказывают значительное влияние на эффективность учебной деятельности. Любая деятельность инициируется, поддерживается и прекращается под воздействием мотивов человека, является источником активности личности. Мотив – это предмет, соответствующий потребности, на который направлена деятельность. В системе мотивов можно выделить внутренние и внешние. Положение о том, что внутренняя мотивация учения является наиболее естественной, ведущей к наилучшим результатам в процессе обучения, является аксиоматическим. При этом к внутренним мотивам учения относят обычно собственно познавательные интересы, непосредственную заинтересованность учащегося в реализации процесса и достижении результата учения. В то же время очевидно, что учебный процесс также может побуждаться моментами, являющимися внешними мотивирующими факторами, относительно которых цель учебного процесса предстает как простое средство или условие их достижения. Среди них – ориентация учащегося на оценку и другие формы поощрения и наказания, престижно-лидерские моменты. Еще больше насыщены внешними моментами такие мотивы: учеба как вынужденный долг, процесс учебы как условие проявления демонстративности, стремление оказаться в центре внимания. Эти мотивационные факторы могут оказывать и негативное влияние на характер и результаты учебного процесса. Наиболее резко выражено присутствие внешних моментов, инвертирующих внутреннюю предметную структуру, в таких мотивационных установках, как учеба ради материального вознаграждения и избегание неудач как мотив учения [4].

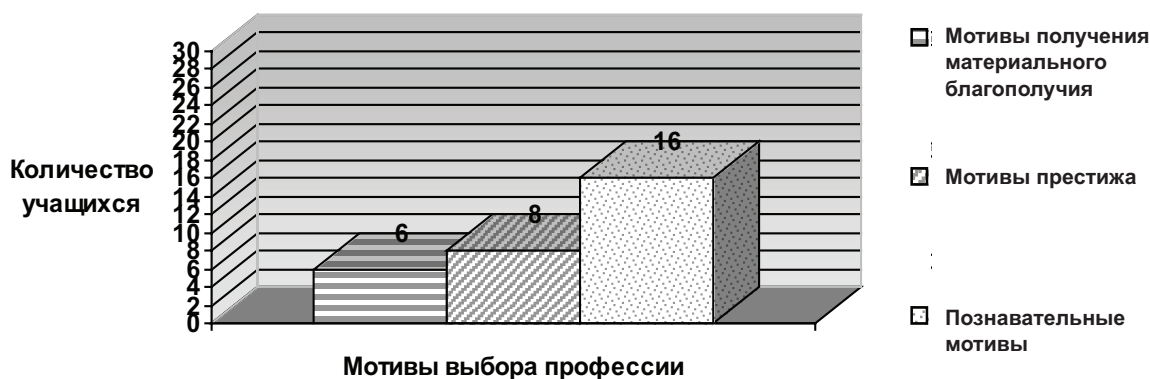
Несформированность мотивации дальнейшего профессионального обучения приводит к тому, что обучающиеся к концу учёбы теряют интерес к выбранной специальности. Неудачное профессиональное самоопределение и недостаточная самореализация могут стать причиной многих собственно психологических, жизненных проблем [5]. Осознаваемые внутренние мотивы, связанные со стремлением к познанию, к творческим достижениям, профессиональному совершенствованию, широкие социальные с альтруистической и коллективистской направленностью, социальные мотивы личного и семейного престижа способствуют в процессе обучения старшеклассников развитию положительного отношения к избранной профессии, уверенности

в своем профессиональном выборе. В связи с этим возникает необходимость изучения осознаваемых мотивов, активизирующих личность в процессе познания.

Ввиду актуальности рассматриваемой проблемы целью данного исследования является изучение влияния мотивационной сферы личности старшеклассника на готовность к обучению в вузе. В экспериментальной работе приняли участие 30 учащихся 11-х классов медицинского лицея Саратова. В процессе работы регистрировались мотивационные установки старшеклассников обучения в вузе (познавательная мотивация, мотивы престижа, мотивация достижения, получения материального благополучия). Использовались следующие методики: «Мотивы выбора профессии» (С. С. Гриншпун), «Тест-опросник диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы» (Ч. Спилбергер, модификация А. Д. Андреевой) [6].

Основой анализа послужила статистическая обработка, группировка данных и сравнение центральных тенденций в выборке испытуемых. При обработке данных были рассмотрены распределения количества ответов, согласно которым можно судить о наличии у старшеклассников типа мотивации – внутренней (познавательной) и внешней (престижа, материального благополучия). Опора на эти статистические величины позволяет описать «типичного» старшеклассника, т.е. образ испытуемого, он является характеристикой группы в целом, учебная деятельность которого направляется определенными мотивами.

Согласно результатам исследования, у старшеклассников лицея преобладает познавательная мотивация учения, что говорит о положительном эмоциональном отношении к процессу обучения и об уверенном выборе учащимися будущей профессии. Для личности учащегося осознанность своего профессионального выбора служит важным фактором социальной регуляции его поведения и деятельности. Старшеклассник, впоследствии студент вуза, максимально включен в учебную деятельность, социально активен, устремлен в будущее, ему присуще чувство эмоционального благополучия, значение которого особенно велико для адаптации абитуриента в вузе. В группах также большое количество ребят, у которых, согласно результатам исследования, преобладает внешняя мотивация учения – мотивы престижа и/или мотивы получения материального благополучия. Эти учащиеся, окончивая среднее и общеобразовательное учреждение, делают выбор не всегда обоснованно, не по призванию, а лишь из стремления получить высшее образование (рисунок).

Результаты, полученные с помощью теста-опросника «Мотивы выбора профессии»

Анализируя результаты, полученные с помощью теста-опросника диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы (Ч. Спилбергер, модификация А. Д. Андреевой), можно сказать следующее: 40% учащихся имеют выраженное преобладание познавательной мотивации и мотивации достижения, у данных учащихся наблюдаются также положительное эмоциональное отношение к процессу учения, высокая познавательная активность. 25% учащихся имеют позитивное отношение к учению, но у них наблюдается больше внешних мотивов учения. Из бесед со школьниками выяснилось, что старшеклассники поступили в данное учебное заведение ввиду его престижности, возможности в будущем построить карьеру, хорошо зарабатывать. Некоторые из них пошли учиться, так как их попросили родители. У 20% старшеклассников наблюдается равная выраженность позитивной и негативной мотивации учения, амбивалентное отношение к нему. Согласно ответам на тест-опросник, 15% учащихся имеют сниженную мотивацию учения, им свойственно переживание «школьной скуки», отрицательное эмоциональное отношение к нему.

Позитивное эмоциональное состояние влияет на мотивационные установки и тесно связано с готовностью старшеклассников к взаимодействию с образовательной средой вуза. Перед учащимися в этом возрасте стоит множество серьезных задач: построение новых отношений с окружающими, определение области своих профессиональных интересов. Отсутствие положительных эмоциональных переживаний приводит к стрессам, угнетенному состоянию, озлоблению. Подростки оказываются в ситуации повышенной неопределенности. Результаты исследования показывают, что у большинства старшеклассников наблюдается продуктивная мотивация с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения и положительным эмоциональным отношением к нему.

Данные, полученные с помощью вышеперечисленных методик, подтверждаются ответами старшеклассников на вопросы, чем они руководствовались при выборе профиля обучения, какие потребности и интересы были реализованы в связи с выбором данного учебного заведения. Учащиеся, у которых преобладают познавательные мотивы, отметили следующие собственные актуальные потребности: стремление к новому, неизвестному, развитие своих способностей, занятие своим любимым делом; стремление быть полезным в обществе, самовыражение (см. рисунок). Старшеклассники, у которых преобладает внешняя мотивация, отмечают удовлетворение в связи с выбором определенного учебного заведения следующих потребностей: в будущем обеспечить себе материальный комфорт, зарабатывать хорошо на жизнь, стремление добиться признания и уважения со стороны окружающих, желание получить высшее образование (см. рисунок).

Таким образом, удалось выявить структуру мотивов учебной деятельности старшеклассников лица. Обобщив изученные характеристики мотивации выпускников лица при выборе профессии, можно сформулировать основные группы мотивов. К внутренним мотивам предстоящего обучения в вузе относятся:

1) познавательные – интерес к предмету, стремление проверить свои силы и возможности на практике;

2) творческие – развитие своих способностей, получение возможности самовыражения;

К внешним мотивам следует отнести:

1) мотивы влияния – воздействие СМИ, родителей, товарищей (что может создавать неправильное представление о профессии);

2) мотивы престижа – приобретение материального благополучия, получение высшего образования.

Внешняя мотивация во многом оказывает неблагоприятное влияние на учебную деятельность старшеклассников – будущих студентов.

Необходимое условие успешного обучения в вузе – активность и заинтересованность, так как только активное взаимодействие с объектом деятельности позволяет личности проявить свои способности, совершенствовать собственные знания и умения, достичь высоких показателей в учебной деятельности. Положительная мотивация, положительное отношение к профессии играют очень важную роль в формировании готовности к обучению в вузе, приобретению знаний, умений и навыков, необходимых как для дальнейшего обучения, так и для будущей профессиональной деятельности. Это положение открывает перед преподавательским составом школы возможность целенаправленно использовать реально действующие мотивы в учебно-воспитательном процессе. Выявление и развитие индивидуальных способностей старшеклассника в учебном процессе, ориентация на их личностные интересы и потребности способствуют самоопределению старшеклассников, как личностному, так и профессиональному. Такой характер отношений между педагогом и учащимся способствует разрешению проблем самоорганизации старшеклассников, выбору

стиля и образа жизни, дальнейшему овладению профессией, психологической готовности к обучению в профессиональном учебном заведении.

Список литературы

1. Пружинин К. Н. Средняя и высшие школы как основа взаимодействия элементов системы профессионального образования в области физической культуры и спорта // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2010. Вып. 13. С. 115–118.
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М., 2004. С.110.
3. Психология : учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под ред. В. Н. Дружинина. СПб., 2009. 656 с.
4. Зотова Н. Н. Происхождение ошибок старшеклассников при выборе профессии и возможность их профилактики // Вестн. Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. Вып. 2. С. 102–111.
5. Мильман В. Э. Внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности // Вопр. психологии. 1987. Вып. 5. С. 129–138.
6. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М., 2007. 56 с.

Influence by the Needs and the Motivational Sphere of the Identity of the High School Student on Readiness for Training in Higher Education Institution

O. N. Lokatkova

Saratov state University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: olga220989@yandex.ru

In the article the problem of motivational influence of high school students on their readiness for training in higher education institute is considered. The results of the study of professional motives of high school students, their emotional attitude to the process of teaching are described. The author gives the structure of motivation of educational activity which helps to orient in the question of differentiation of the motives of teaching of high school students. It is emphasized, that the positive motivation is an internal source of active personality in the process of learning, self-education and practical activities. It is proved that the lack of senior pupils' deep enough motivation of choice of profession and the interests leads to sustainable reduces the quality of their training to study in the University.

Key words: high school students, a willingness to learn in high school, motivation, internal and external motives.

References

1. Pruzhinin K. N. Srednyaya i vysshie shkoly kak osnova vzaimodeystviya elementov sistemy professionalnogo obrazovaniya v oblasti fizicheskoy kultury i sporta (Secondary and high schools as the basis of interaction of elements of vocational training system in the field of physical training and sports). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* (Buryat State University Bulletin), 2010, no. 13, pp. 116–118.
2. Klimov E. A. *Psikhologiya professionalnogo samoopredeleniya* (The psychology of professional self-determination). М., 2004. 352 p.
3. Druzhinin V. N. *Psikhologiya* (Psychology). St. Petersburg, 2009. 656 p.
4. Zotova N. N. Proiskhozhdeniye oshibok starsheklassnikov pri vybore professii i vozmozhnost ikh profilaktiki (Origin of errors of senior pupils when choosing a profession and the possibility of their preventive maintenance). *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya* (Moscow State University Bulletin. Ser. 14: Psychology), 2010, no. 2, pp. 102–111.
5. Milman V. E. Vnutrennyaya i vneshnyaya motivatsiya uchebnoy deyatel'nosti (Internal and external motivation of educational activity). *Voprosy psikhologii* (Questions of psychology), 1987, no. 5, pp. 129–139.
6. Prikhozhan A. M. *Diagnostika lichostnogo razvitiya detey podrostkovogo vozrasta* (Diagnostics of personality development of children of teenage age). Moscow, 2007. 56 p.

УДК 316.6+159.9:61

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К СИТУАЦИИ ТЯЖЕЛОГО, ИНВАЛИДИЗИРУЮЩЕГО СОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

М. М. Орлова

Орлова Мария Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

Представления о здоровье и болезни являются базовыми для самосознания человека, как в ситуации здоровья, так и в ситуации болезни. Выявление специфичности представлений о здоровом и больном человеке в ситуации тяжелого стигматизирующего заболевания имеет объяснительный характер и проясняет механизм выбора адаптационных стратегий. В исследовании выявлено, что для больного туберкулезом представления о здоровье выражают отношение к здоровью как к утраченной ценности. Представления о больном носят характер адаптации к изменению своей социальной роли, которая подчеркивает неудовлетворенность собой, попытку нахождения оправданий своему положению среди других людей, страху перед негативными перспективами и попытками разрешить кризис идентичности. Полученные результаты могут быть использованы в реабилитационной практике.

Ключевые слова: социальные представления, самоотношение, кризис идентичности, психологические защиты, копинг-стратегии.

Исследование социальных представлений можно рассматривать как широкую область социально-психологического изучения социальных систем. Социальные представления или репрезентации – это идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, которые формируются в социальных взаимодействиях. Они одновременно являются результатом коммуникации и служат ее основой [1]. Теория социальных представлений получила известность благодаря работам французского социального психолога С. Московичи; она основана на теории индивидуальных и коллективных представлений Э. Дюркгейма [2, с. 23–58]. Во многом социальные представления, как считает Московичи, являются основными составляющими социальной реальности. В то же время это, скорее, факт индивидуального сознания, способ интерпретации и осмысления повседневной реальности [3, с. 289–314].

Категория «житейские понятия», разработанная в отечественной психологической науке Л. С. Выготским [4, с. 184], может быть соотнесена с категорией «социальные представления». Житейские понятия образуются на основе собственного опыта, поэтому противопоставлялись научным представлениям. «Житейские понятия»

Л. С. Выготского и «социальные представления» С. Московичи сходны, так как и те, и другие являются упрощенными обыденными знаниями о социальных явлениях и феноменах. С. Л. Рубинштейн считал, что с категорией «социальное представление» наиболее сходны «понятие» и «суждение» [5, с. 331].

Изучением представлений как ценностных ориентаций занимались Д. А. Леонтьев [6, с. 13–25], Е. Е. Насиновская [7].

Как считает Д. А. Леонтьев, ценности существуют в трёх основных формах: общественных идеалах, в предметном воплощении этих идеалов, в мотивационных структурах личности. Ценности, отражённые в сознании человека, называются ценностными представлениями, они разделяются на ценностные стереотипы и ценностные идеалы. Представления о больном и здоровом человеке связаны с ценностными представлениями, в частности, с представлением о здоровье. Исследование социальных представлений предполагает необходимость решения вопросов их формирования, структуры и функций [8, 9].

Социальные представления в современной отечественной социальной психологии изучаются как механизм социального мышления К. А. Абульхановой-Славской, Г. М. Андреевой и др. [3, 8]. Г. М. Андреева рассматривает социальные представления наряду с социальной идентичностью в качестве основы изучения образа социального мира [10, с. 31–40]. К. А. Абульханова-Славская, рассматривая представление как процесс активного социально-психологического воссоздания реальности, считает, что сознание и мышление является обобщением личностью того способа жизни, которого она сумела достичь в конкретных социальных условиях.

Вопрос оценивания здоровья и болезни получил свое развитие в когнитивных исследованиях. К ним, прежде всего, относятся модели – социального научения А. Бандуры [11] и социального познания Андреевой [8, 12, 13]. И. Б. Бовина, автор исследования социальных представлений здоровья и болезни, рассматри-

вает проблему прогнозирования здорового поведения именно с точки зрения этих моделей [14, с. 234–240]. Формирование социальных представлений, касающихся здоровья и болезни, связано с целым рядом факторов: ценностью здоровья, соотношением себя со здоровым или больным человеком, позицией, которую занимает человек в системе отношений и которые формируются в связи с болезнью; знанием о болезни, которое включено в сложившуюся картину мира.

Мы считаем, что представления о больном и здоровом человеке являются социальными, поскольку это опосредованное знание, передающееся через житейский и научный опыт, позволяющее человеку лучше адаптироваться к условиям жизни, дающее возможность коммуникации. Исследования в области социальных представлений позволяют лучше понять функции представлений о больном и здоровом человеке в процессе формирования субъективных составляющих ситуаций здоровья и болезни. Кроме того, представления о больном и здоровом человеке являются формой социальной установки, в которой реализуется недостаточность поля представления, и выполняют функцию адаптации как к ситуации здоровья, так и болезни

Работа К. Эрзлиш – одно из первых исследований, выполненных с позиции теории социальных представлений о здоровье и болезни [15]. Здоровье и болезнь в этом исследовании понимаются во взаимосвязи друг с другом, а также через отношения *индивид – общество*. Болезнь ассоциируется с неактивностью, а не с болью, другими ощущениями или симптомами, а здоровье – с активностью. Активность понимается как потенциал для того, чтобы быть включенным в общество, работать, нарушение активности – признак болезни. Таким образом, здоровье и болезнь исследуются с точки зрения социальной психологии. К. Эрзлиш рассматривает болезнь как деструкцию, как освободителя и как род занятий. В представлении о болезни неизбежно выступает фигура больного, т.е. характер его социального статуса и социальной идентичности. Здоровье и болезнь можно исследовать как ситуации, которые определяют «способ интерпретации общества индивидом» [14] и «способ отношения индивида к обществу».

В работе О. С. Васильевой и Ф. Р. Филатова, посвященной изучению представлений о здоровье и здоровом человеке, было выделено три фактора представлений о здоровье [16]. Первый – *адаптация или приспособленность* (включающая понятия: норма/адекватность, сила/крепость, работоспособность, внешняя привлекательность, общительность /коммуникабельность и др.); второй – *внутренняя согласованность* (гармония, спокойствие, самообладание, уравновешенность

и др.), третий – *самореализация* (активность/целеустремленность, возможности/реализация возможностей, развитие, свобода, творчество и др.). Авторы рассматривают понятие «социокультурный эталон здоровья» как социокультурный феномен [16, с. 43] и непосредственный результат использования конкретной концепции в реальной социальной практике [16, с. 43]. Активность, как целеустремленность в рамках данного понятия оказывается одним из значимых элементов представления о здоровье.

С точки зрения И. Б. Бовиной, одновременное изучение представлений о здоровье и болезни является плодотворным, более информативным и комплексным, чем исследование представлений только о здоровье либо только болезни, ибо эти системы взаимосвязаны. А. С. Нелюбова считает, что представления пациента о болезни не являются абстрактными, оторванными от жизни идеями – они определяют поведение человека в ситуации болезни [17]. Подобное поведение может быть как способствующим выздоровлению, так и не способствующим.

Субъективные представления о болезни могут рассматриваться как знания, трансформированные обыденным сознанием и выполняющие регулирующую по отношению к поведению функцию [18, 19]. Л. П. Урванцев отмечает, что часто встречающееся несогласие пациента с лечением объясняется тем, что пациент имеет свое мнение о причинах, методах лечения болезни, не совпадающее с мнением врача, поэтому он предлагает выяснять это мнение и обсуждать его с пациентом [20, 21]. Искажение концепции болезни может быть вызвано действием, прежде всего, неосознаваемых адаптационных механизмов [22, 23].

Таким образом, исследование социальных представлений о здоровье и болезни, здоровом и больном человеке были выполнены как в контексте социальной, так и медицинской психологии. Актуальность таких исследований высока как для той, так и другой научной области. Целью исследования была попытка проанализировать специфичность представлений о здоровом и больном человеке в ситуации здоровья и в ситуации тяжелого стигматизирующего заболевания.

Материалы и методы

Были проведены исследования как здоровых испытуемых (186 человек), так и больных туберкулезом легких, имеющих вторую группу инвалидности (26 человек) в возрасте от 25 до 60 лет (мужчины и женщины). Использован комплекс методов: исследование представлений о здоровье и болезни было проведено с помощью методики незаконченных предложений и анкеты. Анализ представлений был дополнен анализом корреляций с факторами идентичности и само-

отношения, а также адаптационных механизмов, к которым были отнесены психологические защиты и копинг-стратегии. Исследование самооотношения проводилось по методике МИС, определение идентичности – по методике Куна «Кто Я», анализ представлений о здоровом и больном человеке – методом анкетирования, «Исследование жизненного стиля» Келлермана–Плутчика–Конте применялось для анализа психологических защит, «Исследование копинг-стратегий» Лазаруса – для копинг-стратегий, кроме того, проводилось исследование ретроспективной оценки переживания здоровья и болезни.

При статистической обработке результатов были рассчитаны среднеарифметические значения, стандартные отклонения, выявлена достоверность различий между группами согласно *t*-критерию Стьюдента, а также применен метод корреляционного анализа Пирсона с помощью компьютерной программы SPSS-19. Были рассмотрены корреляционные зависимости со степенью достоверности 0,05.

Результаты исследования

Сравнительный анализ представлений о здоровом человеке в группах здоровых испытуемых и больных туберкулезом выявляет следующие различия: в группе здоровых испытуемых достоверно чаще встречается представление, что «быть здоровым – это быть счастливым» (0,5/0,03; $t = 7,1$; $p < 0,1$), в группе больных туберкулезом – «...не болеть, не иметь проблем» (0,33/0,08; $t = 4,6$; $p < 0,01$), «...иметь возможность жить дальше» (0,9/0,08; $t = 4,3$; $p < 0,01$), «...работать» (0,09/0; $t = 3,4$; $p < 0,01$).

Незаконченное предложение «если я здоров, то я могу...» в группе здоровых чаще завершали словами «...могу все» (0,68/0,38; $t = 4,2$; $p < 0,01$). В группе больных туберкулезом чаще встречается вариант «...могу работать» (0,34/0,12; $t = 8,9$; $p < 0,01$). Предложение «следующие вещи помогают здоровью...» здоровые испытуемые чаще заканчивают таким образом: «...здоровью помогает образ жизни» (0,36/0,03; $t = 5,1$; $p < 0,01$), больные туберкулезом – «...здоровью помогают лекарства» (0,34/0,08; $t = 5,1$; $p < 0,01$) и «...здоровью ничто не поможет» (0,12/0,01; $t = 8,6$; $p < 0,01$).

На предложение «здравоохранение помогает здоровью...» больные туберкулезом достоверно чаще реагируют отрицанием «...здравоохранение не помогает здоровью» (0,32/0,17; $t = 3,2$; $p < 0,01$). Предложение «я смогу восстановить свое здоровье...» здоровые достоверно чаще заканчивают ответом «...смогу» (0,54/0,17; $T = 3,4$; $p < 0,01$), больные туберкулезом – «...не смогу» (0,4/0,17; $t = 3,7$; $p < 0,01$) или «...нет времени» (0,16/0,09; $t = 2,8$; $p < 0,01$). Предложение «прилично ли хотеть быть здоровым...» в группе

здоровых испытуемых чаще поддерживали – «...прилично» (0,6/0,4; $t = 3,1$; $p < 0,01$), больные туберкулезом отвергали – «...не прилично» (0,17/0,03; $t = 3,4$; $p < 0,01$).

Таким образом, для здоровых испытуемых характерно недифференцированно позитивное отношение к здоровью. Для больных туберкулезом особенно значима работа как возможность, которую дает здоровье. Здоровью, по их мнению, помогают лекарства. При этом они пессимистически относятся к возможности сохранить здоровье и к роли здравоохранения в решении проблем здоровья. Интересно, что у больных туберкулезом формируется представление о социальном неодобрении желания быть здоровым.

Анализ корреляционных зависимостей дает возможность оценить степень влияния того или иного представления о здоровье на личность больного. Для больных туберкулезом характерно:

представление о том, что быть здоровым значит не болеть, фиксирует восприятие болезни как страдания, а не как социальной ограниченности. Поскольку это представление характерно для больных туберкулезом, его смысл – в переживании, которое вызвано утратой возможностей, связанных со здоровьем, и фиксированности на страхе соматического страдания;

представление о том, что здоровье – это возможность жить дальше, связано с восприятием себя как человека, для которого значима сфера общения и социального взаимодействия, хотя именно она становится проблемной в связи с болезнью. Можно считать оптимизирующим фактором то, что больной в большей степени видит опору в себе и своей семье;

представление, что быть здоровым – это работать, характерно для взрослых мужчин, которые хотят быть нужными и стараются преодолеть телесное страдание, т.е. данное представление можно рассматривать как способ преодоления болезни за счет самореализации;

представление о том, что быть здоровым – это быть нужным, активизирует психологические защиты и позволяет идентифицировать себя с активным человеком;

наличие веры в лекарства дает надежду на восстановление себя в статусе активного человека;

пессимизм в отношении сохранения здоровья связан с утратой веры в лекарства и попыткой найти поддержку в религиозном мировоззрении, а также подчеркивает значимость опоры на собственную личность;

недоверие к здравоохранению, на которое возлагались неоправдавшиеся надежды, снижает позитивное отношение к себе, восприятие себя как активного человека;

представление о невозможности восстановления собственного здоровья у больных туберкуле-

зом снижает как осознаваемые, так и неосознанные адаптационные механизмы, т.е. возможность сопротивления болезни;

представление о социальном неодобрении желания быть здоровым позволяет рассматривать здоровье как аналог возможности достигать цели, быть активным, иметь планы и пассивные формы копинг-стратегий, к которым, видимо, и относится представление о неудобстве желания быть здоровым, т.е. успешным.

Представления больного о здоровье можно рассматривать как адаптацию к ситуации, в которой здоровье рассматривается утраченным. Они предполагают как пессимизм в отношении сохранения собственного здоровья (который снижает и активность адаптационных механизмов, и позитивное отношение к себе), так и попытки опереться на лекарства, помощь здравоохранения. Такая опора не оправдывает надежд и еще в большей степени подрывает веру в себя.

Можно сказать, что представления о здоровом и больном человеке имеют адаптационный характер и зависят от особенностей ситуации, в которой находится человек. Для больного туберкулезом представления о здоровье выражают отношение к здоровью как к утраченной ценности. Она выражается в возможности активной реализации себя, в частности, в работе. Адаптационный характер представлений о здоровье связан с представлением о том, что желание быть здоровым является социально неодобряемым, поскольку неудобно быть здоровым в мире, где так много больных людей. Представления о больном носят характер адаптации к изменению своей социальной роли, которая подчеркивает неудовлетворенность собой, попытку нахождения оправданий своему положению среди других людей, страху перед негативными перспективами и попытками разрешить кризис идентичности.

Список литературы

1. Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин [и др.]. Минск, 2003. 1312 с.
2. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представлений коллективные // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 23–58.
3. Абульханова-Славская К. А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. и общ. ред. А. Л. Свенцицкого. СПб., 2000. С. 289–314.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 2. 504 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999. 720 с.
6. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
7. Насиновская Е. Е. Методы исследования мотивации личности. Опыт исследования личностно-смыслового аспекта мотивации. М., 1988. 80 с.
8. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. 288 с.
9. Шихурев П. Н. Современная социальная психология. М. ; Екатеринбург, 2000. 448 с.
10. Андреева Г. М. Образ мира в структуре социального познания // Мир психологии. 2005. № 4. С. 31–40.
11. Bandura A. Social foundations of thoughts and action : A social cognitive theory. N.Y., 1986. 332 p.
12. Schwarzer R., Gutierrez-Dona B. Health Psychology // International Handbook of Psychology / ed. K. Pawlik, M. Roscnzwcig. L., 2000. P. 452–465.
13. Salovey P., Rothman A., Rodin J. Health behavior // The Handbook of Social Psychology / ed. D. Gilbert et al. 1998. Vol. 2. P. 633–683.
14. Бовина И. Б. Психология здоровья : от когниций к поведению или от поведения к когнициям // Мир психологии. 2007. № 1. С. 234–240.
15. Herzlich C. Health and illness: a social psychological analysis. L., 1973. 357 p.
16. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека. Феномен здоровья в культуре, психологической науке и обыденном сознании. Ростов н/Д, 2005. 408 с.
17. Нелюбова А. С. Роль обыденных представлений в формировании внутренней картины болезни : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 243 с.
18. Тхостов А. Ш., Арина Г. А. Теоретические проблемы исследования внутренней картины болезни // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психических и соматических заболеваниях : сб. науч. тр. / под общ. ред. М. М. Кабанова. Л., 1990. С. 32–38.
19. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М., 2002. 287 с.
20. Урванцев Л. П., Яковлева Н. В. Формирование психологической компетентности врача в процессе обучения в медицинском вузе // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 4. С. 98–108.
21. Урванцев Л. П., Кодочигова И. А. Психологические аспекты общения в диаде «врач–больной» // Ярославский психологический вестн. 2001. Вып. 5. С. 96–108.
22. Ташлыков В. А. Психология лечебного процесса. Л., 1984. 232 с.
23. Вассерман Л. И., Вукс А. Л., Иовлев Б. В., Карпова Э. Б. О психологической диагностике типов отношения к болезни // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психических и соматических заболеваниях : сб. науч. тр. / под общ. ред. М. М. Кабанова. Л., 1990. С. 8–16.

Comparative Analysis of the Social Concepts Role in Adapting to the Situation of Severe Disabling Somatic Disease

M. M. Orlova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

Perceptions of health and illness are basic to human consciousness, as in health situation and in situation of the disease. Identifying specificity concepts of healthy and sick person in a situation of severe stigmatizing disease is to aid understanding and clarify the mechanism of selecting adaptation strategies. The study found that for patients with tuberculosis express ideas about health related to health as the lost value. Representation of the sick are in the nature of adaptation to change their social role, which emphasizes the dissatisfaction with themselves, trying to find excuses to their position among other people, the fear of negative perspectives and attempts to resolve the crisis of identity. The article analyzes adaptive strategies of patients with pulmonary tuberculosis in terms of the author's «disease situation» concept. The identified strategies are considered as an aspect of the subjective element of the «disease situation». The results can be used in rehabilitation practice.

Key words: social notions, self-attitude, identity crisis, psychological protection, coping-strategies.

Reserences

1. *Sotsiologiya: Entsiklopediya* (Sociology: Encyclopedia). Minsk, 2003. 1312 p.
2. Durkheim E. Individual and Collective Representations. *Sociology and Philosophy*. N.Y., 1974, pp. 1–34 (Russ. ed.: Dyurkheim E. Predstavleniya individualnyye i predstavleniya kollektivnye. *Sotsiologiya: ee predmet, metod, prednaznachenije* (Sociology: its subject, method, predestination). Moscow, 1995. Pp. 23–58).
3. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Sotsialnoye myshleniye lichnosti: problemy i strategii issledovaniya (Social Thinking of the Person: Problems and Investigation Strategies). *Sotsialnaya psikhologiya v trudakh otechestvennykh psikhologov* (Notion of the social psychology in the works of Russian psychologist). St. Petersburg, 2000. Pp. 289–314.
4. Vygotsky L. S. *Thought and Language*. Cambridge, MA, 1962, 287 p. (Russ. ed.: Vygotsky L. S. Myshleniye i rech. *Sobraniye sochineniy: V 6 t.* (Collection of Works: In 6 vol.) Moscow, 1982. Vol. 2. Pp. 5–361).
5. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* (The Basics of General Psychology). St. Petersburg, 1999. 720 p.
6. Leontyev D. A. Tsennostnye predstavleniya v individualnom i gruppovom soznanii (Value representations in the individual conscience and group conscience). *Psikhologicheskoye obozreniye* (Psychological Review), 1998, no.1, pp. 13–25.
7. Nasinovskaya E. E. *Metody issledovaniya motivatsii lichnosti. Opyt issledovaniya lichnostno-smyslovogo aspekta motivatsii* (Methods of studying the person's motivation. the experience of studying the personal meaningful aspect of motivation). Moscow, 1988. 80 p.
8. Andreeva G. M. *Psikhologiya sotsialnogo poznaniya* (Psychology of social cognition). Moscow, 2000. 288 p.
9. Shikhirev P. N. *Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya* (Modern social psychology). Moscow; Yekaterinburg, 2000. 448 p.
10. Andreeva G. M. Obraz mira v strukture sotsialnogo poznaniya (The Image of the world in the social cognition structure). *Mir psikhologii* (The world of psychology), 2005, no. 4, pp. 31–40.
11. Bandura A. *Social foundations of thoughts and action: a social cognitive theory*. N.Y., 1986. 332 p.
12. Schwarzer R., Gutierrez-Dona B. Health psychology. *international handbook of psychology*. L., 2000. Pp. 452–465.
13. Salovey P., Rothman A., Rodin J. Health Behavior. *The handbook of social psychology*, 1998, vol. 2, pp. 633–683.
14. Bovina I. B. Psikhologiya zdorovya: ot kognitsiy k povedeniyu ili ot povedeniya k kognitsiyam (Psychology of health: from cognitions to behavior or from behavior to cognitions?). *Mir psikhologii* (The World of psychology), 2007, no. 1, pp. 234–240.
15. Herzlich C. *Health and illness: a social psychological analysis*. L., 1973. 357 p.
16. Vasilyeva O. S., Filatov F. R. *Psikhologiya zdorovya cheloveka. Fenomen zdorovya v kulture, psikhologicheskoy nauke i obydennom soznanii*. (Psychology of human health. The phenomenon of health in culture, psychology and ordinary conscience). Rostov-on-Don, 2005. 480 p.
17. Nelyubova A. S. *Rol obydennykh predstavleniy v formirovaniy vnutrenney kartiny bolezni: Dis. ... kand. psihol. nauk* (The role of popular ideas in the formation of inner disease pattern: Cand. psych. sci. diss.). Moscow, 2009. 243 p.
18. Tkhostov A. Sh., Arina G. A. Teoreticheskiye problemy issledovaniya vnutrenney kartiny bolezni (Theoretical problems of studying the inner disease pattern). *Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni pri nervno-psikhicheskikh i somaticheskikh zabolevaniyakh* (Psychological research of the attitude towards the illness among those who suffer from neuropsychic and somatic diseases). Leningrad, 1990. Pp. 32–38.
19. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiya telesnosti* (The Psychology of corporality). Moscow, 2002. 287 p.
20. Urvantsev L. P., Yakovleva N. V. Formirovaniye psikhologicheskoy kompetentnosti vracha v protsesse obucheniya v meditsinskom vuze (Forming the Psychological Competence of a Doctor while communicating at the Medical School). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 1995, vol. 16, no. 4, pp. 98–108.
21. Urvantsev L. P., Kodochigova I. A. Psikhologicheskoye aspekty obshcheniya v diade «vrach-bolnoy» (Psychologi-

cal aspects of the doctor and patient communication). *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* (Yaroslavl psychological bulletin), 2001, vol. 5, pp. 96–108.

22. Tashlykov V. A. *Psikhologiya lechebnogo protsesssa* (The therapeutic process psychology). Leningrad, 1984. 232 p.
23. Vasserman L. I., Vuks A. L., Iovlev B. V., Karpova E. B. О psikhologicheskoy diagnostike tipov odnosheniya k

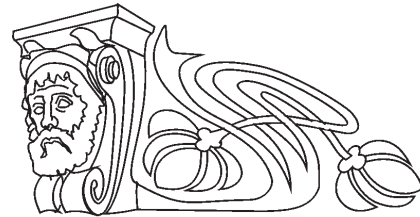
bolezni (On the psychological diagnostics of the types of attitude to health). *Psikhologicheskaya diagnostika odnosheniya k bolezni pri nervno-psikhicheskikh i somaticheskikh zabollevaniyakh* (Psychological research of the attitude towards the illness among those who suffer from neuropsychic and somatic diseases). Leningrad, 1990. Pp. 8–16.

УДК 159.9:78

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

А. Ф. Пантелеев

Пантелеев Александр Федорович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовского государственного университета
E-mail: afr45@mail.ru

Для характеристики психологических процессов, происходящих при понимании и запоминании текста, может быть применено понятие эмпирической логики в её понимании Н. А. Васильевым. Анализ процедур метапонимания, проведенный с использованием моделей учебных текстов, показал, что основным когнитивным стратегиям – расширению и углублению – свойственны определенные феноменологические проявления. Выявлено, что возможность реализации стратегии углубления зависит от функционального состояния субъекта, наличия или отсутствия патологий мышления, речи, возрастных и индивидуальных особенностей воздействия со стороны социума. При проведении хронометрического эксперимента установлено, что реализация стратегии углубления требует больших затрат времени.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, понимание, учебный текст, запоминание и воспроизведение.

Проблема понимания – одна из ключевых в современной психологии. До настоящего времени остаются не вполне ясными основные психологические механизмы возникновения этого феномена, хотя накоплено довольно много эмпирического материала, связанного с исследованием понимания. М. К. Мамардашвили была обозначена одна из главных в психологическом отношении особенностей понимания, которая заключена в закрытом характере этого процесса. Как было замечено, понять за другого человека невозможно, более того, при возможной детерминации отдельных звеньев понимания все равно остается одно из последних, названное М. К. Мамардашвили зазором: «...заяр будет всегда. Мы его можем максимально сузить, но он останется. И он должен заполниться чем-то. Заполниться не цепью детерминаций, адресованных субъекту воспитанием или объектом воспитания: рожать-то ему» [1, с. 19]. Именно в этой области зазора, возможно, и заключен ответ на вопрос о психологии понимания. В одной из совместных с А. М. Пятигорским работ

М. К. Мамардашвили утверждал, что понимание (применительно к пониманию сознания) – это работа с сознанием, что предполагает выделение того, что, казалось бы, не имеет отношения к сознанию [2]. Последнее позволило А. М. Пятигорскому предположить, что существует метасознание, представляющее собой познавательную сферу, в которую включается нечто, что само по себе в сознание не входит.

Б. М. Величковский при анализе функциональной организации познания определил метапознание как «...механизмы, посредством которых мы отдаем себе отчет о содержании и особенностях любых познавательных функций, как наших собственных, так и других людей» [3, с. 196] и отметил возможную доступность этих компонентов на уровне рефлексии. Этим автором были постулированы несколько уровней когнитивной организации: метакогнитивных координаций F, концептуальных структур E, предметных восприятий и действий D и другие. Адекватные им формы кодирования, соответственно: оценка личностной значимости; категоризация, речевое кодирование зрительного материала; зрительное кодирование формы, фонологическое – речи и другие. Выделены средства метакогнитивных координаций, в частности, общие метапроцедуры понимания, в число которых были включены контроль, аналогия, рекурсия, совмещение, сравнение, варьирование. Посредством метапроцедур осуществляются преобразование знаний и стратегический контроль активности. В результате проведенных Б. М. Величковским экспериментов было показано, что более высокий уровень когнитивной организации (уровень F) наиболее результативен при запоминании списков слов. Необходимо заметить, что включенные

Б. М. Величковским в число метапроцедур понимания аналогия, сравнение, совмещение и др. имеют логический по своей природе характер.

Избыточная «субъективированность» понимания, при которой доминирует опора исключительно на внутренние позиции и отношения субъекта, вряд ли может быть конструктивной: игнорируется тот факт, что познание имеет предметно-социальную природу. Помимо этого общность тезауруса знаний как залог прогресса в общественном познании нуждается в соблюдении ряда закономерных «надындивидуальных» (термин С. Л. Франка) требований, которые выступают в роли регуляторов познавательной деятельности. Естественно сложившимся в ходе всей истории познания регулятором служит именно логика. Она не случайно охарактеризована Ж. Пиаже как аксиоматика разума. Б. П. Вышеславцев проводил различие между понятиями «психологизм» и «психология»: «Психологическое сведение всего к субъективному и имманентному не имеет никакого права на позу мефистофельской иронии, ибо само становится комичным в своей претензии заподозрить и устранить объективно-истинное и трансцендентное» [4, с. 776].

Опора на логическое в понимании имеет свои ограничения, тем более что в настоящее время постулируется множественность логик. Недостаточность объяснительных возможностей формальной логики привела к тому, что была создана паранепротиворечивая логика, на которую уместно обратить внимание. Одним из первых, обративших внимание на недостаточность аристотелевой логики для понимания природы мышления, был Н. А. Васильев, который считал, что понятие логики имеет три смысла: 1) эмпирическая логика (металогика) – формальные предпосылки всякой логики; 2) эмпирическая логика – логика реальности; 3) воображаемая логика [5, с. 126–131]. Воображаемая логика возникла, исходя из сомнения в том, что все законы мышления могут быть описаны в рамках формальной логики. Отличие металогик от эмпирической логики состоит, по мнению Н. А. Васильева, в независимости первой от законов реальности. Можно проиллюстрировать это положение его теории следующей формулой: «нечто должно быть так, а на практике обычно следующее...», для воображаемой логики подходит формула «на практике обычно это так, но мне кажется, что это...». В этом смысле закон исключенного третьего применительно к эмпирической логике несостоятелен, более подходящим считается закон исключенного четвертого.

Из анализа работы Н. А. Васильева следует, что металогика обладает универсальным характером, и именно она обеспечивает понимание человеком мыслей другого человека: «Познающий субъект может мыслить иные объекты и иные законы объектов, но он не может мыслить иного

познающего субъекта и иные законы мысли. Это было бы равносильно желанию выпрыгнуть из самого себя» [5, с. 103]. По мнению Н. да Косты, особенностью паранепротиворечивой логики является нетривиальность суждений: «Система логики паранепротиворечива, если она может быть использована как логика, лежащая в основе противоречивых, но нетривиальных теорий» [6, с. 120]. Сущность тривиальности, как известно, состоит в том, что при рассмотрении двух противоречивых суждений одно из них оценивается как истинное, другое – как ложное, нетривиальные суждения не связаны такой зависимостью, истинность одного из них не означает ложности другого и наоборот. Можно утверждать, что мыслящий / понимающий субъект находится в пространстве паранепротиворечивой логики при условии конъюнктивных отношений между мыслимыми/ понимаемыми объектами, причем объединение суждений в данном случае происходит не на смысловой, а на истинностной основе. В связи со сказанным, логика «завора», о котором говорил М. К. Мамардашвили, может быть представлена, в первую очередь, как паранепротиворечивая.

Исследование метапроцедур понимания проводилось нами на материале понимания смоделированных определенных образом учебных/научно-популярных текстов (в дальнейшем под текстом понимается учебный/научно-популярный, а не художественный или иной текст). Предполагалось, что в число названных Б. М. Величковским метапроцедур понимания могут быть включены также «расширение» и «углубление» как когнитивные стратегии, определяющие доминирующее направление познавательной активности субъекта в ходе понимания и запоминания. Было учтено, что понимание как объект исследования имеет скрытый характер, поэтому одной из возможных тактик изучения этого феномена может служить не попытка выяснить, что именно и как понял испытуемый, а учет проверенных фактов взаимосвязи понимания и других, сравнительно более доступных для исследования познавательных процессов. В качестве такого факта использовано наличие взаимосвязи между пониманием и запоминанием учебного текста. Последнее, в частности, проверено многовековой педагогической практикой.

Текст относится к одному из самых распространенных видов коммуникативной продукции, предназначенной для понимания и, возможно, запоминания. В исследованиях проблемы понимания текста в рамках номотетического подхода наиболее часто встречаются два исходных положения. Первое: текст отражает связи между предметами реальной действительности, понимание текста (в широком смысле) есть установление читателем связей между этими предметами реальной действительности. Второе: понимание

текста опирается на опыт читателя, в частности, на знание им значений слов, раскрытие смысла предложений; оно основывается на применении имеющихся у него понятий, с помощью которых раскрывается содержание текста, контекстного и ситуативного значений.

С позиции Л. П. Добраева, чтение текста с целью его понимания позволяет раскрывать связи между предметами не непосредственно, а через словесные обозначения этих связей и этих предметов [7]. Понимание текста, в итоге, предполагает установление читателем связей между его смысловыми частями и/или между частями текста и целым текстом, и именно понимание текста как некоторого целого и открывает возможность раскрытия смысла и значения предметной реальности. Текст тем самым представляется как языковая модель действительности и понимание текста и означает раскрытие характера взаимосвязи между предметами отражаемой данным текстом действительности. Последнее означает, что для исследования понимания текста возникает необходимость в анализе его смысловой структуры – закономерных связей и систем связей, существующих между элементами текста (словами, отдельными предложениями, группами предложений). В качестве единицы анализа при этом выступает отдельное предложение, представленное как текстовое высказывание, т.е. высказывание (пропозиция) о том, о чем говорится в тексте, в развитии мысли, содержание которой излагается в заголовке текста. Субъект высказывания при этом – то, о чем говорится в тексте (или его отдельной части), а предикат высказывания – что именно говорится. Процесс развития мысли, обозначенной заголовком текста, имеет логический характер. В. В. Давыдов в написанном им предисловии к указанной работе Л. П. Добраева расценивает эту работу как попытку подойти к проблеме понимания как деятельности, адекватной особенностям того предмета (строения текста), на познание которого она направлена.

Предложенная Л. П. Добраевым процедура логико-психологического анализа текста позволяет раскрыть его смысловую структуру, характер связи между предложениями. По замыслу автора, эти связи объективно существуют, задача читателя состоит в том, чтобы раскрыть их и тем самым понять текст. Очевидно, что в реально происходящем процессе понимания раскрывается не просто логика, а металогика текста, и именно её реализация и позволяет полностью раскрыть смысловую структуру текста и понять его. Результат предварительного логико-психологического анализа текста отражается в виде иерархизированной структуры, визуально отображаемой в виде граф-схемы «дерево». Логико-психологические структуры описательного и объяснительного текстов отличаются степенью

иерархизированности, описательному тексту присуще значительное преобладание параллельных связей, малое количество узлов в граф-схеме, объяснительному – преобладание последовательных (углубляющих) связей, значительно большее количество узлов. Мысль в описательном тексте развивается «вширь», каждое новое предложение – новая мысль, связанная с другими предложениями в основном через заголовок. В объяснительном тексте связь с заголовком осуществляется через промежуточные предложения.

Можно утверждать, что в описательном предложении мысль согласно логике самого текста развивается преимущественно «вширь», в объяснительном – «вглубь». Поэтому, чтобы понять объяснительный текст, нужно «углубляться», а не «расширяться». Подобное представление текста позволило нам ввести количественные характеристики каждого из предложений как элементов структуры текста – валентностные характеристики: широта валентности – количество элементов структуры, с которым непосредственно связан данный элемент, глубина валентности – количество связей между заголовком и каждым из предложений. Глубина валентности тем самым отражает роль данного предложения как маркера в реализации когнитивной стратегии углубления, широта валентности – когнитивной стратегии расширения. Каждое предложение как элемент логико-психологической структуры текста, таким образом, имеет две характеристики – широту и глубину валентности. Сравнение суммарных характеристик глубины и широты валентности предложений исходного текста и воспроизведенных предложений дают основание судить о преобладании той или иной когнитивной стратегии при понимании и запоминании текста. Так что сравниваются исходный «металогичный» текст и текст, прошедший обработку с применением паранепротиворечивой логики.

В ходе исследований было установлено, что по мере возрастного развития ребенка в школьном возрасте стратегия углубления становится более доступной. Дети младшего школьного возраста склонны понимать объяснительный текст как описательный, по мере возрастного развития когнитивная стратегия расширения постепенно заменяется адекватной характеру текста стратегией. В проведенном с интервалом более 25 лет совместном с Е. А. Лазуниной исследовании понимания и запоминания объяснительного текста по той же, что и в нашем исходном исследовании, методике, с участием испытуемых тех же возрастов и повторении условий исследования, было выявлено заметное различие в результатах воспроизведения объяснительных текстов. Школьники 1970-х гг. оказались более успешными в реализации когнитивной стратегии углубления. Возможная причина заключается, на наш взгляд, в изменении

характера социально одобряемых ценностных ориентаций. Известным вкладом в понимание полученных результатов может служить проведенный с участием в качестве испытуемых дружеских и случайных диад эксперимент по запоминанию и воспроизведению текстов различной логико-психологической структуры. Установлено, что когнитивная стратегия углубления реализуется более успешно при совместной работе случайных диад, дружеские диады, напротив, склонны к ослабленному проявлению этой стратегии, запоминание и воспроизведение текстов нередко происходит с потерей предложений с большой глубиной валентности.

Необходимо отметить, что возможность сравнения результатов понимания и запоминания текстов стала реальной за счет модельного характера использованных в экспериментах текстов, моделирование учебного текста произведено при участии Ж. М. Глозман и Л. С. Цветковой, совместно с которыми была разработана и методика эксперимента, и проведен цикл работ по изучению понимания и запоминания учебного текста при афазии. Было установлено, что существует определенная взаимосвязь между реализацией когнитивных стратегий углубления и расширения и локализацией нарушения в области речевой зоны головного мозга.

Патология мышления оказывает существенное влияние на реализацию когнитивной стратегии углубления. Проведенные с участием больных параноидной шизофренией (малопрогрессирующая форма) исследования показали, что различие в запоминании предложений в связи с шириной валентности здоровыми и больными незначительно, хотя и с перевесом в пользу здоровых, однако больные значительно хуже запоминают предложения в связи с глубиной валентности. Следует отметить, что различие возрастает в зависимости от глубины валентности предложения: если для глубин валентности с значением 15–20 оно составляет 1,5–2 раза, то для значений в диапазоне 16–20 – 4 раза.

Возможность реализации стратегии углубления оказалась критичной по отношению к функциональному состоянию человека. При изучении влияния утомления на запоминание текста было установлено, что характер профессиональной (утомляющей) деятельности различным образом влияет на реализацию когнитивных стратегий углубления и расширения. В первую группу были включены испытуемые, характер деятельности которых приводил к умственному утомлению (студенты, программисты), во вторую – испытуемые, занятые преимущественно физическим трудом (операторы, рабочие).

Эксперимент проводился до начала рабочего дня и после его окончания. В результате было выявлено, что утомленные люди в целом запоминают

меньше, делают больше ошибок. Однако испытуемые первой группы больше теряют в качестве воспроизведенного материала, чем испытуемые второй группы (по результатам внутригруппового сравнения), причем эти потери с большим основанием могут быть отнесены на счет потерь в реализации когнитивной стратегии углубления (суммарная глубина валентности воспроизведенных предложений меньше).

В результате эмпирического исследования была выявлена связь между мотивацией и характером реализуемой когнитивной стратегии при понимании и запоминании текста. В группу испытуемых с высокой мотивацией к участию в эксперименте вошли те, кого интересовали результаты исследования и кто сам пожелал участвовать в нём, в группу с низкой мотивацией вошли те испытуемые, кому эксперимент был неинтересен, их уговорили принять в нём участие. Процедура эксперимента состояла в том, что испытуемому предъявлялись разложенные с нарушением порядка следования карточки с предложениями текста: в серии «а» – грубые нарушения порядка по отношению к смысловой структуре текста, в серии «б» – попарно менялись местами подчиненное и подчиняющее предложения, в серии «в» – попарно менялись местами два соподчиненных предложения. Испытуемые должны были разложить карточки так, как им удобно, затем запомнить полученный текст. Выяснилось, что члены первой группы активнее участвовали в процессе перестановки карточек, лучше запоминали и воспроизводили текст, чем испытуемые второй. Причем испытуемые первой группы трансформировали текст в логически связный, гораздо чаще замечали нарушения порядка следования карточек в сериях «а» и «б», тогда как испытуемые второй группы не стремились к этому.

Актуализация определенного когнитивного сценария существенно влияет на понимание и запоминание текста. Была выявлена роль актуализации сценария объяснения на результативность работы с текстом. Исследование предполагало семь этапов, четыре из них имели формирующий характер, последующие три – констатирующий, предполагающий составление объяснительных и описательных текстов с фиксированием времени. На первом этапе испытуемому задавался вопрос: «Что такое объяснение и что означает объяснить что-либо?». На втором предъявлялись карточки с предложениями объяснительного текста. Предлагалось прочесть предложение и сформулировать, по их мнению, следующее за ним. На третьем этапе выясняли, как изменился сценарий объяснения после второго этапа. На четвертом этапе происходило то же самое, что и на втором, только текстов уже было два. Пятый этап аналогичен третьему. Шестой аналогичен второму и четвертому, только тексты здесь предъявлялись описательные.

Седьмой этап – заключительное выяснение содержания сценария объяснения.

Необходимо заметить, что на втором этапе нужно было выяснить, соответствует ли составленное испытуемым предложение объяснительной или описательной структуре текста, на основе этого выделялись правильные и ошибочные предположения испытуемых. Далее прослеживалось, как изменился характер сценария «объяснение», причем выяснилось, что испытуемые начали употреблять термины «логический переход», «логическая связь». Было выявлено, что в результате уточнения сценария объяснения наблюдался менее грубый характер ошибок на третьем этапе, по сравнению с первым. После третьего этапа считалось, что сценарий объяснения сформировался. Шестой этап оказался более сложным, так как испытуемые по инерции пытались реализовать сценарий объяснения и в большинстве случаев сами указывали на свою ошибку.

На заключительном этапе исследования испытуемые говорили, что объяснительные тексты продолжать легче, чем описательные, считали, что в описательных текстах содержание продолжения не столь предсказуемо.

Важная проблема – непрерывность или «квантованность» смысловой обработки материала при реализации стратегии углубления. С целью получения сведений о характере переработки информации были проведены исследования с использованием в качестве стимульного материала групп предложений, взятых из использованных в вышеописанных исследованиях текстов. В одном из исследований испытуемые должны были запоминать пары предложений с различной степенью смыслового разрыва между ними. Смысловый разрыв определялся по количеству пропущенных предложений вдоль линии модификации (интерпретированной по Л. П. Добраеву). Первоначально испытуемый запоминал 24 пары предложений, затем распознавал в таблице второе предложение из пары по предъявленному первому. Была выявлена взаимосвязь временных характеристик распознавания степени смыслового разрыва: чем больше разрыв, тем больше времени затрачивается на запоминание и узнавание предложений, тем меньше точность воспроизведения. Совместно с Ю. И. Никульченко был проведен уточняющий хронометрический эксперимент по распозна-

ванию наличия или отсутствия разрыва между предложениями в отрывках текстов с различной логико-психологической структурой. Испытуемым предъявлялись карточки с отрывками текста и предлагалось определить, есть ли в отрывке пропущенное предложение или его нет. Регистрировалось время между началом чтения отрывка и ответом на вопрос о наличии или отсутствии разрыва. В первой серии экспериментов реально предъявлялись отрывки текстов без пропущенных предложений, во второй – с пропущенными предложениями. Среднее время получения ответа при использовании в качестве стимульного материала отрывков объяснительных текстов в первой серии – 23,4 сек., описательных – 17,3 сек., во второй серии – 17,4 и 13,2 сек. соответственно (различия значимы). Следует отметить, что во второй серии утвердительный ответ на вопрос о наличии разрыва при использовании описательных текстов равновероятен с отрицательным, объяснительных – регистрируется в 1,5 раза чаще. Реализация стратегии углубления, обусловленной логикой предъявленного для распознавания материала, требует большего времени.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, на наш взгляд, о метакогнитивности когнитивных стратегий, в частности – стратегии углубления, а когнитивные стратегии расширения и углубления могут быть включены в число метапроцедур понимания текста.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Философия и личность // Человеческий мир. 1994. № 5. С. 5–19.
2. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавады) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1971. Т. V. С. 345–376.
3. Величковский Б. М. Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2 т. М., 2006. Т. 2. 432 с.
4. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. М., 2006. 1037 с.
5. Васильев Н. А. Воображаемая логика : Избранные труды. М., 1989. 264 с.
6. Да Коста Н. Философское значение паранепротиворечивой логики // Философские науки. 1982. № 4. С. 114–125.
7. Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982. 176 с.

Cognitive Strategy: Phenomenology

A. F. Pantelev

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: afp45@mail.ru

To characterize psychological processes occurred while understanding and remembering a text, the conception of empirical logic as it is understood by N. A. Vasiliev can be applied. The analysis of the metacognition procedure, conducted using the models of the training texts, has shown that

certain phenomenological manifestations are characteristic for expansion and deepening as the main cognitive strategies. It has been revealed that the possibility of the realization of the expansion strategies depend on the functional state of the subject, on the presence or absence of the mental and speech pathologies, on the age and individual peculiarities and on the influence of the social environment. While conducting the chronometric experiment, it has been stated that the realization of the expansion strategy demands certain time costs.

Key words: cognitive strategy, understanding, study text, memorization and playback.

References

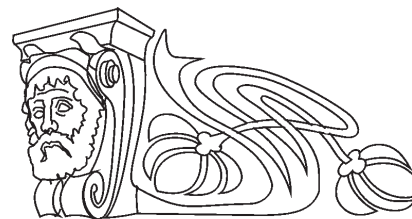
1. Mamardashvili M. K. *Filosofiya i lichnost* (Philosophy and Personality). *Chelovek* (Man), 1994, no. 5, pp.5–19.
2. Mamardashvili M. K., Piatigorsky A. M. Tri besedy o metateorii soznaniya (kratkoye vvedeniye v ucheniye vidzhnjanavady) (Three Conversations about Metatheory of Consciousness {a Brief Introduction to the Vijnanavada Teaching}). *Uchenyye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* (Acta et commentationes universitatis tartuensis). 1971, vol. 5, pp. 345–376.
3. Velichkovskiy B. M. *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya* : V 2 t. (Cognitive Science: Foundations of Cognitive Psychology: In 2 vol.). Moscow, 2006. Vol. 2. 432 p.
4. Vysheslavtsev B. P. *Krizis industrialnoy kultury* (The Crisis of the Industrial Culture). Moscow, 2006. 1037 p.
5. Vasiliev N. A. *Voobrazhayemaya logika. Izbrannyye trudy* (Imaginary Logic. Selected Works). Moscow, 1989. 264 p.
6. Da Costa N. C. A. *Filosofskoye znacheniye paraneprotivorechivoy logiki* (The philosophical significance of paraconsistent logic). *Filosofskie nauki* (Philosophical sciences), 1982, no. 4, pp. 114–125.
7. Dobraev L. P. *Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya* (Semantic structure of the educational text and the problems of its understanding). Moscow, 1982. 176 p.

УДК 316.37

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. В. Печерский

Печерский Алексей Владимирович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: alekseypecherskij@yandex.ru

Предметом изучения являются функциональные характеристики ценностной и мотивационной сфер личности подростков и юношей с девиантным поведением, выявление которых составляет цель проведенного автором исследования, инструментарием эмпирического исследования – методика диагностики системы ценностных ориентаций личности Е. Б. Фанталовой и методика С. М. Петровой «Диагностика полимотивационных тенденций в Я-концепции личности». Результаты исследования позволяют говорить о специфичности строения ценностно-смысловых и мотивационных образований у девиантных подростков и юношества, что проявляется в интегративных показателях осмысления ценностей и мотивов самореализации, в строении гуманитарной составляющей ценностно-смысловой системы, в уровне осознания личностного смысла духовных ценностей. Полученные в исследовании данные позволяют определить системные взаимосвязи интраиндивидуальных факторов в генезисе девиантного поведения личности, что обеспечивает возможность повышения эффективности образовательной, коррекционной и консультативной практики.

Ключевые слова: девиантная личность, ценностная система, мотивационные образования, генезис системы поведения, детерминация.

Проблема поведения личности в процессе взаимодействия с социальной средой стала одной из наиболее обсуждаемых в научном сообществе,

поскольку значительно возрос интерес к поведенческим стилям и стратегиям субъекта в самоосуществлении, в достижении успеха в реализации жизненных планов или, напротив, обусловливание неуспеха, дисгармонии с социальной средой, дезадаптивности и девиантности личности. Неустойчивая социальная, экономическая, экологическая, идеологическая обстановка, сложившаяся в последнее время в нашем обществе, обусловливает усиление отчужденности детей, ослабление внимания к их нуждам, потребностям, что нередко становится причиной формирования непродуктивных видов поведенческих стратегий в ситуациях социального взаимодействия.

Сложность проблемы генезиса поведения несовершеннолетних обусловлена наличием, по крайней мере, двух её основных аспектов: 1) ростом масштабов проявлений непродуктивных поведенческих стратегий, девиантных форм поведения, особенно среди молодёжи, появлением новых форм индивидуальных и социальных отклонений, их глобализацией в современном изменяющемся мире [1]; 2) рассогласованностью подходов в изучении поведенческих стратегий, девиантных форм поведения в различных от-

раслях гуманитарного знания, что затрудняет возможность комплексного изучения генезиса системы поведения личности, понимание психологических механизмов выбора стиля или стратегии поведения в условиях социального взаимодействия, психологии успеха и неуспеха во взаимодействии с другими, психологии отклоняющегося поведения личности, что негативно сказывается на решении прикладных задач, снижая эффективность развивающих и коррекционно-профилактических мероприятий. Это диктует необходимость поиска новых интегративных подходов как к исследованию генезиса системы поведения у подростков и юношества, так и к пониманию феноменологии поведенческих девиаций, их интер- и интрапсихических детерминант.

Наиболее адекватной методологической основой комплексного изучения генезиса системы поведения личности является теория функциональных систем П. К. Анохина, получившая дальнейшую разработку в трудах Б. Г. Ананьева [2] (концепция гетерохронности системогенеза психики человека) и В. Д. Шадрикова [3] (теория системогенеза деятельности). Согласно данному методологическому подходу поведение человека, в том числе отклоняющееся от принятых в обществе норм, должно рассматриваться в контексте функциональной активности сформировавшихся в онтогенезе психологических систем личности, имеющих «свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [4, с. 57], качествами личности. Именно в функциональной системе качества, наследуемые и развиваемые, и качества воспитуемые, присвоенные выступают в единстве как интраиндивидуальные характеристики личности, определяющие её деятельность и поведение». Взаимодействие интраиндивидуальных характеристик личности и интересубъектных факторов социальной ситуации обеспечивает адаптивную или неадаптивную, просоциальную или асоциальную модальность поступков человека.

Таким образом, поведение необходимо рассматривать в контексте функциональной активности многоуровневых системных образований личности, разрешающих противоречия между своеобразием и ограниченностью сущностных качеств личности и многообразием условий и форм её социальных взаимодействий, обуславливая тем самым стилевые характеристики и модальность деятельности и поведения.

На наш взгляд, системогенетическая парадигма в изучении поведения несовершеннолетних является универсальным теоретическим конструктом, позволяющим подойти к пониманию того, каким образом индивидуальные свойства субъекта общественной деятельности детерминируют его индивидуальное поведение, ставить вопрос о характере связи между интересубъект-

ными параметрами социального взаимодействия и интраиндивидуальными психологическими системами поведения, обуславливающими стратегию поведения и успешность/неуспешность, адаптивность/дезадаптивность личности.

Экспериментальное изучение взаимосвязи функциональных свойств многоуровневых системных образований личности в генезисе дезадаптивных, девиантных форм поведения является одной из частных задач исследования проблемы взаимодействия личности с социальной средой.

Одним из центральных личностных образований, выражающим содержательное отношение человека к социальной среде, определяющим мотивацию его поведения, являются ценности. Ценности представлены в идеалах, принципах, убеждениях личности, т.е. в отношениях к присвоенным (интериоризированным) текстам культуры. Как элемент структуры личности ценности проявляются в ценностных ориентациях, характеризующих внутреннюю готовность к совершению определенной деятельности по удовлетворению потребностей и интересов и указывающих на направленность ее поведения [5]. Ценностные ориентации проявляются в потребностях, мотивах, целях, стратегии жизни, нравственных выборах, определяющих личностно-смысловую реконструкцию сознания и в целом – просоциальную или асоциальную идентичность личности. Рассматривая ценности личности как системное функциональное образование, детерминирующее процесс присвоения опыта и смыслов значимых других, мы в качестве одной из частных задач исследования определили выявление функциональных особенностей ценностной системы девиантных подростков и юношества.

Эмпирическое исследование роли функциональных особенностей ценностной сферы в генезисе девиантной системы поведения личности проводилось с помощью методики «Диагностика системы ценностных ориентаций личности» Е. Б. Фанталовой (в модификации Л. С. Колмогорова, Д.В. Каширского) и методики С. М. Петровой «Диагностика полимотивационных тенденций в Я-концепции личности».

В исследовании принимали участие лица подросткового и юношеского возраста (15–17 лет), стоящие на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних (95 чел. – основная группа), и их просоциальные сверстники, учащиеся общеобразовательных школ (109 чел. – контрольная группа).

Проанализируем результаты исследования, проведённого с помощью методики Е. Б. Фанталовой в виде рангов ценностей и средних величин их выраженности в основной и контрольной группах подростков и юношей (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия и средние показатели рангов ценностей у респондентов основной и контрольной групп

Ценности	Контрольная группа		Основная группа	
	Ранг ценности	Средние показатели ранга	Ранг ценности	Средние показатели ранга
Семья, благополучие близких людей	1	1,3	3	3,9
Здоровье	2	2,1	2	3,3
Верные друзья	3	5,4	1	3,2
Внутренняя гармония и самодостаточность	4	8,4	4	7,4
Материально обеспеченная жизнь	5	9,5	6	9,2
Взаимопонимание и доверие	6	9,25	5	8,7
Гармония взаимоотношений между людьми	7	10,2	12	11,7*
Высокий статус	8	10,2	7	9,4
Карьера	9	10,5	9	10,3
Доброта, отзывчивость	10	10,5	20	17,9*
Жизнь в свое удовольствие	11	10,7	11	11,3
Успешность профессиональной деятельности	12	11,7	13	12,4
Здоровье других людей	13	11,7	14	13,5*
Интересная работа	14	12,6	8	10,2
Взаимопомощь и взаимовыручка	15	12,9	10	10,5
Жизнь по совести	16	13,0	15	13,5
Благополучие окружающих людей	17	14,6	16	13,6*
Вера в Бога	18	14,7	19	15,4
Творчество, познание	19	14,9	17	13,7*
Альтруизм, забота о людях	20	15,1	18	14,9

Примечание. * – показатели, различия которых статистически достоверны ($p \leq 0,01$).

Анализ выявляет ранговые различия в выборах респондентов основной и контрольной групп. Так, в контрольной группе первые три строчки в «табеле рангов», начиная с наиболее значимой, занимают ценности семьи, благополучия близких, здоровья и наличия верных друзей. В основной группе (группе девиантных подростков и юношей) на первом месте по значимости отмечены верные друзья, затем здоровье и третью строчку занимают ценности семейных отношений. Различия в выборах респондентов двух групп выявляются также по показателям значимости гармонии взаимоотношений с людьми (7 и 12 ранг соответственно в контрольной и основной группах) и показателям значимости таких свойств личности, как доброта и отзывчивость (10 и 20 ранги соответственно в контрольной и основной группах).

Чтобы придать анализу полученных данных более направленный характер, мы с помощью контент-процедур разделили все диагностические показатели методики на четыре группы ценностей: 1) Я-среды, 2) самореализации, 3) гуманитарные, 4) духовные (табл. 2), что позволило нам выявить некоторые особенности иерархии ценностной сферы у респондентов основной группы (табл. 2.).

Контент-анализ выборов респондентов основной и контрольной групп позволяет заключить, что различия в иерархии ценностной системы девиантных и просоциальных подростков определяются только в уровне осознания личностного смысла духовных ценностей. Статистическая обработка полученных показателей выраженности свойств личности с помощью критерия X^2 (хи-квадрат) выявила значимые различия ($p = 0,01$) в иерархии ценностной системы изучаемых групп подростков и юношества по показателям сформированности таких ценностно-смысловых образований, как «гармония взаимоотношений между людьми», «доброта и отзывчивость», «здоровье других людей», «благополучие окружающих людей», «вера в бога», «творчество, познание» (см. табл. 1.).

Результаты, полученные при применении методики С. М. Петровой «Диагностика полимотивационных тенденций в Я-концепции личности», респондентами основной и контрольной групп в виде показателей выраженности той или иной группы мотивов-ценностей представлены в табл. 3. Полимотивационные тенденции расположены в порядке соответствия рангам, полученным в выборах респондентов основной группы.

Таблица 2

Средние показатели выраженности различных групп ценностей у студентов основной и контрольной групп

Ценности	Средние показатели ранга в группе	
	Основная	Контрольная
<u>Ценности Я-среды</u> Семья, благополучие близких людей Здоровье Верные друзья Внутренняя гармония и самодостаточность	4,45	4,3
<u>Ценности самореализации</u> Материально обеспеченная жизнь Интересная работа Высокий статус Успешность профессиональной деятельности Карьера Жизнь в своё удовольствие	10,5	10,8
<u>Гуманитарные ценности</u> Гармония взаимоотношений между людьми Взаимопонимание и доверие Взаимопомощь и взаимовыручка Благополучие окружающих людей Здоровье других людей Альтруизм, забота о людях	12,3	12,4
<u>Духовные ценности</u> Творчество, познание Вера в бога Жизнь по совести Доброта, отзывчивость	13,2	15,1

Таблица 3

Показатели выраженности полимотивационных тенденций в Я-концепции личности респондентов основной и контрольной групп

Мотивационные тенденции	Степень выраженности		Ранг	
	Группа		Группа	
	Основная	Контрольная	Основная	Контрольная
Коммуникативная	0,56	0,52	1	2
Индивидуализации	0,51	0,43	2	3
Эгоцентрическая	0,46*	0,07	3	10
Оптимистическая	0,41	0,35	4	5
Стремление к признанию, уважению, авторитету	0,39	0,41	5	4
Ориентация на материальное благополучие	0,34*	-0,44	6	16
Познавательная	0,29	0,32	7	7
Саморазвития, достижения	0,33	0,32	8	8
Профессиональных выборов	0,27*	0,58	9	1
На хорошее отношение к людям	0,06*	0,34	10	6
Избегание неприятностей, угроз, опасностей	0,04	0,06	11	11
На активное преодоление трудностей	-0,08	-0,06	12	12
Гедонистическая	-0,14	-0,19	13	14
Нравственная	-0,19	-0,14	14	13
Нормативная	-0,24	-0,21	15	15
Альтруистическая	-0,41*	0,28	16	9

С помощью процедур контент-анализа и кластер-анализа выявлялась иерархия различных групп мотивов. Верхние позиции в иерархии рангов мотивов у респондентов основной группы занимают коммуникативные, мотивы индивидуализации и эгоцентрические стремления, т.е. мотивы, определённые доминантными в этом возрасте ценностями (см. табл. 3.). Следующими по значимости в «табеле рангов» являются ценности самоутверждения, признания окружающими, самоуважения, собственного авторитета, смысловой контекст которых функционирует на фоне оптимистических тенденций построения взаимоотношений с ближайшим окружением. Третья группа мотивов-ценностей в смысловом контексте личности респондентов основной группы определяется стремлением к материальному благополучию и связанными с этим стремлением инструментальными ценностями познания и саморазвития. Срединное положение занимает мотивация, связанная с профессиональными выборами. Очень небольшую выраженность имеют мотивы, связанные с ориентацией на хорошее отношение к людям, и мотивы избегания неприятностей, которые, по всей видимости, имеют слабые регулирующие функции. И, по сути, отвергаемыми являются нравственные, нормативные и альтруистические мотивы-ценности, диагностируемые со знаком «минус» и занимающие последние строчки в мотивационной иерархии (см. табл. 3.).

Верхнюю строчку в иерархии выборов у просоциальных подростков и юношей занимают мотивы профессионального становления, коммуникации, взаимодействия с другими, индивидуализации (см. табл. 3.). Вторую строчку в «табеле рангов» занимает мотивация, связанная с такими базовыми потребностями личности, как самоутверждение, самоуважение, признание значимыми Другими, авторитет, хорошие отношения с окружающими. Третьей по значимости в смысловом контексте личности подростков и юношей контрольной группы является внутренняя мотивация, связанная с познанием и саморазвитием. Одну из последних строчек в иерархической структуре более или менее выраженных мотивационных тенденций подростков и юношей контрольной группы занимает альтруистическая мотивация, а в качестве альтернативы ей почти такую же степень выраженности – несоблюдение нравственных и нормативных требований во взаимоотношениях. Все остальные мотивационные тенденции трудносопоставимы с указанными выше группами мотивов по степени выраженности.

Сравнительный анализ ценностно-смысловой функциональной системы личности просоциальных и девиантных подростков и юношей с использованием статистического критерия χ^2

позволяет нам говорить о значимых различиях ($p \leq 0,01$) в иерархии их ценностной системы, которые проявляются в значительно более высокой выраженности эгоцентрических и эгоистических тенденций в выборах девиантных подростков (позиции 13, 16, табл. 3), ориентации на материальное благополучие (позиция 6), снижение по сравнению с респондентами контрольной группы значимости хороших отношений с другими людьми.

Данные, полученные в результате изучения полимотивационных тенденций Я-концепции девиантных подростков и юношества, позволяют существенно дополнить полученные ранее сведения о строении ценностно-смысловой системы этой категории лиц. Специфичность строения ценностно-смысловой системы девиантных подростков проявляется на разных уровнях её функционирования, а именно: 1) в интегративных показателях осмысления ценностей самореализации, содержательной (терминальной) стороной которых является материальная обеспеченность, авторитет и уважение, инструментально не связанные с ценностями профессионального выбора (см. табл. 3); 2) в строении гуманитарной составляющей ценностно-смысловой системы, определяемой снижением значимости гармонии взаимоотношений с людьми, благополучия окружающих людей, повышением эгоцентрических и эгоистических тенденций в направленности социальных выборов; 3) в уровне осознания личностного смысла духовных ценностей, о чём свидетельствует снижение показателей сформированности таких ценностно-смысловых образований, как «познание и творчество», «вера в бога», «доброта и отзывчивость».

На основании проведённого исследования можно сделать следующие обобщения: специфичность показателей сформированности ценностно-смысловых образований личности девиантных подростков и юношества отражает их содержательное отношение к социальной действительности, определяет мотивацию поведения и нравственные выборы.

Ценностно-смысловые образования личности являются динамичной, развивающейся и изменяющейся системой, функциональные параметры которой обусловлены конкретной социальной ситуацией и индивидуальными качествами личности. Влияние других психических образований на функциональную активность ценностно-смысловой системы личности является недостаточно изученным, что определяет актуальность дальнейших исследований функциональной активности системных интрапсихических детерминант социального поведения личности, обуславливающих личностно-смысловую реконструкцию сознания и в целом её просоциальную или асоциальную идентичность.

Список литературы

1. Змановская Е. В. Девиантология : психология отклоняющегося поведения. М., 2006. 288 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М., 2000. 339 с.
3. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессио-

нальной деятельности. М., 1982. 185 с.

4. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учеб. пособие, 2-е изд. М., 1996. 320 с.
5. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции // Вопр. философии. 1996. № 4. С. 22–24.

Value-Motivational Determination of Behaviour of the Individual

A. V. Pechersky

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: alekseypecherskij@yandex.ru

The subject areas of the article scientific materials are the functional characteristics of the value and motivation of individual adolescents and youth with deviant behavior. Identification of these characteristics is the purpose of a study carried out by the author. The empirical research tools are the methods of «Diagnostics system of value orientations of personality» by E. B. Fantalova and «Polimotivational trends in diagnostics of ego-conception of personality» by S. M. Petrova.

The study results suggest specificity of value-semantic and motivational formations deviant adolescents and young people have, as manifested in the integrative indicators of understanding of the values and motives of self-realization; in the structure of the humanitarian component of value-semantic system; on the level of awareness of personal sense of spiritual values. The study obtained data allow us to identify systemic linkages intraindividual factors in the genesis of the deviant behavior of the individual, which provides an opportunity to improve the educational, corrective and advisory practices.

Key words: deviant personality, value system, motivational education, genesis of long course of conduct, the determination.

References

1. Zmanovskaya E. V. *Deviantologiya: Psikhologiya otklonnyayushchegosya povedeniya* (Deviantologiya: psychology of deviating behavior). Moscow, 2006. 288 p.
2. Ananyev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* (Person as knowledge subject). Moscow, 2000. 339 p.
3. Shadrikov V. D. *Problemy sistemogeneza professionalnoy deyatel'nosti*. (Systemgenetic problems of professional

activity). Moscow, 1982. 185 p.

4. Shadrikov V. D. *Psikhologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka* (Psychology of activity and humans ability). Moscow, 1996. 320 p.
5. Leontyev D. A. Tsennost kak mezhdistiplinarnoye ponyatiye: opyt mnogomernoy rekonstruktsii (Value as an interdisciplinary concept: the experience of multi-dimensional reconstruction). *Voprosy filosofii* (Issues of philosophy), 1996, no. 4, pp. 22–24.

УДК 316.6+159.942

ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение субъективного оценивания собственного визуального изображения, репрезентированного на фотографиях, а также связи характеристик оцениваемого образа с личностными качествами и особенностями самоотношения. Опираясь на разработанную концепцию личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и используя как классические, так и авторские методики исследования, выявлены основные детерминанты личностных саморепрезентаций «Я-реальное» и «Я-идеальное» (социокультурный контекст, социально-психологические факторы, личностные свойства и

особенности самоотношения). Установлены связи между саморепрезентациями, свойствами личности и особенностями ее самоотношения. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в психологических программах тренингов по развитию личности, при решении практических задач по оптимизации реальных межличностных взаимодействий и взаимоотношений, а также для формирования гармоничной идентичности личности.

Ключевые слова: саморепрезентация, Я-реальное, Я-идеальное, фотография, личностные свойства, особенности самоотношения.

В период глобализационных вызовов и цивилизационных рисков, нарастания информатизации современного общества и усиления проницаемости разного рода границ (экономических, социальных, культурных, информационных), повышения мобильности всех социальных акторов и фасилитации межкультурных связей и отношений важным является сохранение идентичности личности, группы, этноса, их эксклюзивности и неповторимости. Не случайно на одной из площадей в центре Чикаго экспонируется произведение современного искусства, предостерегающее людей от единообразия, безликости, схожести и отсутствия самобытности и призывающее их оставаться самими собой, бережно относиться к собственной индивидуальности и своеобразию. Заметим, что это предостережение имеет отношение как к отдельной личности, группе, этносу, городу, так и ко всему социуму в целом. Именно идентичность и самобытность выступают конкурентоспособными ресурсами личности, группы, государства в современных условиях и обеспечивают им субъектную устойчивость, развитие и безопасность.

В связи с угрозой кризиса идентичности и нечеткостью границ самоидентификации формирование умений самопрезентации на каждом из перечисленных уровней (личность, группа, социум), связанных с эффективной коммуникацией, позволяющей создавать привлекательный образ, демонстрировать различного рода компетенции, нравственную и этическую безупречность, приобретает в настоящее время особую актуальность и значимость.

Различные аспекты проблемы самопрезентации изучаются в контексте интеракционизма и теории ролей (Р. Аркин, Дж. Батлер, Р. Баумейстер, И. Гофман, Т. Питтман, М. Снайдер, Д. Тайс, А. Шутц). В русле теории социального познания исследуются условия формирования первого впечатления (А. А. Бодалев, В. Н. Панферов); мотивы, умения, способности, обуславливающие предъявление себя другим (Л. К. Аверченко, В. Н. Амяга, М. В. Бородина, Е. М. Зимачева, Е. В. Зинченко, Н. В. Казаринова, Т. В. Климова, Е. И. Коробко, Ю. С. Крижанская, Е. В. Кузнецова, В. Н. Куницына, Е. Б. Перельгина, Е. А. Петрова, М. В. Погольша, Е. А. Соколова-Бауш, В. П. Третьяков, В. М. Фигуровская, В. В. Хороших, В. М. Шепель, И. П. Шкуратова и др.), визуальные самоподачи образа Я в общении (Р. Э. Варданян, М. Н. Котлярова, В. А. Лабунская, Е. А. Петрова, И. И. Петрова и др.). Однако влияние различных факторов на самопрезентацию личности изучено недостаточно. Среди немногочисленных работ можно выделить исследования Н. В. Антоновой, И. Гофмана, А. А. Дятловой, А. М. Колышко, Д. В. Погонцевой, Н. И. Сарджвеладзе.

Цель работы: на основе анализа связей специфики личностных саморепрезентаций «Я-реальное» / «Я-идеальное», субъективного оценивания объективированного образа Я (собственного визуального изображения, представленного на фотографиях), свойств и особенностей самоотношения личности выявить основные детерминанты ее самопрезентаций.

Организация исследования

В исследовании принимали участие 30 испытуемых в возрасте 19–25 лет, с которыми было проведено психологическое тестирование, включающее в себя следующие методики: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттела; опросник самоотношения (ОСО) С. Р. Пантелеева, В. В. Столина; методика «Семантический дифференциал» (СД); методика рефлексивного самоотчета «Я и Другой» [1].

В качестве стимульного материала использовались фотографии испытуемых, полученные с помощью веб-камеры в двух принципиально различных экспериментальных ситуациях: ситуации скрытого фотографирования во время предъявления инструкции, когда испытуемый ведет себя естественно и спонтанно, и ситуации открытого фотографирования, когда испытуемый может демонстрировать различные приемы самопрезентации. Затем из всего набора полученных изображений респондент выбирал, исходя из субъективных предпочтений, самую удачную и самую неудачную фотографии, которые в дальнейшем оценивались им по факторам «Сила», «Активность» и «Оценка» методики «Семантический дифференциал» [2].

Результаты исследования и обсуждение

Вербальная часть методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» позволила определить номенклатуру характеристик, атрибутируемых идеальному Я или идеальному Другому, включающую в себя как описание параметров внешнего облика («симпатичный», «красивый», «ухаженный»), так и реестр личностных свойств («неконфликтность», «уверенность», «общительность», «активность», «честность», «решительность»), перечень желательных установок, обуславливающих действия («умение принимать решения», «стремление к гармоничности, полноценности», «самореализация», «доминирование») и особенностей межличностных взаимодействий («внимательное и положительное отношение к окружающим», «успешность», «реализация аффилиативной потребности»). Ответы включали 1220 определений и качеств разного рода. В результате первичного семантического анализа полученных данных их число сократилось, и была выделена 21 характеристика, наиболее часто

обозначаемая респондентами (количество упоминаний составило 10,3% от общего числа ответов и не учитывалось в ходе дальнейшего анализа), приведенная ниже с учетом приписываемых рангов: внимательное и положительное отношение к окружающим; позитивные эмоции; стремление к гармоничности и полноценности; потребность в аффилиации; активность; самореализация; честность; успешность; нормативность; интеллектуальные качества; волевые свойства; уверенность; умение принимать решения и решительность; рационализм; общительность; неконфликтность; внешняя привлекательность; адаптивность; эмоциональность; критичность; доминирование.

Приведенные свойства, качества и режимы действия отражают перечень социально-апробированных нормативов и предписанных паттернов поведения, которые интернализуются личностью в ходе социализации. Следовательно, личностная саморепрезентация «идеальное Я» представляет собой социальный конструкт, зафиксированный в культуре, обществе, группе, в которые интегрирована личность, и содержательно наполненный социальными представлениями о «правильном» генерализованном Другом.

Графическая часть методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» способствовала уточнению сформулированного вывода. Образ «идеальное Я» отличался от образа «реальное Я» с точки зрения гармоничности изображаемого, т.е. завершенности рисунка, связности его деталей в одно целое, позитивности и оптимистичности представленных тем и сюжетов. Но главное отличие заключалось в контексте: рисунок «Реальное Я» был вписан в контекст повседневности, под которым понимается как обыденная, каждодневная жизнь человека, так и сфера коммуникации, основанная на символических способах понимания себя и Другого и играющая консолидирующую роль для идентификации себя, Другого и социальной группы. Соответственно, «Я-реальное» включено в повседневную жизнь на институциональном уровне. Рисунки, репрезентирующие «Я-реальное», были связаны с теми или иными конкретными социальными институтами («Я в кругу семьи», «Я в университете»), с различными значимыми Другими («Я среди друзей», «Я в группе сокурсников»), с доминирующими интересами и индивидуальными предпочтениями («Я за компьютером», «Я танцующая с зачеткой в руках», «Я среди множества книг»). Заметим, что повседневность как совокупность повторяющихся, знакомых, типичных ситуаций включает в себя самого субъекта и Других, а дискурс повседневности ориентирован на констатацию и оценку «объективной» реальности, обладающей конкретными значениями. Именно в мире повседневности возникает возможность взглянуть на себя глазами Другого, поскольку этот Другой

является имманентным самой повседневности. Развивая свое «Я», личность постоянно вступает в социальную игру с Другими, меняя свои позиции на роли других. Формируя собственную идентичность, индивид становится тем, кем он является, благодаря направляющим воздействиям значимых Других. Можно сказать, что это латентное незримое навязывание Другими тех или иных ролей сопровождается переработкой позиций, которые они занимают по отношению к конкретной личности.

Контекст рисунков «Я-идеальное» был совсем иным: он задавался имиджевыми и статусными показателями успешности: *материальный достаток и финансовая состоятельность, цветы и аплодисменты, доска почета и награды*. Соответственно, репрезентируя «Я-идеальное», респонденты взаимодействовали не с конкретными образами, а скорее с имеющимися отрефлексируемыми понятиями, смыслами, усвоенными и присвоенными в процессе социализации, которые имплицитно связаны с социальным принятием и общественным признанием, с высокими достижениями, устойчивым успехом и прочной репутацией. Эти понятия и смыслы отражают опыт межличностного взаимодействия Я и Другого, являясь его результатами.

Позиционируя фотографию как способ объективации, дающий возможность увидеть себя со стороны, глазами Другого, мы считаем, что визуальные изображения являются средствами самопрезентации, понимая под самопрезентацией, вслед за И. Гофманом, «не только управление впечатлениями других людей, но и один из способов получения знаний субъекта о самом себе, об отношении к самому себе» [3, с. 266]. Презентируя себя, личность начинает играть ту или иную роль, трансформировать свой образ, демонстрировать выигрышные (с субъективной точки зрения) личностные качества и особенности внешности. Р. Барт пишет: «Как только я чувствую, что попадаю в объектив, все меняется: я конституирую себя в процессе “позирования”, я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ» [4, с. 5].

Для установления взаимосвязей между оценками «Я-реальное» и «Я-идеальное» был использован непараметрический метод ранговых корреляций Спирмена. Результаты выявили согласованное изменение оценок удачных фотографий с оценками «Я-идеальное» по факторам «Оценка» ($r = 0,47$, при $p \leq 0,05$) и «Сила» ($r = 0,45$, при $p \leq 0,05$), подтверждая сделанный выше вывод о том, что саморепрезентация «Я-идеальное» представляет собой проекцию социально сконструированного взгляда личности на обобщенного Другого. Этот тезис согласуется с мнением П. Бурдые, который, исследуя фотографии, приходит к выводу, что большинство из них выражают, несмотря на внутреннюю направленность

и замысел фотографа, систему схем восприятия, мышления и оценок, общую для всей группы [5]. Субъект, позиционируя фотографию как некий эквивалент текста (сообщения) и отобразив с субъективной точки зрения удачную фотографию, демонстрирует готовность к социальному предъявлению себя Другому/Другим. Соответственно, фотография может становиться нормой того, как реальные объекты или конкретные субъекты должны восприниматься, хотя между фотоизображением и реальностью нельзя поставить знак равенства [6]. П. Штомпка уточняет: «В визуальную эпоху большое значение в межличностном общении приобретает образ. Образы переносят информацию, знания, эмоции, эстетические ощущения, ценности. Они воздействуют не только на сознание, но и на подсознание» [7, с. 7].

Отсутствие значимых корреляций между оценками «Я-идеальное» и оценками неудачных фотографий было ожидаемым, изначально предполагаемым и обусловленным тем, что негативно маркированные события, переживания, отношения, образы не могут содержательно наполнять такой конструкт, как «Я-идеальное», который представляет собой совершенный образец, эталон, конструктивную преобразующую сущность, связанную с активностью, интенциональностью и избирательной направленностью.

Интерес вызывают корреляционные связи между оценками «Я-реальное» и удачной/неудачной фотографией по факторам семантического дифференциала. Установлены положительные корреляции по всем факторам СД: для удачных образов $r = 0,37$, при $p \leq 0,05$ по «Оценке»; $r = 0,32$, при $p \leq 0,05$ по «Силе» и $r = 0,4$, при $p \leq 0,01$ по «Активности»; а для субъективно неудачных фотографий $r = 0,41$, при $p \leq 0,05$ по «Оценке», $r = 0,42$, при $p \leq 0,05$ по «Силе» и $r = 0,37$, при $p \leq 0,01$ по «Активности».

Связь между оценками «Я-реальное» и актуальной фотографией, сделанной в режиме «здесь-и-теперь», видится нам вполне закономерной. Во-первых, это обусловлено включенностью «Я-реальное» в контекст повседневности, о чем мы уже упоминали выше, а также тем, что моментальная фотография объективирует и фиксирует именно фрагмент повседневности, выступая средством самопрезентации. Соответственно, совокупность реальных представлений о себе и моментальный снимок являются внутренне согласованными и репрезентируют опыт повседневных интеракций, коммуникаций с Другими и не могут быть не связанными друг с другом. Известно, что одними из ключевых функций фотографии [8, 9] (наряду с актуализирующей, стимулирующей, интегрирующей и функцией отражения динамики внешних и внутренних изменений) являются функции объективирования и смыслообразования, способствующие тому, что фотография делает

зримыми переживания и личностные особенности человека, отраженные в его внешнем облике, и дает возможность проявления саморефлексии. Во-вторых, мы считаем, что валентность самой фотографии (удачная или неудачная фотография) в рамках нашего исследования не имеет принципиального значения, поскольку можно полностью согласиться с В. М. Аллахвердовым, что позитивный выбор одних значений и негативный выбор других – необходимое условие понимания [10]. Заметим, что в целом негативная оценка внешнего облика выступает ключевым регулятором поведения и важной детерминантой самосознания. По мнению В. А. Лабунской, переживание индивидом потери привлекательности внешнего облика «приводит не только к перестраиванию социально-психологической структуры личности, но и к реструктурированию связей субъекта с миром» [11, с. 268]. Следствием подобных рефигураций интерсубъективного и интерсубъектного опыта может стать «сворачивание» презентаций и самопрезентаций внешнего «Я».

Фотографию можно трактовать как сообщение, адресованное не только Другому, но и самому себе. Рассматривая, в нашем случае, отбирая и оценивая различные версии собственного фото-образа, человек выбирает те фотографии, которые, по словам Л. Рагт, «просто снабжают разделенную и множественную («децентрированную») личность визуальной метафорой, ее самообразом <...> фотографическая технология, подобно другим человеческим изобретениям, предлагает расширение и реализацию уже вообразенных образов» [12, с. 427]. Следовательно, содержание «Я-реальное» включает в себя различные визуальные метафоры, в том числе и негативно маркированные.

Безусловно, выбор визуальных репрезентаций обусловлен не только интерсубъективным опытом межличностных интеракций, но и личностными predisпозициями и установками. В связи с этим проанализируем связь субъективного оценивания собственного визуального образа с некоторыми личностными свойствами и особенностями ее самоотношения.

Экспрессивные и жизнерадостные респонденты одинаково высоко оценивают как удачные ($r = 0,48$, при $p \leq 0,05$), так и неудачные фотографии ($r = 0,44$, при $p \leq 0,05$), что, по-видимому, можно объяснить их открытостью, готовностью к различным коммуникативным контактам и общим позитивным настроением: они с легкостью принимают как многообразие собственных обликов независимо от их качественной оценки, так и многоликость Другого, находя в этом положительные моменты.

Личности, характеризующиеся социальной смелостью и рискованностью, преувеличивают значимость неудачных фотографий ($r = 0,41$, при

$p \leq 0,05$), что также отмечается у людей с такими доминирующими в личностном профиле качествами, как автономность, самодостаточность, независимость ($r = -0,36$, при $p \leq 0,05$). На наш взгляд, эти результаты можно интерпретировать в контексте теорий социальной идентичности Г. Тэджфела и самокатегоризации Дж. Тернера [13]: личности с достаточно ярко выраженной персональной идентичностью в ситуациях, не угрожающих ингруппе и не подвергающих сомнению их групповую принадлежность, стараются придерживаться независимых и автономных суждений, подсознательно противопоставляя свое мнение предполагаемому мнению большинства.

Склонные к лидерству и (само)уверенные личности завышают оценки удачной фотографии по фактору «Сила» ($r = 0,48$, при $p \leq 0,05$), тогда как доверчивые и конформные люди демонстрируют противоположную тенденцию ($r = -0,36$, при $p \leq 0,01$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что лидерские качества тесно связаны с успехом в различных сферах реализации личности и разнообразных видах ее деятельности (игра, учеба, труд, общение), обуславливают эффективные поведенческие модели и определяют значимость и важность такого фактора, как внешняя привлекательность. Что касается конформных личностей, то они в большей степени ориентированы на общепринятые образцы и эталоны, групповую норму и правила и в меньшей степени доверяют собственным оценкам.

Оценки неудачных фотографий по фактору «Сила» положительно коррелируют с открытостью и коммуникабельностью ($r = 0,42$, $p \leq 0,05$), что согласуется с выводами, сделанными нами выше относительно экспрессивных и жизнерадостных респондентов. Подобная оценка неудачной фотографии по фактору «Активность», значимо связанная с эмоциональной напряженностью и фрустрированностью ($r = 0,41$, при $p \leq 0,05$), по нашему мнению, обусловлена ситуационным контекстом.

Выявлена связь модальности фотографического изображения и особенностей самооотношения личности. Оценки неудачных фотографий по всем факторам семантического дифференциала коррелируют с показателями шкалы «Самоинтерес»: по фактору «Оценка» ($r = 0,39$); по фактору «Сила» ($r = 0,41$), по фактору «Активность» ($r = 0,38$). Полученный результат обусловлен, с нашей точки зрения, глобальной установкой личности на самопознание, саморазвитие и самодетерминацию. Именно фотография дает возможность личности увидеть и оценить себя со стороны, с позиций внешних критериев, принятых и усвоенных в группе.

Оценки неудачных фотографий по фактору «Оценка» коррелируют с такой шкалой, как «Ожидаемое отношение от других» ($r = 0,39$), что

подтверждает сделанный выше вывод о внешней детерминации оценок, об их ориентации на мнение группы, в которую интегрирована личность. Аналогичные оценки по фактору «Активность» имеют значимые связи со шкалой «Самообвинение» ($r = 0,37$), что может трактоваться как скрытый упрек личности самой себе за те или иные несовершенные действия, нереализованные интенции и неосуществленные желания.

Что касается удачных фотографий, то их оценка по фактору «Оценка» связана со шкалой «Самопринятие» ($r = 0,48$, при $p \leq 0,01$), свидетельствуя о том, что более высоко оценивают свой фотографический образ личности с позитивным мышлением, эмоциональные, принимающие себя и окружающих, имеющие базовое доверие к миру и позитивное отношение к себе и Другому, т.е. личности с высоким уровнем самопринятия склонны давать более высокие оценки своему визуальному изображению.

Установлено, что позитивная валентность визуальной саморепрезентации связана с такой устойчивой подструктурой личности, как «Я-идеальное», которая представляет собой феноменологическую рефлексивную идеальную модель конфигурации собственной самости. При этом выявленная связь характерна только для уверенных в себе личностей, склонных к доминированию, способных принимать решения и стремящихся к самоутверждению.

Выводы

Саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное», а также субъективная оценка собственного визуального образа на фотографии являются результатами интерсубъектного взаимодействия «Я – Другой». Они формируются с учетом социокультурных условий в процессе социализации благодаря присутствию Других, главным образом, значимых Других через конструирование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное» ориентированы на социальное предъявление (презентацию) Другому как субъекту деятельности, отношений, переживаний.

Личностная саморепрезентация «Я-идеальное» представляет собой проекцию социально сконструированного взгляда личности на обобщенного Другого, сформированного в ходе социализации.

Личностная саморепрезентация «Я-реальное» вписана в повседневную жизнь на институциональном уровне, а ее смысловое содержание состоит из различных визуальных и вербальных метафор, как позитивно, так и негативно окрашенных.

Фотография может рассматриваться в виде социально обусловленной императивной нормы того, как реальные объекты или конкретные субъекты должны позиционироваться и вос-

приниматься членами интруппы. Совокупность реальных представлений о себе и моментальный снимок являются внутренне согласованными и репрезентируют опыт повседневных интеракций и коммуникаций с Другими.

Эмпирически установлено, что помимо социокультурных и социально-психологических факторов личностные саморепрезентации «Я-реальное» и «Я-идеальное» детерминированы личностными свойствами (общительность, доминантность, экспрессивность, смелость, напряженность) и обусловлены спецификой самоотношения личности (самоинтерес, ожидаемое отношение других, самообвинение, самопринятие).

Список литературы

1. Рязузова Е. В. Показатели методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» как индикаторы интерсубъективности // Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. на-уч. тр. Саратов, 2011. С. 14–21.
2. Еремина Д. Р., Рязузова Е. В. Взаимосвязь визуальной самопрезентации и особенностей Я-концепции // Проблемы социальной психологии личности : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 83–90.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М., 2000. 302 с.
4. Барт Р. Camera lucida : комментарии к фотографии. М., 1997. 223 с.
5. Круткин В. Пьер Бурдьё : фотография как средство и индекс социальной интеграции. URL: http://rfaf.ru/rus/library/25_b1194_view_p1 (дата обращения: 27.03.2008).
6. Грицай М. Особенности теории С. Зонтаг. URL: <http://photo-element.ru/analysis/mashe/sontag.html> (дата обращения: 09.02.2008).
7. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / вступ. ст. Н. Е. Покровского. М., 2007. 168 с.
8. Копытин А. И. Тренинг по фототерапии. СПб., 2003. 96 с.
9. Нуркова В. В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006. 288 с.
10. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб., 2000. 528 с.
11. Психология личности : учеб. пособие / под ред. проф. П. Н. Ермакова, проф. В. А. Лабунской. М., 2007. 653 с.
12. Круткин В. Фотография и автобиография в исследовании Линды Х. Рагг // Визуальная антропология : новый взгляд на социальную реальность : сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов, 2006. 528 с.
13. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.

Determinants of Self-Representations of the Personality

E. V. Ryaguzova

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Results of the empirical study are presented. Scientific research is directed on studying of subjective estimation of own visual image, presented in photos, and also connections of characteristics of an estimated image with personal qualities and features of the self-relation. On the basis of the developed concept of personal representations of “I - Other” interaction and using both classical and author’s methods of research, the main determinants of personal self-representations “I-real” and “I-ideal” are identified (socio-cultural context, socio-psychological factors, personal characteristics and characteristics of self-relation). Connections are established between self-representations, properties of the personality and features of her self-relation. Applied aspect of analyzing the problem can be implemented in psychosocial programs for training of personal development, to solve practical problems to optimize their interpersonal interaction and relationships, as well as to create a harmonious personal identity.

Key words: self-representation, I-really, I-perfect, picture, personal characteristics, features self-relation.

References

1. Ryaguzova E. V. Pokazateli metodiki refleksivnogo samootcheta «Ya i Drugoy» kak indikatory intersubektivnosti (Indices of methodology of the reflexive self-report “I and Others” as indicators of intersubjectivity). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti: mezhevuz. sb. nauch. tr.* (Problems of social psychology of personality). Saratov, 2011. Pp. 14–21.
2. Eremina D. R., Ryaguzova E. V. Vzaimosvyaz vizualnoy samoprezentatsii i osobennostey Ya-konceptsii (The relationship of visual self-presentation and particularity of self-concept). *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti: mezhevuz. sb. nauch. tr.* (Problems of social psychology of personality). Saratov, 2009. Vol. 7. Pp. 83–90.
3. Gofman I. *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni / per. s angl. i vstup. statya A. D. Kovaleva* (Presentation of Self as Other in everyday life). Moscow, 2000. 302 p.
4. Barthes R. *Camera lucida: Reflections on Photography*. N.Y., 1981, 119 p. (Russ. ed.: Bart R. *Camera lucida: kommentariy k fotografii*. Moscow, 1997. 223 p.).
5. Krutkin V. *Pyer Burdye: fotografiya kak sredstvo i indeks sotsialnoy integratsii* (Pierre Bourdieu: Photography as means and index of social integration). *Vestnik Udmurtskogo universiteta* (Udmurt State University Bulletin), 2006, no. 3, p. 40–55.

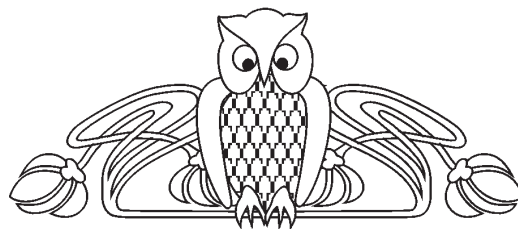
6. Gritsay M. *Osobennosti teorii S. Zontag* (The peculiarities of S. Sontag's theory), available at: <http://photo-element.ru/analysis/mashe/sontag.html>
7. Sztompka P. *Vizualnay asotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya* / v stup. st. N. E. Pokrovskij (Visual sociology: Photography as a research method). Moscow, 2007. 168 p.
8. Kopytin A. I. *Trening pofototerapii* (Training on phototherapy). St. Petersburg, 2003. 96 p.
9. Nurkova V. V. *Zerkalo s pamyatyu. Fenomen fotografii. Kulturno-istoricheskij analiz* (Mirror with memory. The phenomenon of photography. Cultural and historical analysis). Moscow, 2006. 288 p.
10. Allakhverdov V. M. *Soznaniye kak paradoks* (Consciousness as a paradox). St. Petersburg, 2000. 528 p.
11. *Psikhologiya lichnosti* / pod red. prof. P. N. Ermakova, prof. V. A. Labunskoy (Psychology of personality). Moscow, 2007. 653 p.
12. Krutkin V. *Fotografija i avtobiografija v issledovanii Lindy X. Ragg: (Photo and autobiography in a study by Linda X. Wragg). Vizualnaya antropologiya: novyy vzglyad na sotsialnyu realnost: Sb. nauch. st. / pod red. E. Yarskoy-Smirnovoy, P. Romanova, V. Krutkina.* (Visual Anthropology: a new perspective on social reality). Saratov, 2006. 528 p.
13. Turner J. C. *Social influence*. Milton, 1991, 206 p. (Russ. ed. Terner Dzh. *Sotsialnoye vliyaniye*. St.-Petersburg, 2003. 256 p.)

УДК 159.922.7

ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ НА РАННИХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

А. Г. Самохвалова

Самохвалова Анна Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова
E-mail: samohvalova@kmtu.ru

Предметом настоящего исследования является затрудненное общение ребенка, целью исследования – выявление функционального характера затрудненного общения. В статье представлено авторское определение затрудненного общения; выявлены его субъективные и объективные критерии; отражена роль коммуникативных трудностей в личностном развитии ребенка. Материал статьи основан на экспериментальном изучении затрудненного общения детей дошкольного, младшего школьного, подросткового возрастов, а также на ретроспективном самоотчете молодых людей, которые анализировали роль затрудненного общения в личностном развитии. Функциональный анализ позволил выделить функции затрудненного общения – психологической защиты, самоактуализации, самоутверждения, самопонимания, социального закалывания, экспрессивную, функцию динамики межличностных отношений – и дисфункции – дезадаптации, дезинформации, дестабилизации, демобилизации, деиндивидуализации, диффузии идентичности субъекта общения, дистанцирования, разрушения межличностных отношений, формализации общения. Результаты исследования показали функциональную противоречивость и динамичность ситуаций детского затрудненного общения.

Ключевые слова: затрудненное общение, коммуникативные трудности, функции, дисфункции.

В процессе онтогенеза все люди неизбежно и многократно сталкиваются с проблемными, трудными, конфликтными ситуациями межличностного общения. Несомненно, эти ситуации доставляют немало переживаний, осложняют достижение целей, ухудшают взаимоотношения, но, с другой стороны, способствуют самопо-

ниманию, самоактуализации и саморазвитию человека. В данной статье предпринята попытка отразить функциональную многогранность и противоречивость детского затрудненного общения.

Многочисленные данные отечественных психологов (А. А. Бодалева, Г. А. Ковалева, В. Н. Куницыной, В. А. Лабунской, Ю. А. Мендерицкой, Е. В. Цукановой и др.) подтверждают существование специфического по психологическому содержанию феномена затрудненного общения. В некоторых исследованиях подчеркивается, что механизмы затрудненного общения складываются, начиная с раннего возраста (Л. И. Божович, М. И. Буянова, М. И. Лисина, А. А. Рояк и др.). Однако функциональный аспект, отражающий роль затрудненного общения для коммуникативно-личностного развития ребенка, в науке не рассмотрен.

Затрудненное общение мы рассматриваем как процесс нарушенного межличностного взаимодействия детей, препятствующий эффективному решению задач общения, сопряженный с возникновением субъективных переживаний, непониманием партнерами друг друга, негативными изменениями в межличностных отношениях, актуализацией деструктивных моделей взаимодействия. Феномен затрудненного общения включает в себя как субъективную, так и объективную составляющие.

Субъективная сторона отражена в исследованиях В. Н. Куницыной, которая полагает, что затрудненное общение – это, прежде всего, явление, представленное в сознании и переживании партнеров [1]. *Объективную составляющую* затрудненного общения охарактеризовали А. А. Бодалев и Г. А. Ковалев, подчеркивая, что следствием субъективных трудностей является объективная картина нарушений общения – недостижение цели, неудовлетворение мотива, неполучение желаемого результата и т.д. [2]. В. А. Лабунская придерживается позиции, что затрудненное общение имеет как субъективную составляющую, так и объективную [3].

Изучая затрудненное общение детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста (более 500 человек) [4], мы предприняли попытку *функционального анализа*, направленного на выявление функций и дисфункций затрудненного общения ребенка. Диагностический комплекс включал беседы с детьми и их родителями, наблюдение, проективные методы. Кроме того, поскольку уровень рефлексивности у детей данных возрастных групп еще низок, мы использовали метод ретроспективных оценок, предложив студентам специальностей «Социальная психология» и «Социальная педагогика» (186 человек) Костромского государственного университета вспомнить из своего детства конкретные ситуации, в которых они испытывали коммуникативные трудности. Далее респондентам предлагалось назвать отрицательный и положительный эффекты ситуаций затрудненного общения. Полученные эмпирические данные детской выборки и контент-анализ студенческих высказываний позволили выявить основные функции и дисфункции затрудненного общения ребенка.

Функция понимается нами как назначение, значимая, позитивная роль затрудненного общения ребенка для развития его коммуникативной деятельности, межличностных взаимоотношений, складывающихся в ней, личностного развития в целом (как бы парадоксально это ни звучало в контексте проблемы затрудненного общения). *Дисфункция* же отражает деструктивную, негативную роль затрудненного общения в коммуникативно-личностном развитии ребенка.

Итак, охарактеризуем более подробно **функции затрудненного общения**.

Функция психологической защиты. Поведение ребенка в ситуации затрудненного общения часто можно расценивать как защитное. Под защитным поведением психологи (Ф. Е. Василюк, Л. И. Вассерман, В. Г. Каменская, Т. Л. Крюкова, И. М. Никольская, Н. А. Русина, Л. Ю. Субботина и др.) понимают подсознательную систему моделей поведения, сформированную на основе жизненного опыта человека и ограждающую его от отрицательных эмоций страха, тревоги, воз-

никающих на основе травмирующей информации из внешнего мира либо вследствие потенциально стрессогенных обстоятельств [5, с. 12].

Основное назначение *психологической защиты* в ситуациях затрудненного общения ребенка – это предотвращение нарушения внутренней устойчивости его личности, нормального течения его психологической жизни и поведения под влиянием нежелательных и социально вредных последствий общения. Механизмы психологической защиты обеспечивают ребенку *воображаемое достижение потребности*; направлены на *сохранение стабильности самооценки* личности через устранение из сознания или трансформацию источников конфликтных переживаний; бессознательно *компенсируют* неспособность ребенка эффективно контролировать коммуникативные ситуации; помогают ребенку *бороться с тревогой* до тех пор, пока не будет найден более рациональный и адаптивный способ преодоления коммуникативных трудностей.

Функция самоактуализации. Потребность в самоактуализации заложена в каждом человеке от рождения, однако воспитание и нормы, установленные обществом, принуждают его забыть о собственных чувствах и потребностях и принять ценности, навязываемые другими. В этом отклонении и кроется источник аномалий поведения [6].

Ситуации затрудненного общения часто *«вскрывают» эти противоречия*, заставляют ребенка «громко» заявить о себе, отстаивать право на собственные желания, мотивы, взгляды (что, несомненно, проявляется в протестных, агрессивных, негативистских формах коммуникативного поведения, противопоставляющих ребенка окружающим его людям). Однако эти факты можно рассматривать, на наш взгляд, скорее, как благо, а не зло для развития самостоятельности, автономности, стремления к самосовершенствованию субъекта общения.

К. Роджерс считал, что стремление к самоактуализации заключается в том, чтобы «быть тем Я, которое истинно» [7, с. 902]. Одной из выраженных тенденций самоактуализации ребенка в общении является его стремление *не избегать* затруднительных ситуаций, а пытаться вести себя в них независимо, выбирать те цели, к которым он сам стремится.

Функция самоутверждения. Ребенок, начиная с дошкольного возраста, испытывает потребность в ощущении собственной значимости, силы, ценности, состоятельности. Н. Е. Харламенкова отмечает, что «эта потребность *имманентно присуща Я* и актуальна до тех пор, пока Я существует (физически и психологически). Причиной постоянной актуализации потребности в самоутверждении является *изменение Я* путем решения возрастных или иных задач» [8, с. 56].

Изменения Я более интенсивно происходят в проблемных, противоречивых жизненных ситуациях, а значит и в ситуациях затрудненного общения. Испытывая коммуникативные трудности разных уровней, ребенок пытается анализировать свое поведение, сравнивать себя с другими, объяснять себе, почему у других нет трудностей (как ему кажется в тот момент), а у него есть. Естественно, у ребенка появляется мотив быть успешным, не хуже, чем другие в ситуации общения, что приводит его либо к необходимости маскировки коммуникативных трудностей, либо к их сознательному преодолению. В любом случае он стремится *утвердить свое Я в коммуникативной деятельности*, используя при этом как деструктивные способы (агрессию, манипулятивность, ложь, конформизм, гиперкоммуникативность и др.), так и конструктивные (миролюбие, сотрудничество, креативность и др.).

Функция самопонимания. Самопонимание как психологическая реальность является механизмом «самодетерминации» (Б. Ф. Ломов) и «субъектной активности» (А. И. Подольский, В. И. Слободчиков, В. Э. Чудновский), которые начинают развиваться и проявляться на всем протяжении детского этапа онтогенеза. «Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиций смысла своего существования» [9, с. 67].

В ситуациях затрудненного общения ребенок, анализируя социальные условия, особенности поведения партнеров, свои мысли, чувства и желания, получает разрозненные знания о себе, своих трудностях, возникающих переживаниях, изменяющихся отношениях с другими людьми. Эта разрозненная, но весьма значимая для ребенка информация осмысливается, интерпретируется: он начинает задумываться о причинах возникающих трудностей в общении, о возможных последствиях своих коммуникативных действий, о своих сильных и слабых качествах, «помогающих» или «мешающих» ему в общении. Благодаря этому у него возникают *мотивы самоизменения* в коммуникативной сфере, попытки *самодетерминировать* коммуникативное поведение, самостоятельные пробы *преобразовательной активности* в межличностном взаимодействии.

Функция социального закаливания. Естественные ситуации затрудненного общения являются своеобразными «социальными пробами» [10] для ребенка, а коммуникативные трудности, испытываемые им, – «социальными привычками», повышающими «социальный иммунитет» субъекта. Трудные коммуникативные ситуации требуют волевых усилий для преодоления негативного воздействия социальной среды, устойчивости к стрессам, развития умений правильно понимать

и принимать условия и характер коммуникативной ситуации, выстраивать и реализовывать оптимальные, адекватные коммуникативные программы. Таким образом, наблюдается эффект «социального закаливания», результатом которого становится преодоление возникающих коммуникативных трудностей, повышение социальной адекватности и коммуникативной компетентности.

Экспрессивная функция. В ситуациях затрудненного общения ребенок удовлетворяет *потребность в новых, острых эмоциональных впечатлениях, риске* (ему интересен опыт общения с незнакомым собеседником; тот опыт, который вызывает неизвестные, новые эмоции; конфликтное взаимодействие тоже сопровождается острыми эмоциональными переживаниями, иногда дети рискуют, «нарываются» на скандал, противоборство, чтобы почувствовать новый приток эмоциональных состояний).

Кроме того, затрудненные коммуникации дают возможность ребенку *отреагировать* свои актуальные негативные эмоциональные состояния (гнев, тревогу, злость и т.д.). Наиболее значимым является и то, что в ситуациях затрудненного общения возникают, проявляются и осознаются *моральные чувства ребенка*: смущение, стыд, чувство вины.

Функция динамики межличностных отношений. Согласно социально-психологической теории обмена (Д. Тибо, Г. Келли, Дж. Хоманс), главный постулат которой «любое межличностное отношение – это взаимодействие» [11], рассматриваемое как процесс обмена позитивными исходами, в котором партнеры по общению имеют возможность влияния на выигрыш друг друга, мы анализируем ситуации затрудненного общения как возможность *изменить межличностные отношения* (наладить, углубить, сделать их более близкими или, напротив, отстраниться от «трудного» партнера, формализовать отношения, установить собственные ограничения контактов).

Динамика межличностных отношений обусловлена и тем, что в ситуациях затрудненного общения детей проявляются такие феномены, как *аффилиация* (потребность в принятии, доброжелательном отношении) и *страх остракизма* (неприятия или игнорирования человека окружающими). Каждому ребенку присуща потребность в эмоционально-доверительном общении; в любой противоречивой, затрудненной ситуации он испытывает надежду на аффилиацию (ожидание отношений симпатии, дружбы, взаимопонимания). Если ребенок начинает осознавать, что добиться этого он не может, возникает *страх отвержения*, который в ситуации затрудненного общения зачастую «сдерживает» деструктивные формы коммуникативного поведения ребенка,

обеспечивая самоконтроль и коммуникативное планирование, «движет» ребенка к толерантности, сотрудничеству, компромиссу, готовности договариваться, уступать в ситуации общения.

Дисфункции затрудненного общения мы рассматриваем как нарушенные, нереализованные функции общения, отражающие деструктивные последствия коммуникативных трудностей для психоэмоционального состояния и психологического развития ребенка.

Дезадаптация проявляется в возникновении несоответствия коммуникативных возможностей ребенка реальным требованиям социальной ситуации, внутреннем диссонансе, затрудняющем адекватное самопредъявление ребенка в коммуникативной деятельности, конфликте между его установками и реальным коммуникативным поведением. Дезадаптация нарушает приспособительные реакции к изменяющимся коммуникативным условиям, вследствие чего коммуникативное поведение становится неадекватным, деструктивным, нерезультативным.

Дезинформация связана с нарушением информационных потоков в ситуации затрудненного общения: предоставление кем-либо из партнеров заведомо ложной информации, введение в заблуждение с целью манипулирования, искажение смысла, контекста вследствие актуализации вербальных трудностей. Это, несомненно, ведет к рассогласованию совместных коммуникативных действий, снижает уровень доверия партнеров друг к другу.

Дестабилизация рассматривается нами как антипод регуляции в общении; в ситуациях затрудненного общения она выражается в нарушении устойчивого, планируемого, регулируемого течения коммуникативной деятельности, в потере стабильности, дезорганизации привычных, устоявшихся коммуникативно-поведенческих реакций ребенка, в возникновении резких скачков и крутых спадов его коммуникативной активности, в невозможности планомерно реализовать поставленные коммуникативные цели, учитывая характер ситуации общения.

Демобилизация проявляется в неготовности ребенка к совершению адекватных коммуникативных действий, коммуникативной вялости, апатии, снижении мотивации к коммуникативному самосовершенствованию. Демобилизация возникает как результат деструктивных эмоциональных переживаний по поводу возникших у ребенка коммуникативных трудностей, нарушенных интеракций, неверия в себя.

Деиндивидуализация – ситуации затрудненного общения часто снижают потребность ребенка в проявлении своей непосредственности, уникальности, индивидуальности; стереотипизируют его коммуникативные действия; склоняют к проявлению конформизма, робости; у ребенка

появляется страх быть неловким, неумелым, некомпетентным, что затрудняет процесс самовыражения в коммуникативной деятельности.

Диффузия идентичности связана с возникновением неопределенности, спутанности представлений ребенка о самом себе вследствие переживаемых коммуникативных трудностей, что приводит к уходу от близких взаимоотношений, избеганию взросления, боязни перемен, невозможности сосредоточиться в коммуникативной ситуации, к формированию *негативной* (попытки найти идентичность, прямо противоположную той, которую «рекомендуют» партнеры по общению: родители, учителя, сверстники) или *предопределенной* идентичности (некритическое принятие ценностей своих партнеров, т.е. ребенок в ситуации общения становится таким, каким его хотят видеть).

Дистанцирование: результатом затрудненного общения может стать изоляция, уединение, одиночество ребенка, вызванные неудовлетворенностью межличностных отношений, чувством опустошенности, покинутости, ненужности. Причинами дистанцирования от партнеров в ситуации общения могут быть низкое самоуважение ребенка, социальная тревожность, недоверие к людям, внутренняя скованность, страх перед партнером, нереалистичность притязаний («все или ничего»).

Разрушение межличностных отношений: затрудненное общение, как было отмечено ранее, является фактором динамики межличностных отношений, вместе с этим вероятность ухудшения, а часто и полного разрушения межличностных связей достаточно высока. Напряженность, возникающая в ситуациях затрудненного общения, стимулирует деструктивные формы коммуникативного поведения (агрессию, враждебность, цинизм, негативизм и др.), возникновение конфликтов, взаимное недовольство, обиды, раздражение. Все это, накапливаясь от ситуации к ситуации, разрушает прежние близкие отношения партнеров.

Формализация контактов: затрудненное общение сдерживает актуализацию креативности ребенка. Это чаще всего вызвано гелатофобией (боязнью быть осмеянным, выглядеть нелепо в общении). Ребенок старается сдерживать свои импульсивные, творческие проявления, ищет «правильные», проверенные способы коммуникативного поведения, «защищающие» его от непредвиденных реакций партнеров; стереотипизирует вербальные и невербальные проявления. Таким образом, общение формализуется, становится менее открытым, откровенным, искренним, доверительным.

Функциональный анализ позволил нам выделить *функции затрудненного общения*: психологической защиты, самоактуализации,

самоутверждения, самопонимания, социального закаливания, экспрессивную, функцию динамики межличностных отношений. *Дисфункциями затрудненного общения* являются дезадаптация, дезинформация, дестабилизация, демобилизация, деиндивидуализация, диффузия идентичности субъекта общения, дистанцирование, разрушение межличностных отношений, формализация общения. Интересно, что при анализе функций и дисфункций затрудненного общения мы столкнулись с некоторой *противоречивостью*: в одних случаях возникающие коммуникативные трудности играют для субъекта развивающую, мобилизационную роль; в других ситуациях, в общении с другими партнерами эти же трудности приобретают разрушающую, демобилизующую роль в развитии субъектов общения, их взаимоотношений, поэтому определить функциональный характер ситуации затрудненного общения можно лишь относительно конкретного ребенка, характера его коммуникативных трудностей и взаимоотношений с партнером, особенностей сложившихся коммуникативных условий.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект «Затрудненное общение ребенка: механизмы, функции, генезис» (№ 13-16-44001 а(р)).

Function and Dysfunction of Difficulties Communicating in the Early Stages of Ontogeny

A. G. Samohvalova

Nekrasov Kostroma State University
Ulitsa 1 Maya, 14, 156961 Kostroma, Russia
E-mail: samohvalova@kmtn.ru

The subject of this research is the difficulty in communicating child. The purpose of the study is identification of the functional nature of difficulties of communication. This paper presents the author's definition of difficulty communicating, reveals its subjective and objective criteria, and reflects the role of communication difficulties in the personal development of child. The material is based on the experimental study of hindered communication preschool, elementary school, adolescence; as well as a retrospective self-report of young people, who have analyzed the role of difficulty of communication in personal development. Functional analysis allowed to identify the function of difficulty of communication: psychological defense, self-actualization, self-assertion, self-understanding, social hardening, expressive, a function of the dynamics of interpersonal relationships; and dysfunction – maladjustment, disinformation, destabilization, demobilization, deindividualization, diffusion identity of the subject of communication, distancing, disruption of interpersonal relationships, formalizing communication. The results show the functional contradiction and dynamic situation of child hindered communication.

Key words: difficulty communicating, communication difficulties, function, dysfunction.

References

1. Kunitsyna V. N. *Trudnosti mezlichnostnogo obshcheniya: Dis. ... dokt. psikh. nauk* (Difficulties in interpersonal communication: Dr. psych. sci. diss.). St. Petersburg, 1991. 358 p.
2. Bodalev A. A., Kovalev G. A. *Psikhologicheskiye trudnosti obshcheniya i ikh preodoleniya* (Psychological difficulties of communication and how to overcome them). *Pedagogika* (Pedagogy), 1992, no. 5–6, pp. 25–32.
3. Labunskaya V. A., Mendzheritskaya Yu. A., Breus E. D.

Список литературы

1. *Кунцына В. Н. Трудности межличностного общения : дис. ... д-ра психол. наук.* СПб., 1991. 358 с.
2. *Бодалев А. А., Ковалев Г. А. Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика.* 1992. № 5–6. С. 25–32.
3. *Лабунская В. А., Менджеричская Ю. А., Бреус Е. Д. Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция.* М., 2001. 288 с.
4. *Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка : проблемы, диагностика, коррекция.* СПб., 2011. 432 с.
5. *Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни.* Кострома, 2010. 296 с.
6. *Маслоу А. Мотивация и личность.* СПб., 2001. 535 с.
7. *Роджерс К. Искусство консультирования и терапии.* М., 2002. 956 с.
8. *Харламенкова Н. Е. Самоутверждение подростка.* М., 2004. 296 с.
9. *Знаков В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии.* 2007. Т. 2, вып. 3. С. 65–74.
10. *Рожков М. И., Байбородова Л. В. Теория и методика воспитания.* М., 2004. 384 с.
11. *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология в XX столетии. Теоретические подходы.* М., 2002. 287 с.

Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya. Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrektsiya (Psychology hindered communication. Theory. Methods. Diagnostics. Correction). Moscow, 2001. 288 p.

4. *Samokhvalova A. G. Kommunikativnyye trudnosti rebenka: problemy, diagnostika, korrektsiya* (Child communication difficulties: problems, diagnosis, correction). St. Petersburg, 2011. 432 p.
5. *Kryukova T. L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznyye periody zhizni* (Psychology of coping behavior in different periods of life). Kostroma, 2010. 296 p.

6. Maslow A. H. *Motivation and personality*. N.Y., 1987, 489 p. (Russ. ed.: Maslou A. *Motivatsiya i lichnost*. St. Petersburg, 2001. 535 p.)
7. Rogers C. R. *Counseling and Psychotherapy*. Boston, 1942. 450 p. (Russ. ed.: Rodzhers K. *Iskusstvo konsultirovaniya i terapii*. Moscow, 2002. 956 p.)
8. Kharlamenkova N. E. *Samoutverzheniye podrostka* (Assertiveness of teenager). Moscow, 2004. 296 p.
9. Znakov V. V. *Samosoznaniye, samoponimaniye i ponimayushcheye sebya bytiye* (Self-awareness, self-understanding and understanding itself being). *Metodologiya i istoriya psikhologii* (Methodology and History of Psychology), 2007, vol. 2, no. 3. pp. 65–74.
10. Rozhkov M. I., Bayborodova L. V. *Teoriya i metodika vospitaniya* (Theory and methods of upbringing). Moscow, 2004. 384 p.
11. Andreeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. *Zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya XX stoletiya. Teoreticheskiye podkhody* (Foreign Social Psychology XX century. Theoretical approaches). Moscow, 2002. 287 p.

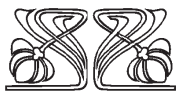
ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01(73)

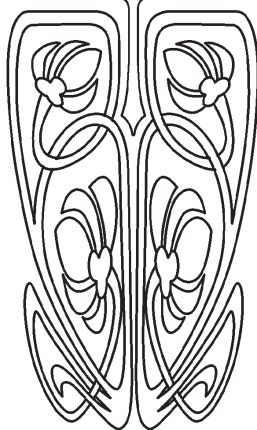
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ США В XX ВЕКЕ

Т. Н. Бокова

Бокова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английского языка,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
E-mail: tnbokova@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Статья посвящена анализу основных философско-педагогических концепций США в XX веке: прагматизму, бихевиоризму, гуманизму, конструктивизму и когнитивизму. Предметом исследования являются особенности и тенденции развития педагогической мысли в США в контексте становления и развития системы образования в этой стране в XX веке. Изучение и сравнительное сопоставление основных направлений позволили выделить философские предпосылки, главные методологические подходы в педагогике США, показать их влияние на систему образования в России и в США. Философия призвана служить общеметодологической основой педагогических исследований и способствовать синтезу их результатов. Для педагогики, как США, так и России, это особенно важно, поскольку она опирается на положения и выводы различных отраслей социального знания и в то же время – на данные ряда естественных наук.

Ключевые слова: США, XX век, прагматизм, бихевиоризм, гуманизм, конструктивизм, когнитивизм.

Анализ отечественной и англоязычной литературы по теоретическим основам истории педагогики в США (S. Mondale, 2006; J. Pulliam, Van Patten J., 2009; R. Church, 1977; L. Cremin, 1970; J. Spring, 1990; D. Ravitch, 2010; G. Gutek, 2000) позволил выявить основные направления философско-педагогической мысли, получившие широкое распространение в США: это – бихевиоризм, когнитивизм, прагматизм (прогрессивизм), гуманизм и конструктивизм.

Прагматизм является наиболее типичным выражением американского мировоззрения начала XX в., внесшим наиболее значительный вклад в западную философию. В 1950 г. У. Куайн и Н. Гудмен попытались объединить идеи прагматизма, современной логики и аналитической философии. В настоящее время некоторые идеи прагматизма развивает один из наиболее авторитетных философов США Р. Рорти. Идеи прагматизма в разное время разделяли Ф. Шиллер (Англия), Папини (Италия), Ху Шу (Китай).

Как отмечают З. А. Малькова, Б. Л. Вульфсон, педагогические идеи Дьюи базировались не только на философских постулатах. В его работах определенным образом ассимилировались некоторые положения выдающихся педагогов прошлого – Ж.-Ж. Руссо и Ф. Фребеля, И. Песталотци и И. Гербарта, а также выводы и заключения, вытекающие из анализа практики американской школы [1, с. 36–37]. В противовес традиционной образовательной системе Дьюи предлагает революционный переворот, по его словам, соотносимый с открытием Коперника: «Теперь ребенок должен стать тем солнцем, около которого вращаются все образовательные средства,

тем радиусом, который определяет размер всего круга школьной жизни». Идеалом, по образу и подобию которого должна создаваться новая система, оказывается семья. Идеальная семья, в которой «родители настолько образованы, что правильно понимают ребенка и в состоянии удовлетворить его нужды» [2, с. 67]. Эта идеальная семья и есть прообраз идеальной школы, перед которой стоит задача давать систематически, широким, разумным, основательным способом то, что в большинстве семей дается ребенку не полно и случайным образом.

На протяжении ряда десятилетий прагматическая педагогика выступала теоретической основой правительственной школьной политики в США. Современные прагматисты несколько меняют акценты: по-прежнему осваивая принцип «обучение посредством деятельности», они подчеркивают, что деятельность нужно понимать не в узком смысле – как преимущественно физический труд или конкретные действия детей, а более широко – как любой вид учебной деятельности, если ученик выступает ее активным участником. Прагматизм оказал существенное воздействие и на ряд западноевропейских педагогов: П. Нанна (Англия), О. Декроли (Бельгия), Р. Кузинэ (Франция).

Необходимо отметить, что основные идеи прагматизма Д. Дьюи и метод проектов У. Килпатрика подвергались критике еще в начале прошлого века. У. Бэгли (профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке) резко выступал против утилитаризма программ средней школы и прагматических подходов к образованию. Важно отметить, что с середины XX в. идеи прагматизма объединяются с логическим позитивизмом, семантикой, операционализмом.

В России идеи прагматизма появились в конце XIX – начале XX в., но наиболее востребованы они лишь после Первой мировой войны. Однако до 1931 г. образовательная теория и практика в Советском Союзе развивалась в русле глобальных педагогических тенденций. В начале века концепция Д. Дьюи высоко оценивалась советскими учеными и педагогическими деятелями – Н. К. Крупской, Б. В. Всесвятским, П. П. Блонским, С. Т. Шацким, Б. Б. Комаровским.

По мнению М. В. Бочкаревой, российские педагоги проявили интерес к американскому педагогическому опыту потому, что в нем содержались новейшие идеи, которые вполне отвечали задачам воспитания активной личности. К наиболее важным для российской педагогики идеям прагматизма советские педагоги XX в. относили: умение планировать учебный труд и главное – самостоятельно трудиться; обучение, которое основано на применении исследовательского метода; систему контроля и, что самое важное, самоконтроля в процессе учебной деятельности [3, с. 8].

Бихевиоризм восходит к прагматизму, но если в прагматизме предметом исследования является что-то конкретное и наблюдаемое, то для бихевиористов таковым становится само поведение. Бихевиоризм возник благодаря изучению условных рефлексов в психологии и становлению зоопсихологии как экспериментальной ветви психологии. В противовес тем психологическим школам, которые рассматривают человека сквозь призму внутренних факторов сознания и мышления, бихевиористская теория личности и природы ее поведения опирается на идею «машиннообразного индивида». Применительно к процессу учения и научения это означает, что он аккумулирует информацию, приобретает те или иные умения и навыки, наконец, приобщается к нужным поведенческим стандартам – и все это достигается благодаря последовательному манипулированию внешними воздействиями, влиянию на ребенка определенных стимулов.

В системе бихевиористских установок жесткий внешний контроль фигурирует в качестве главной предпосылки выработки у школьников необходимых навыков и умений, усвоения ими определенного информационного фонда, соразмеряемого с их предстоящими обязанностями, наконец, как основное условие приобщения к «поведенческому коду» личности буржуазного типа. Бихевиористские установки открыли возможность контролировать формирование личности в стенах школы на путях технологизации процесса учения и модификации поведения. Основной установкой бихевиоризма является утверждение, что человек является незрелым биологическим организмом, у которого следует вырабатывать адекватные реакции на определенные стимулы. Особое значение в бихевиористской школе приобрела идея позитивного или негативного подкрепления той или иной реакции индивида как мощного движущего фактора поведения, трактуемого как жизненное проявление личности в самом широком аспекте. Выявляя недостатки бихевиоризма, Дж. Гарсия опроверг предположение И. П. Павлова о том, что абсолютно любой стимул может воздействовать как некий условный раздражитель и благодаря этому формируется условный рефлекс, т.е. возникает какая-либо ответная реакция как условный ответ. В качестве иллюстрации он предложил следующий эксперимент: крысы, которые пили воду с неприятным вкусом и которых стимулировали потом на тошноту, не пытались избежать стимула тошноты, а связывали свою тошноту с водой и переставали ее пить. Данный пример иллюстрирует то, что эволюционно заложенное поведение всегда доминирует над приобретенным.

В России бихевиоризм, как и многие другие психологические течения, рассматривался как буржуазное извращение психологии. Критика А. Н. Леонтьева, в основном, основывалась на

том, что бихевиоризм полностью отрицал роль и наличие внутренних ненаблюдаемых свойств (цели, мотивы, предубеждения и т.п.) в поведении и деятельности человека. Однако возникшие объективная психология П. П. Блонского и рефлексология В. М. Бехтерева были близки бихевиоризму.

В настоящее время бихевиоризм не достиг предполагаемой популярности, однако внес значительный вклад в сферу практической психологии. Необходимо отметить, что принципы бихевиоризма оказали наибольшее влияние на развитие социальных наук в XX в. Бихевиористские теоретические модели (особенно теория научения) вместе с психоаналитическими широко применялись в первой половине XX в. представителями направления «культура-и-личность». Необихевиористские модели широко используются в социологии и социальной психологии (теория обмена Дж. Хоманса и П. Блау; социологические концепции Б. Ф. Скиннера) и в психотерапии и коррекции поведения. Бихевиоризм положил начало становлению и развитию разнообразных психологических и психотерапевтических школ, таких как необихевиоризм, когнитивная психология, поведенческая терапия. Даже сейчас существует бихевиоризм, который строится на «скиннерских» началах, проверяемый на практике и вполне успешно решающий ежедневные проблемы людей, который функционирует под названием «анализ поведения», а также всемирная организация Association for Behavior Analysis International® (ABA International®), основанная в 1974 г. [4].

Ведущие идеи бихевиоризма нашли применение в разработанном Б. Ф. Скиннером программном обучении. Сущность данной концепции заключается в применении аппаратных средств, в представлении информации всем учащимся и в выдаче им результатов их обучения, а также делении учебного материала на небольшие порции, которые учащийся пытается освоить в соответствии с заданным уровнем способностей.

Опираясь на модель бихевиоризма, различные факультеты педагогики в США до настоящего времени делают главный упор на имитацию и автоматизацию поведения. В итоге целью образования в США в течение многих лет остается освоение набора предопределенных методов преподавания, но при этом контроль качества осуществляется при помощи стандартизированного тестирования. Любые стандарты выступают образцами поведения, а почти любую форму поведения можно воспитать, как считают бихевиористы.

Если в бихевиористской теории ребенок выступает как программируемый извне организм, пассивно воспринимающий информацию и демонстрирующий определенный «поведенческий репертуар», то психологи-когнитивисты (от лат. *cognition* – знание, познание) отстаивают иной взгляд на природу ребенка. В теории виднейшего представителя этого течения Дж. Брунера

(США) ребенок – не пассивный реципиент, он не просто «аккумулирует» знания и навыки, но выступает как исследователь окружающего мира, активный субъект познавательной деятельности. Обосновывая задачу максимального выявления интеллектуальных резервов ребенка в стенах школы, Дж. Брунер выступает с конструктивной идейно-теоретической программой, адресованной педагогике. Базируясь на сходном с Ж. Пиаже взгляде на ребенка как исследователя окружающего мира, Брунер тем не менее адресует ученому упрек в известной недооценке внешних факторов умственного развития: «Хотя Пиаже и признает, что влияние окружающей среды играет свою роль, тем не менее, это признание носит формальный характер» [1, с. 157]. Неудовлетворенность Дж. Брунера этой стороной учения Ж. Пиаже обоснованна, так как он один из тех немногих современных западных аналитиков педагогического процесса, кто поднимает вопрос о реальной значимости самого обучения как эффективного фактора умственного развития ребенка.

В педагогике США весьма разветвленную структуру имеет *гуманистическое* направление мысли. Психологический гуманизм появился в середине XX в. в противовес существующему бихевиористскому подходу к личности человека и был представлен Г. Олпортом, А. Маслоу, К. Роджерсом. Согласно А. Маслоу, гуманистическое воспитание заключается в раскрытии педагогом того, что в человеке уже заложено [5, с. 236]. Учение, которое направляется извне, уступает место учению, которое направляется изнутри. В этом случае открывается путь к самоактуализации. Предложенная целостная философия охватывает вопросы цели жизни, деятельности общества и многие другие аспекты человеческого существования.

Основатель гуманизма К. Роджерс рассматривает обучение как бесконечный процесс, который существует в рамках континуума значения [6, с. 78]. Традиционную модель образования К. Роджерс (1983) предложил заменить на человеко-центрированный подход в обучении либо «значимое учение», которое не является простым накоплением фактов, а подразумевает полное изменение внутреннего чувственно-когнитивного опыта ученика, связанного с его личностью. В концепции К. Роджерса процесс становления и самоутверждения личности, по существу, сводится к постоянному открытию индивидом новых аспектов своего «Я», возможному лишь при условии углубления духовной самореализации и отказа от так называемого «экстенсивного творчества внешних форм». Активность индивида реализуется при таком подходе как индивидуальное развитие.

Человеко-центрированные идеи Роджерса широко используются в ШИВИ (Школе изобразительных и визуальных искусств), Полуостровной школе, Свободной школе. Основные положения этой педагогической концепции на-

ходят также свое практическое применение в школах в России: их широко применяют Н. М. Басалаева, Т. В. Дмитриева, М. А. Зарай. Концепция лично ориентированного обучения с позиций психологии в нашей стране разработана И. С. Якиманской. И Роджерс, и И. С. Якиманская разграничивают процессы обучения и учения, понимая последнее как индивидуально значимую деятельность отдельного субъекта, в которой реализуется его личный опыт [7, с. 98].

Теория К. Роджерса, как и все другие психологические, оценивалась с точки зрения внутренней цельности, упорядоченности, координированности, разработанности, степени соответствия эмпирическим данным. Его критиковали за игнорирование бессознательного, однако как зарубежные, так и российские психологи (Г. Киршенбаум, М. О'Хара, В. С. Сысоев, Р. И. Вылков, С. Л. Братченко), поддерживая позицию Роджерса, обращают особое внимание на то, что его гуманистические идеи актуальны, в том числе и в России [7, с. 113–116].

Синтез технократических позиций бихевиоризма и гуманистической парадигмы прогрессивизма и гуманизма был осуществлен в США в рамках *конструктивизма*, который в последние годы стал объектом пристального внимания педагогов-практиков и тех, кто разрабатывает политику образования. Конструктивизм ярко выражен в ряде взглядов на переживание человеческого опыта. Конструктивистские темы встречаются в азиатской (Лао Цзы и Будда) и западной философии (Гераклит, И. Кант, Дж. Вико, А. Шопенгауэр и О. Вайдигер).

Представители данного течения критиковали эмпирический, редукционистский подход, где ученик рассматривался как пустой сосуд, наполняемый истинным, как считает учитель, знанием для применения в будущем по мере необходимости. В рамках конструктивизма выделяются два основных течения: психологический (восходящий к работам Пиаже) и социокультурный (восходящий к работам Выготского). Ученые, придерживающиеся этого направления, полагают, что учебная деятельность состоит в активном, проблемно ориентированном исследовании и взаимном сотрудничестве участников деятельности. Конструктивисты предпринимают конкретные шаги для практической реализации своего подхода: в штате Кентукки осуществляется проект «Фоксфайер Проджект» (Foxfire Project). Место бихевиоризма теперь занимает конструктивизм, во многих университетах и колледжах вводятся курсы, разрабатывающие его идеи. Всё вышеизложенное дает основание заключить, что данная философско-педагогическая концепция занимает значимое место в педагогике США [8].

Подытоживая, можно сказать, что если для представителей бихевиоризма учебная деятельность направлена только на решение заранее

предопределенных задач, то для представителей прогрессивизма (прагматизма) она носит проблемно-спонтанный характер. Для конструктивистов, прежде всего, характерен дидактический отход от идей прагматизма: формы организации обучения, с их точки зрения, должны соответствовать логической структуре знания, и в этом наблюдается сходство с принципами традиционной педагогики. Гуманизм в основу кладет фасилитативные формы во всей организации обучения. Самостоятельное планирование учебного процесса в ключевых моментах перекликается с философией прагматизма, а самооценивание связано с экзистенциальными идеями высшей ценности человека. Глубоко близки к позитивизму (прагматизму) представители конструктивизма, которые подчеркивают важность максимального приближения образования к практическим условиям деятельности учащихся, так как навыки, которые с трудом приобретаются в рамках формального образования, плохо переносятся учащимися на практическую деятельность [9, с. 34–36].

Стремление педагогов и ученых США философски обосновать свои концепции связано с тем, что в современном научном знании, особенно если иметь в виду науки о человеке, все большее значение приобретает междисциплинарный подход. Закономерности становления и развития личности исследуются комплексно, разными отраслями науки. Философия призвана служить общеметодологической основой таких исследований и способствовать синтезу их результатов. Для педагогики, как США, так и России, это особенно важно, поскольку она опирается как на положения и выводы различных отраслей социального знания, так и на данные ряда естественных наук. Мы полагаем, что не следует опираться на одну философскую доктрину, но целесообразен их синтез, открывающий неограниченные возможности для свободного выбора педагога.

Список литературы

1. Малькова З. А., Вульфсон Б. Л. Буржуазная педагогика на современном этапе. Критический анализ. М., 1984. 256 с.
2. Dewey J. How we think // J. Dewey. Boston, 1910. 224 p.
3. Бочкарева М. В. Педагогика прагматизма и ее влияние на теорию и практику советской школы 1920–1930-х годов : дис. ... канд. пед. наук. Киров, 1999. 191 с.
4. Лухи Т. История современной психологии. СПб., 2003. 448 с.
5. Maslow A. H. The role of dominance in the society & sexual behavior of human primates // J. of Genetive Psychology. 1987. 281 с.
6. Rogers C. Freedom to learn. N.Y., 1994. 406 p.
7. Низовая (Бокова) Т. Н. Педагогические идеи К. Роджерса и их влияние на теорию и практику обучения и воспитания в США : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2004. 180 с.
8. Шаталова Н. П. Конструктивизм в образовании.

URL: http://www.portalus.ru/modules/pedagogics/rus_readme.php?archive=&id=1271195149&start_from=&subaction=showful (дата обращения: 12.06 2012).

9. *Ерастов Ю. В.* Сопоставительный анализ подходов к качеству педагогического образования в США и России : дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2004. 228 с.

Analysis of the Major Philosophical-Pedagogical Concepts in the United States of America in the XX Century

T. N. Bokova

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Prospekt Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia
E-mail: tnbokova@mail.ru

The article is devoted to analysis of the major philosophical and pedagogical concepts in the United States in the XX century: pragmatism, behaviorism, humanism, constructivism and cognitivism. The subject matter of the research is peculiarities and trends of the educational thought in the United States in the context of the formation and development of the education system in the United States in the XX century. Careful study and comparison of these areas helped identify key philosophical premises, values and methodological approaches in American pedagogy, the influence on the educational systems in the United States and Russia. Philosophy is regarded as a general methodological basis of educational research and it facilitates the synthesis of the results. It is considered to be vital for pedagogy, both in the U.S. and Russia as it is based both on premises and results of various branches of social science, as well as on data from a number of natural sciences.

Key words: USA, XX century, pragmatism, behaviorism, humanism, constructivism, cognitivism.

References

1. Malikova Z. A., Vulfson B. L. *Burzhuaznaya pedagogika na sovremennoy etape. Kriticheskiy analiz* (Bourgeois pedagogy at the present stage. Critical analysis.) Moscow, 1984. 256 p.
2. Dewey J. *How we think*. Boston, 1910. 224 p.
3. Bochkareva M. V. *Pedagogika pragmatizma i yeye vliyaniye na teoriyu i praktiku sovetskoy shkoly 1920–1930-kh godov: Dis. ...kand. ped. nauk* (Pedagogy of pragmatism and its influence on the theory and practice of the Soviet school of 1920–1930-s: Cand. ped. sci. diss.). Kirov, 1999. 191p.
4. Leahey T. H. *A History of Modern Psychology*. Upper Saddle River, N.J., 2000, 422 p. (Russ. ed.: Likhi T. *Istoriya sovremennoy psikhologii*). St. Petersburg, 2003. 448 p.
5. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. N.Y., 1970. 281 p.
6. Rogers C., Freiberg J. *Freedom to learn*. N.Y., 1994. 406 p.
7. Nizovaya (Bokova) T.N. *Pedagogicheskiye idei K. Rodzhersa i ikh vliyaniye na teoriyu i praktiku obucheniya i vospitaniya v SShA: Dis. ...kand. ped. nauk* (Pedagogical ideas of C. Rogers and their influence on the theory and practice of upbringing and education in the USA: Cand. ped. sci. diss.). Volgograd, 2004. 180 p.
8. Shatalova N. P. *Konstruktivizm v obrazovanii* (Constructivism in Education), available at: http://www.portalus.ru/modules/pedagogics/rus_readme.php?archive=&id=1271195149&start_from=&subaction=showful
9. Erastov Yu. V. *Sopostavitelnyy analiz podkhodov k kachestvu pedagogicheskogo obrazovaniya v SShA i Rossii: Dis. ...kand. ped. nauk* (Comparative analysis of the approach to the quality of teacher education in the United States and Russia: Cand. ped. sci. diss.). Novokuznetsk, 2004. 228 p.

УДК. 37.032

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ДИАГНОСТИКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ШКОЛЬНИКОВ

Д. А. Лукашенко

Лукашенко Дарья Анатольевна – аспирант кафедры методологии образования, Саратовский государственный университет
Email: Lukashenkoda@yandex.ru

Рассматриваются концептуальные подходы к подготовке будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников: системный, ценностный, деятельностный, компетентностный. Междисциплинарное исследование сущности профессиональной подготовки позволило выделить философский, психологический и педагогический аспекты. Проведен системно-структурный анализ диагностической деятельности студентов и представлена специфика каждого элемента: цели, мотивов,

содержания, умений и результата. Обоснованы особенности подготовки будущих педагогов к педагогической диагностике: формирование их внутриличностной мотивации, субъект-субъектные взаимоотношения, практическая направленность подготовки и рефлексия ее результата субъектами диагностики.

Ключевые слова: подготовка студентов, диагностическая деятельность, системно-структурный анализ, модель, принципы и условия её реализации.

В условиях современного развития общества особое внимание уделяется качественно новым требованиям к системе образования, профессиональной подготовке будущих педагогов. Одним из путей повышения эффективности данной подготовки является обучение студентов диагностике образовательных результатов школьников. С этой целью исследовалась сущность профессиональной подготовки студентов вообще и подготовки будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников в частности.

В исследовании в результате междисциплинарного анализа были выделены концептуальные подходы к обновлению системы профессиональной подготовки студентов: системный, ценностный, деятельностный, компетентностный. Все они являются основными ориентирами при определении траектории авторского замысла и выполняют определенную роль в раскрытии исследуемой проблемы: *системный* предназначен для определения взаимосвязей между образовательными процессами и явлениями, в нашем случае – между подготовкой и диагностикой; *ценностный* позволяет выделить ценности подготовки будущих учителей к диагностике образовательных результатов школьников; *деятельностный* нацеливает на изучение структурных элементов диагностической деятельности и её видов; *компетентностный* служит обоснованию и разработке диагностической компетенции как результата подготовки студентов.

Проведенный междисциплинарный анализ проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов позволил углубить теоретические представления о ее сущности. Он показал, что в рамках философского аспекта исследователи (В. Г. Афанасьев, Л. П. Буева, М. С. Каган и др.) подчеркивают необходимость изучения личности с позиции учета роли и места теории и практики и их влияния на деятельность людей, на организацию жизнедеятельности человека. Важным также является исследование специфики связей в общественных отношениях, особенностей взаимодействия с окружающим миром.

Психологический аспект данной проблемы (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. А. Петровский и др.) связан с изучением процесса подготовки будущего специалиста с позиции субъект-субъектных отношений и формированием его профессиональной направленности, исследованием мотивации и эффективности профессиональной деятельности.

Педагогический аспект изучения профессиональной подготовки (О. А. Абдуллина, Н. В. Кузьмина, Н. Б. Крылова, Г. К. Паринова, В. А. Сластенин, А. П. Тряпицына и др.) позволил выделить различные направления её исследования: содержание и сущность; её особенности; этапы; специфику результата, выражающегося в повышении уровня диагностической компетен-

ции субъектов профессиональной подготовки.

Проведенный анализ позволил расставить смысловые акценты в исследовании обозначенной проблемы с позиций разных наук, например, с *философской* – наряду с теоретической особо выделить практическую направленность подготовки и рассматривать её как относительно самостоятельную область образовательной практики; *психологической* – рассмотреть субъект-субъектный характер взаимоотношений всех участников данного процесса, предполагающий их совместное действие, сотрудничество, проявление активности через включение в диагностическую деятельность; *педагогической* – исходя из имеющихся результатов, представить специфику диагностической деятельности и особенности данной подготовки.

Последующее исследование проблемы подготовки будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников потребовало более глубокого изучения исторического и современного развития педагогической диагностики. Ретроспективный анализ сущности диагностики показал, что в разные времена учёными-педагогами она рассматривалась с разных позиций: к фиксации «истории воспитания» каждого ученика призывал К. Д. Ушинский; разработкой методов изучения личности и рекомендаций по их применению занимались А. Ф. Лазурский и П. Ф. Лесгафт; бережно относиться к ребенку, постоянно его изучать рекомендовал Л. Н. Толстой; изучать воспитанника только в процессе совместной с ним работы и активной помощи ему советовали А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский.

В современных исследованиях феномена диагностики авторы исходят из трактовок, согласно которым она и ее объект рассматриваются как: составная часть педагогической деятельности, направленная на выявление свойств личности с целью измерения результатов воспитания, образования и обучения (В. С. Аванесов) [1]; распознавание и учет индивидуальных и групповых особенностей участников образовательного процесса (И. А. Скопылатов, О. Ю. Ефремов) [2]; определение тенденций индивидуально-личностного развития субъектов взаимодействия, направленных на управление качеством педагогического процесса (Н. М. Борытко) [3]; измерение эффективности педагогического процесса, определение возможности каждого его участника (К. Ингекамп) [4].

Анализ литературы по данной проблеме показал, что педагогическая диагностика, становясь все более востребованной в сфере образования, призвана учитывать инновационные тенденции его развития. Это послужило, на наш взгляд, правомерным основанием для введения термина развивающей педагогической диагностики образовательных результатов школьников, которая позволяет создать условия для прогнозирования и организации личностного развития и саморазвития учащихся. Теория и практика научных ис-

следований показывает, что установка на развитие личности делает актуальным назначение самих диагностических процедур, введение в них ситуаций развития, работа над которыми требует наличия диагностических компетенций участников, вовлеченных в совместную деятельность.

Важно подчеркнуть, что в контексте исследования данного феномена его объектом является диагностика образовательных результатов школьников, определенных требованиями Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования, в котором в качестве критериев развития школьников установлены новообразования в личностной и операционально-действенной сферах – личностные, метапредметные и предметные образовательные результаты учащихся. Личностные результаты – сформировавшаяся в образовательном процессе система ценностных отношений учащихся к себе, образовательному процессу и его участникам, объектам познания, результатам образовательной деятельности (фактор развития мотивационных ресурсов учащихся). Метапредметные – освоенные обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов способы деятельности, применимые как в рамках образовательного процесса, так и в реальных жизненных ситуациях (инструментальные). Предметные результаты – усвоенные школьниками конкретные элементы социального опыта, изучаемого в рамках отдельных учебных предметов. Именно они обеспечивают ориентацию в явлениях действительности (когнитивные). Все они в совокупности и их диагностика являются предметом профессиональной подготовки в процессе организации диагностической деятельности студентов.

Анализ научной литературы свидетельствует, что реализация педагогической диагностики осуществляется через диагностическую деятельность учителя, которая рассматривается во многих педагогических исследованиях как необходимая составляющая его профессиональной деятельности. С целью более глубокого изучения диагностической деятельности учителя, опираясь на разработанную Г. И. Щукиной [5] структуру деятельности, был проведен её системно-структурный анализ на основе положений о деятельности вообще и о диагностической деятельности в частности (Л. А. Байковой [6], Н. М. Борытко [3], О. Ю. Ефремова [2], Г. И. Щукиной [5]).

Структурирование диагностической деятельности было проведено посредством анализа ее элементов. Цель рассматривается как проект упорядоченных действий, направленных на получение объективной информации, распознавание, контроль и коррекцию. Мотивы субъектов обусловлены их потребностями реализации интересов, стремлением к самовыражению, самореализацией своих диагностических способностей. Содержание исследуемой деятельности представ-

лено следующими ее видами: информационно-исследовательским, организационно-практическим, результативно-преобразовательным. Умения определены как способность выполнять систему действий по проведению диагностирования. Результат имеет двунаправленный характер, отражающий внешнюю – объективную и внутреннюю – субъективную его стороны.

Объективной стороной результата является включение студентов в данную деятельность и получение её продуктов: пакетов диагностических методик, авторских программ по организации и проведению диагностической деятельности, рефератов, докладов, проектов. Субъективная сторона результата выражается достижением студентами оптимального для каждого из них уровня диагностической компетенции как готовности и способности будущих учителей ее осуществлять. Остановимся на этой позиции более подробно, так как именно компетенции отражены в новом Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования как результат профессиональной подготовки.

Понятие «диагностическая компетенция будущего педагога» рассматривается нами как сложное образование, представляющее собой синтез таких интегрированных свойств личности, как *готовность*, включающая убеждения, взгляды, мотивы, знания, умения, навыки и установки, *способность*, выражающаяся в диагностических действиях, допускающих перенос из одних условий в другие, с одного материала на другой, способствующих включению студентов в такую деятельность.

В связи с этим научно обоснован критериально-диагностический инструментарий определения уровней достижения диагностической компетенции студентов. Эффективность исследуемого процесса определена по выделенным уровням диагностической компетенции студентов (начальному, допустимому, возможному и оптимальному), которые отражены в количественных и качественных изменениях согласно выявленным критериям и показателям: *когнитивный* – готов работать с информацией, способен ее обрабатывать и конструировать различные ситуации диагностической деятельности; *действенный* – готов осуществлять диагностическую деятельность и способен переносить диагностические действия из одних условий в другие; *рефлексивный* – готов оценивать и корректировать результаты диагностической деятельности, способен организовать процесс ее совершенствования.

Таким образом, проведенный структурный анализ диагностической деятельности позволил выделить специфику каждого ее элемента:

декомпозиция цели рассматриваемой деятельности позволила выявить её *задачи*: поиск студентами информации, ориентация в ней, выявление исследуемых проблем, формирование умений самостоятельно планировать, анализиро-

вать, интерпретировать и оценивать процесс диагностирования, развитие рефлексивных умений будущих учителей, обучение анализу достигнутых результатов и их коррекции;

мотивы: исследовательский интерес к информации о сущности педагогической диагностики и её проведении; направленность студентов на приобретение умений осуществлять диагностическую деятельность и проводить анализ её субъективных и объективных результатов;

содержание составляют вытекающие из её целей виды диагностической деятельности: информационно-исследовательский, организационно-практический и результативно-преобразовательный;

умения: главные из них – организация диагностической деятельности и перенос этих умений в работу со школьниками;

результат диагностической деятельности отражает его внешнюю сторону – получение её продуктов (пакетов диагностических методик, авторских программ, рефератов, докладов, проектов и др.) – и внутреннюю – достижение студентами оптимального для каждого уровня диагностической компетенции.

Таким образом, диагностическая деятельность выступает активизирующей силой процесса подготовки студентов к диагностике образовательных результатов школьников, позволяя вскрыть специфику и особенности, лежащие в основе данных процессов: чем эффективнее организована диагностическая деятельность, тем оптимальнее протекает процесс подготовки студентов, интенсивнее проявление их активности.

На основе проведенного анализа литературы и с позиции вышеназванных подходов рассмотрения сущности диагностической деятельности и её специфики были выделены следующие *особенности* подготовки будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников:

она представляет сложное педагогическое явление двух взаимосвязанных процессов: подготовки и диагностики, основу которых составляют педагогическая и диагностическая деятельность с их субъектной природой;

её структурные компоненты и их реализация обеспечивают формирование внутриличностной мотивации и ценностного отношения студентов к ней;

субъект-субъектный характер взаимоотношений студентов и преподавателей, студентов и учащихся в организуемом процессе, который определяется как совместное действие, сотрудничество всех его участников, предполагающее постоянное движение к осуществлению замыслов диагностики образовательных результатов;

практическая направленность подготовки, выражающаяся включением студентов в диагностическую деятельность, её виды через организуемые формы работы и диагностическую практику, что позволяет рассматривать её как относительно самостоятельную область образовательной практики.

Таким образом, на основе междисциплинарного анализа выделены концептуальные подходы к профессиональной подготовке студентов: системный, ценностный, деятельностный, компетентностный, рассмотрены теоретические представления о сущности профессиональной подготовки будущих специалистов, проведено структурирование диагностической деятельности посредством анализа её элементов, выявлена их специфика, представлены особенности подготовки будущих педагогов к диагностике образовательных результатов школьников. Кроме того, изучены историческое и современное развитие педагогической диагностики, определен его объект – диагностика образовательных результатов школьников, а также обоснована идея развивающей педагогической диагностики.

Список литературы

1. *Аванесов В. С.* Основы педагогической теории измерений // Педагогические измерения. 2004. № 1. С. 15–22.
2. *Скопылатов И. А., Ефремов О. Ю.* Управление персоналом. СПб., 2000. 480 с.
3. *Борытко Н. М.* Диагностическая деятельность педагога : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под. ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. М., 2008. 288 с.
4. *Ингенкамп К.* Педагогическая диагностика / пер. с нем. М., 1991. 240 с.
5. *Шукина Г. И.* Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе : учеб. пособие для студ. ин-тов. М., 1979. 160 с.
6. *Байкова Л. А.* Обучение будущих учителей начальной школы диагностической деятельности : теория, методология, технология (на материале педагогических дисциплин) : дис. ... д-ра пед. наук. Тула, 2004. 379 с.

Theoretical Aspects of Preparing Future Teachers for Diagnosis of Students' Education Results

D. A. Lukashenko

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
Email: Lukashenkoda@yandex.ru

This article discusses the conceptual approaches to future teachers' training to diagnostic of pupils' educational outcomes: system, values, activity, and competence. Interdisciplinary research of essence of professional training made it possible to outline philosophical, psychological and pedagogical aspects. Systemic-structural analysis of students' diagnostic activity is held and specific of each element: aim, motives, content,

skills and results is presented. Features of future teachers' training to pedagogical diagnostic of pupils' educational outcomes are revealed: the formation of their intra personal motivation, subject-to-subject nature of relationships, practical orientation of students' training and reflection of results by subjects of diagnostic.

Key words: students training, diagnostic activity, structural system analysis, model, principles and conditions for its implementation.

References

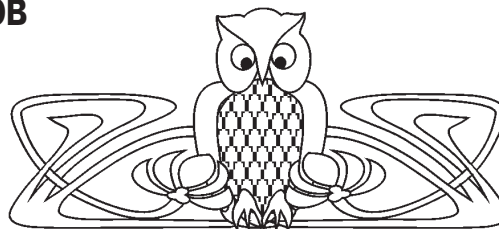
1. Avanesov V. S. Osnovy pedagogicheskoy teorii izmereniy (Bases of the pedagogical theory of measurements). Pedagogicheskiye izmereniya (Educational Measurement). 2004, №1, pp. 15–22.
2. Skopylatov I. A., Efremov O. Yu. Upravleniye personalom (Human resource management). St. Petersburg, 2000. 480 p.
3. Borytko N. M. Diagnosticheskaya deyatel'nost' pedagoga / pod. red. V. A. Slastenina, I. A. Kolesnikovoy (Diagnostic activity of the teacher). Moscow, 2008. 288 p.
4. Ingenkamp K. Pedagogicheskaya diagnostika (Pedagogical diagnostic). Moscow, 1991. 240 p.
5. Shchukina G. I. Aktivizatsiya poznavatel'noy deyatel'nosti uchashchikhsya v uchebnom protsesse (Activation of cognitive activity of pupils in educational process). Moscow, 1979. 160 p.
6. Baykova L. A. Obucheniye budushchikh uchiteley nachal'noy shkoly diagnosticheskoy deyatel'nosti: teoriya, metodologiya, tekhnologiya (na materiale pedagogicheskikh distsiplin): Dis. ... d-ra ped. nauk (Training of future elementary school teachers of diagnostic activity: theory, methodology, technology {on a material of pedagogical disciplines}: Dr. ped. sci. diss.). Tula, 2004. 379 p.

УДК 37.014.3(470)(09)

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

А. Н. Поздняков

Поздняков Александр Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социокультурных основ образования, Саратовский государственный университет
E-mail: alnikpoz@mail.ru

Особое место в истории отечественного образования занял XIX век. Это был период активной деятельности государства и общества по созданию образовательной системы страны. Для него была свойственна тенденция стабильного роста количества учебных заведений и обучавшихся. Одновременно с этим к концу XIX века в российской системе образования назрел целый комплекс серьезных проблем. Общество волновали такие важные вопросы, как расширение и качественное обновление системы начального образования, введение на его основе всеобщего обучения; реформирование среднего образования, приведение его структуры и содержания в соответствие с современными требованиями и мировым опытом; обеспечение взаимосвязи разных уровней и ступеней образования, создание в стране единой, преимущественной системы общего образования. Одним из важных источников, позволяющих осуществить объективный исторический анализ и дать оценку положения дел в отечественной системе образования того периода, являются статьи и книги, опубликованные современниками. В данной статье дается аналитический обзор изданных в конце XIX – начале XX века материалов. Они представляют широкий спектр принципиальных позиций, взглядов представителей российской общественности о путях развития образования.

Ключевые слова: гимназия, реальное училище, реформа образования.

В истории отечественного образования особое место занял XIX век. Это был период активной деятельности государства и общества по созданию образовательной системы страны. Всему XIX в.,

особенно его второй половине, была свойственна тенденция стабильного роста количества учебных заведений и обучавшихся. Эта тенденция сохранялась и в начале XX в. Одновременно с этим в российской системе просвещения назревал целый комплекс серьезных проблем, от решения которых зависело общее направление развития образования. Общество, в котором разгорались острые дискуссии о путях развития образования, волновали такие важные вопросы, как:

расширение и качественное обновление системы начального образования, введение на его основе всеобщего обучения;

реформирование среднего образования, приведение его структуры и содержания в соответствие с современными требованиями и мировым опытом;

обеспечение взаимосвязи разных уровней и ступеней образования, создание в стране единой, преимущественной системы общего образования.

Острыми были дискуссии о состоянии среднего образования и необходимости его реформирования. В системе среднего образования России доминировали такие типы учебных заведений, как гимназии и реальные училища. В 1900 г. в стране насчитывалось 195 гимназий и 114 реальных училищ, в которых обучалось около 120 тыс. человек. По сравнению с начальными народными училищами, учениками которых являлись более

2,5 млн человек, это, казалось бы, немного [1]. Однако нельзя недооценивать значение для социально-экономического развития России средних учебных заведений.

Все, что происходило здесь, не могло не волновать общественность. Характерным, во многом эмоциональным было, например, выступление в журнале «Русская школа» Н. О. Езерского, который с позиций бывшего гимназиста делился своими мыслями и выводами. «Если бы нужно было коротко охарактеризовать отличительные черты гимназического преподавания, – отмечал автор, – то я мог бы выразить их в трех словах: *формализм, книжность, зубристика* [2, с. 117]. Призыв к реформированию среднего образования содержался в статье профессора Казанского университета А. С. Архангельского, опубликованной в этом же журнале, он писал: «Весь строй гимназического ученья <...> требует самых коренных изменений» [3, с. 191].

Дискуссионные страсти разгорались вокруг содержания среднего образования и его организационной структуры; много споров было по поводу классической составляющей гимназического образования, степени ее сохранения в нем. Разногласия возникали и по поводу отсутствия связи между образовательными программами гимназий и реальных училищ; они принципиальным образом различались, делая, в том числе, невозможным переход из одного учебного заведения в другое. Следует отметить, что разрозненность звеньев образовательной системы страны, отсутствие связи между ними было одной из характерных черт России рассматриваемого периода. Так, система начального народного образования, хотя и была существенно улучшена в результате реформ Александра II, по-прежнему была не связана с системой среднего образования страны.

Высокую активность в конце XIX – начале XX в. проявляли защитники классической системы гимназического образования. Однако они пытались не столько сформулировать какие-то новые аргументы в ее пользу, что, надо сказать, было трудно сделать, сколько подтвердить старые, как им казалось, проверенные временем. С этой целью, например, появилась в печати статья известного российского педагога и публициста Владимира Яковлевича Стоюнина «Наши школьные вопросы», написанная им еще в конце 1870-х гг. В ней автор называл аксиомой утверждение, что «обучение языкам латинскому и греческому, если оно идет *успешно*, полезнее, чем всякое другое обучение в средних учебных заведениях» [4, с. 82].

Немаловажное значение для развернувшейся дискуссии имела и публикация статей видного российского филолога, специалиста в области классической литературы Якова Карловича Грота, предпринятая его сыном. У того возникли опасения, «будет ли при таком страстном и далеко не объективном отношении к делу самого общества

найден верный и надежный путь <...> в проведении всеми ожидаемой реформы» [5, с. 2 введения].

Взвешенным, комплексным анализом положения дел в российской системе образования характеризовалась книга Дмитрия Ивановича Тихомирова «Об основах и организации средней школы», изданная в 1900 г. Д. И. Тихомиров был известен не только как автор многочисленных статей по проблемам образования, но и как практик, руководивший системой народных училищ в Витебской губернии. Говоря в своей книге, в частности, о гимназиях, автор исследования обратил внимание на место, которое занимали древние языки. Он отмечал, что, возникнув в Европе в XVI в., гимназии отражали господствующее в тот период времени положение латинского языка в сфере образования и культуры. Эпоха Возрождения вызвала глубокий интерес к другому языку – древнегреческому, что также отразилось на степени его востребованности в образовательной деятельности. Однако в XIX в. роль древних языков стала заметно снижаться. В силу этого возникли острые разногласия между сторонниками и противниками сохранения их доминирования среди учебных предметов, составлявших гимназическое образование. В связи с этим Д. И. Тихомиров подчеркивал: «Никто, знакомый с классической школой и на себе испытывавший образовательную силу древних языков, не может без особых, исключительного свойства причин, утверждать, что изучение древних языков не имеет влияния на развитие в учащихся хороших умственных навыков. Но не в этом вопрос, а в том, можно ли ставить этот предмет в положение *единственно-возможного, единственно-верного и единственно-естественного средства* достигнуть указанной образовательно-воспитательной цели» [6, с. 28–29].

Другим, наиболее распространенным типом средней школы являлись реальные училища. По определению Д. И. Тихомирова, школа реальная существовала рядом со школой классической, «сперничая с нею и оспаривая ее права». Появление школы этого типа в XVII в. в Европе было вызвано велением времени, когда «практическая жизнь своими требованиями заявляла свои права на внимание к ней». В результате, как отмечал Д. И. Тихомиров, «предметы реального знания – математика, география, физика и естественная история получают полное признание в курсе школы» [6, с. 44].

В отличие от многих, Д. И. Тихомиров не считал, что классическая и реальная школы принципиально отличаются друг от друга. «Если бы та и другая школа стояли на взаимно-исключающих началах, между ними не было бы ничего общего. Между тем не то мы видим в действительности» [6, с. 53].

Анализ как положительных характеристик, так и недостатков гимназий и реальных училищ приводил к мысли о неизбежности формирования

нового типа школы. Как писал Д. И. Тихомиров, появлялось «естественное стремление к объединению школы в одном типе, который совмещал бы в себе достоинства обеих школ – классической и реальной, и принятием которого положен был бы конец раздвоенности среднего образования, сказавшегося в жизни столь многочисленными недостатками» [6, с. 59].

Принципиально иных взглядов на проблемы создания единой школы придерживался известный публицист и общественный деятель Борис Михайлович Юзефович. Свое видение системы образования он изложил в серии статей, которые были включены в опубликованный в 1895 г. сборник [7]. Со временем его позиция относительно переустройства российской школы стала еще более жесткой. Это было видно, в частности, по изданной в 1903 г. его книге «Печать, политика и школа». Б. М. Юзефович ратовал не просто за фактическое сохранение, а реальное укрепление сложившейся в XIX в. сословной системы просвещения. По сути дела, он развивал идеи небезызвестного К. П. Победоносцева, когда писал: «Мальчику, выросшему в крестьянской среде, гораздо полезнее дать теоретические и практические познания в области привычного ему и здорового земледельческого труда, нежели искусственно направлять его, через среднюю и высшую школу, к далеко незаманчивой чиновничьей карьере, при губительных для него условиях зараженной городской атмосферы. С другой же стороны, в юношах независимых, самую жизнь и обстоятельства поставленных в благоприятные условия восприятия утонченных приемов культурной обработки, школа должна развивать не утилитарные наклонности, не стремление к хлебным профессиям, а широкий умственный кругозор, жажду самообразования и самостоятельности, самостоятельность и независимость характера и иные достоинства и доблести, преимущественно приобретаемые в гуманитарной школе, обставленной всеми условиями, необходимыми для воспитания в них этих высоких качеств ума и сердца» [8, с. 105–106].

В результате своих рассуждений Б. М. Юзефович сделал принципиальный вывод: «Самую вредную, самую разрушительную для всех классов населения была бы система так называемой единой школы» [8, с. 105]. «Правильно организованная государственная школа, – развивал он свою идею, – должна <...> выработать несколько различных типов учебных заведений, приспособленных ко всяким силам и дарованиям и ко всяким социальным положениям и профессиям. Только такая система могла бы удовлетворить интересы и потребности всей страны и всех классов ее населения» [8, с. 108].

Немалый интерес вызывает сочинение Дмитрия Семеновича Трифановского «Наша общеобразовательная школа», второе издание которого было осуществлено в 1891 г. Особенность этой

книги в том, что ее автор не являлся педагогом: он был известным врачом-гомеопатом, доктором медицины. Д. С. Трифановский являлся представителем российской общественности, искренне заинтересованной в преобразовании отечественной системы просвещения. Он с болью писал, что «в русской школе не только нет искренней любви и уважения к науке, но совершенно нет никакой любви к ней, а есть только сознание в необходимости учиться, в гимназии – чтобы получить право на поступление в университет, а в университете – чтобы получить диплом, а с ним и всякие государственные права и привилегии <...> Таким образом, идея, лежащая в основе нашей школы, чисто утилитарная, <...> не только не способная развить в душе юноши высоких стремлений, но наоборот, как нельзя лучше приуроченная к тому, чтобы потушить в ней и те, которые иным образом могли бы в ней образоваться» [9, с. 13].

Основную причину этого автор видел в том, что школа не была «порождена русским духом или русской историей, а перенесена к нам готовой из Европы со всем запасом фактов, теорий и гипотез, ею там собранных, но, конечно, лишенная того духа, который ее породил и которым она запечатлена у себя на родине» [9, с. 14]. Д. С. Трифановский ратовал за принципиально иную школу, ту, которая ставила бы своей целью «широкое развитие и образование» детей «всех сословий и состояний», была готова научить их «высокой христианской мудрости». Принципиальной основой образовательной деятельности в этой школе должно было бы стать формирование таких «способов души воспринимать истину», как логическое мышление, чувство гармонии, красоты, сознание правды и нравственного долга. Однако, в конечном итоге, Д. С. Трифановский пришел к неутешительному выводу об утопичности своих представлений, отмечая, что «с одной стороны, существует настоятельная нужда в школе, проникнутой живым духом христианства, с другой стороны, такая школа оказывается невозможной» [9, с. 55].

Оригинальностью идей, касающихся будущего российского образования, предполагаемой модели реформирования школы, отличалась работа доктора философии Николая Николаевича Новикова «Наука, школа и жизнь», изданная в 1900 г. Анализируя выдвигавшиеся предложения и проекты реформирования системы образования и делая акцент на их противоречивости, Н. Н. Новиков писал: «Единодушно указывалось, например, на холодный мертвящий формализм, проникший в наше школьное дело, но в то же время почти столь же единодушно рекомендовались, для противодействия этому заклятому врагу всякого живого дела, чисто формальные, канцелярски устанавливаемые меры, как отмена экзаменов, отмена “отметок” и т.д. Громадное большинство мнений было подано в пользу “единства средней

школы”, и опять-таки единство школы смешивалось с единством программ, которые скомпоновывались из программ двух типов средних школ, “классического” и “реального” <...> Единодушно подчеркивалась необходимость коренных реформ в наших школах и в то же время, столь же почти настойчиво и единодушно, высказывались предостережения относительно опасности “слишком быстрой ломки” школьных систем» [10, с. 7–8].

Проект самого Н. Н. Новикова по перестройке системы образования строился на двух фундаментальных основаниях: следование принципу «школьной свободы» и требованию «единства школы». Оба эти основания были взаимосвязаны, взаимозависимы. Под принципом школьной свободы Н. Н. Новиков понимал отказ от жестко ограниченного набора учебных предметов, зачастую не связанных между собой, и изучение которых не является потребностью каждого учащегося. В связи с этим должно было вводиться так называемое «предметное» обучение, предполагавшее сочетание обязательных и необязательных предметов. В результате программа обучения должна была представлять собой в определенной степени свободный набор предметов. Реализоваться данный принцип, по мнению Н. Н. Новикова, мог в условиях «единой школы». Он писал: «Свобода обучения и изучения, проникнув во все, так сказать, поры школьной организации, сразу уничтожает расчленение нашей школы на какие-то “низшие”, “средние” и “высшие” школы, на “классические” и “реальные”, “коммерческие” и “промышленные”, “светские” и “духовные” и т.д.» [10, с. 49].

Знакомство с описанием этой новой школы дает основание сделать вывод, что речь идет не о школе как таковой, а о системе образования, построенной на общих, единых основаниях, но обеспечивающей возможность для реализации различных образовательных потребностей. «Мы представляем себе единую школу, причем эта школа, конечно, будет размещаться во множестве зданий и может распадаться на низшие, средние и высшие» [10, с. 60]. Низшие отделения по сути своей должны были составлять начальную школу. Здесь предполагалось обучать детей чтению, письму, счету, знакомить их с окружающей природой и «общественной действительностью», с основными учреждениями страны, с верованиями людей.

Следующее звено – средние отделения школы. Изучаемые в них предметы должны были разделяться на «обязательные» и «необязательные». В число обязательных входили Закон Божий, законоведение, всеобщая и отечественная история, естественная история, география, русский язык, элементарная математика. «Все остальные предметы, преподаваемые в наших средних учебных заведениях, – писал Н. Н. Новиков, – должны быть признаны необязательными, и изучение их предоставлено свободному выбору учащихся» [10, с. 62].

Подтверждая, что речь в его проекте идет о перестройке всей системы образования, он подчеркивал, что единство школы не нарушится, если высшие ее отделения будут называться университетами, средние – гимназиями, а низшие – просто школами.

Отношение общества к системе образования не могло не интересовать государство. В связи с этим Министерством народного просвещения был проведено соответствующее исследование, результаты которого были опубликованы. Среди того, что, по мнению исследователей, вызывало «наибольшее беспокойство» общественности, указывалось: отчужденность от семьи и бюрократический характер средней школы; невнимательность к личным особенностям учащихся и пренебрежение воспитанием нравственным и физическим; чрезмерность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учеников; недостаточное преподавание русского языка, русской истории и русской литературы и слабое ознакомление с окружающей природой; излишнее преподавание древних языков и неправильная постановка их преподавания; слабое и ненормальное преподавание отдельных предметов в реальных училищах и др. [11, с. 35].

Понимание необходимости обновления системы среднего образования заставило императора Николая II в мае 1901 г. обратиться к вновь назначенному министру народного просвещения Петру Семеновичу Ванновскому с Высочайшим рескриптом. В нем отмечалось: «Опыт последних лет указал <...> на столь существенные недостатки нашего учебного строя, что Я признаю благоприятным безотлагательно приступить к коренному его пересмотру и исправлению» [12, с. 2349].

П. С. Ванновским была создана специальная комиссия по преобразованию средней школы, которая работала в мае – июне 1901 г. Выработанный ею проект образовательной реформы был представлен императору. Проект предусматривал весьма существенную перестройку средней школы, ее структуры, содержания образования. Ее характерные особенности состояли в следующем: школа должна быть единой: упразднены существовавшие до сих пор гимназии и реальные училища, обладавшие разным статусом;

первые три класса средней школы должны быть общими и обязательными для всех учеников; начиная с IV класса, ученики средней школы должны делиться на две группы, различающиеся содержанием и направленностью обучения.

Кроме этого учебный план новой школы предусматривал существенное понижение места и роли в содержании общего образования древних языков, одновременно повышая значение естествознания. Важным моментом проекта стало то, что он предполагал предоставление возможности поступления учеников низших школ при условии сдачи соответствующих экзаменов в IV класс средней школы.

Проект комиссии П. С. Ванновского был встречен в обществе неоднозначно. Главное же, что определило его судьбу, – это позиция императора. Николай II не скрывал того, что у него «не лежит сердце к этой быстрой ломке школы». Неудовольствие его было направлено «не столько по отношению к самому проекту, сколько к своевременности его – именно теперь в это и без того смутное время» [13, с. 61]. Основное, что определяло позицию императора, это нежелание идти в русле, как он выразился, «так называемого общественного мнения».

Таким образом, государственная власть в очередной раз продемонстрировала фактическое игнорирование общественного мнения, боязнь излишне смелых, с ее точки зрения, мер по обеспечению развития страны. Модернизация системы образования пошла путем незначительных изменений: это не решало ее глубоких проблем.

Список литературы

1. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1900 год. СПб., 1902.
2. *Езерский О. Н.* К вопросу о реформировании гимназии // *Русская школа*. 1900. № 10–11. С. 116–149.
3. *Архангельский А. С.* К предстоящей реформе нашей средней школы // *Русская школа*. 1901. № 7–8. С. 190–207.
4. *Стоюнин В. Я.* Наши школьные вопросы (Из посмертных бумаг В. Я. Стоюнина) // *Русская школа*. 1900. № 1. С. 82–91.
5. *Грот Я. К.* По поводу школьной реформы. О необходимых элементах общего образования и воспитания. СПб., 1901. 42 с.
6. *Тихомиров Д.* Об основах и организации средней школы. СПб., 1900. 129 с.
7. *Юзефович Б.* Статьи по вопросам народного образования. Киев, 1895. 89 с.
8. *Юзефович Б. М.* Печать, политика и школа. Киев, 1903. 121 с.
9. *Трифановский Д. С.* Наша общеобразовательная школа, ее недостатки и необходимость и возможность для России положить в основание ее новые начала. М., 1891. 58 с.
10. *Новиков Н.* Наука, школа и жизнь. Одесса, 1900. 63 с.
11. Краткий обзор деятельности министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н. П. Боголепова (12 февраля 1898 – 14 февраля 1901 гг.). СПб., 1901. 83 с.
12. *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Настольная книга по народному образованию: Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. по школьному и внешкольному образованию народа : в 3 т. СПб., 1904. Т. III. С. 1539–2623.
13. Письмо Николая II П. С. Ванновскому // *Былое*. 1918. № 1. С. 60–61.

Russian School at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Estimations of Contemporaries

A. N. Pozdnyakov

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: alnikpoz@mail.ru

The development of Russian educational system at the end of the 19th century depended on the solution of a number of complex problems which became extremely urgent at that time. The society was concerned with such important issues as expansion and updating of elementary education, introduction on this basis general compulsory education; restructuring of secondary education, adjusting its structure and curriculum to contemporary demands and international practices; ensuring coordination between different educational levels, creation of common successive system of general compulsory education. We can make the judgments about the spread of the discussions and the principled stands of their participants by the articles and books published at the end of the 19th and at the beginning of the 20th century. They represent a wide range of points of view concerning the ideas of educational system development characteristic for the Russian society at that time. However, the state power, which was frightened of the measures considered to be too harsh to take, in fact ignored the public opinion. Modernization of educational system resulted only in slight changes, which did not solve its basic problems.

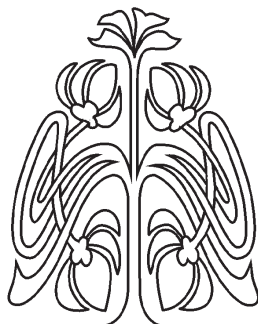
Key words: gymnasia, non-classical secondary school, restructuring of educational system.

References

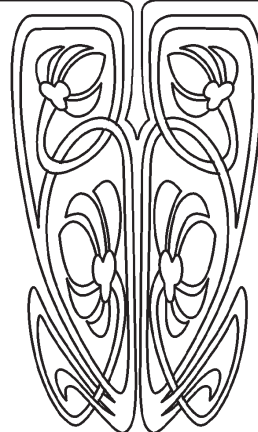
1. *Vsepoddanneyshiy otchet Ministra narodnogo prosveshcheniya za 1900 god* (Humbly report of the Minister of People Education, 1900). St. Petersburg, 1902.
2. *Ezerskiy O. N.* K voprosu reformirovaniya gimnazii (On the reform of gymnasium). *Russkaya shkola* (Russian School), 1900, no. 10–11, pp. 116–149.
3. *Arkhangelskiy A. S.* K predstoyashchey reforme nashey sredney shkoly (For the upcoming reform of our secondary schools). *Russkaya shkola* (Russian School), 1901, no. 7–8, pp. 190–207.
4. *Stoyunin V. Ya.* Nashi shkolnye voprosy (Iz posmertnykh bumag V. Ya. Stoyunina) (Our school issues {from the posthumous papers by V. Ya. Stoyunina}). *Russkaya shkola* (Russian School), 1900, no. 1, pp. 82–91.
5. *Grot Ya. K.* *Po povodu shkolnoy reformy. O neobkhodimyykh elementakh obshchego obrazovaniya i vospitaniya* (About school reform. The necessary elements of general education and training). St. Petersburg, 1901. 42 p.
6. *Tikhomirov D.* *Ob osnovakh i organizatsii sredney shkoly* (On the bases, and the secondary school organization). St. Petersburg, 1900. 129 p.
7. *Yuzefovich B.* *Statyi po voprosam narodnogo obrazovaniya* (Articles on public education). Kiev, 1895. 89 p.
8. *Yuzefovich B. M.* *Pechat, politika i shkola* (Printing, policies and school). Kiev, 1903. 121 p.

9. Trifanovskiy D. S. *Nasha obshcheobrazovatel'naya shkola, ee nedostatki i neobkhodimost i vozmozhnost dlya Rossii polozhit v osnovaniye yeye novye nachala* (Our public school, its shortcomings and needs and opportunity for Russia to put new beginnings in the base of it). Moscow, 1891. 58 p.
10. Novikov N. *Nauka, shkola i zhizn* (Science, School and Life). Odessa, 1900. 63 p.
11. *Kratkiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya za vremya upravleniya pokoynogo ministra N. P. Bogolepova (12 fevralya 1898–14 fevralya 1901 gg.)* (A brief review of the Ministry of Education activity during the administration of the departed Minister N. Bogolepov {February 12, 1898 – February 14, 1901}). St. Petersburg, 1901. 82 p.
12. Falbork G., Charnoluskiy V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu: Zakony, rasporyazheniya, pravila, instruktsii, ustavy, spravochnye svedeniya i pr. po shkolnomu i vneshkolnomu obrazovaniyu naroda: V 4 t.* (Handbook of Public Education: The laws, ordinances, rules, regulations, statutes, and other background information on formal and informal education of people: In 4 vol.). St. Petersburg, 1904. T. III. Pp. 1539–2623.
13. *Pismo Nikolaya II P. S. Vannovskomu* (Letter from Nicholas II to P. S. Vannovsky). *Byloe* (Bygones), 1918, no. 1, pp. 60–61.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2014 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».

Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: aporia@inbox.ru